

А.И. Казанков

ВРЕМЯ МЕСТНОЕ

ХРОНИКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

Александр Игоревич Казанков

ВРЕМЯ МЕСТНОЕ

ХРОНИКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Пермь
2016

УДК 94(470)"1930"
ББК 63.3(2)614
К 14

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ПГИК.
Протокол № 2 от 07.10.2016 г.*

Рецензенты:

*О. Л. Лейбович, доктор исторических наук (ПГИК)
А. Д. Боронников, кандидат философских наук (ПНИПУ)*

Казанков А. И.

К 14 **Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография / А. И. Казанков. – Перм. гос. ин-т культуры. – Пермь, 2016. – 163 с.**

ISBN 978-5-91201-236-5

В монографии рассматривается повседневная культура сельских жителей Западного Урала в 30-х годах XX века. Книга предназначена для историков, культурологов и всех тех, кто интересуется советским прошлым.

УДК 94(470)"1930"
ББК 63.3(2)614

ISBN 978-5-91201-236-5

© Пермский государственный
институт культуры, 2016.

Содержание

Предисловие автора	4
Введение	6
Рассуждения о методе	13
Три модуса времени.	31
Области жизненного мира и пространство повседневности.	48
Пересуды на завалинке	61
«Бывшие люди»	78
Родство и свойство	80
«Лично знакомые мне...»	85
«Духовная корпорация».....	88
«Церковный наш староста...» и «синдром кошки».....	105
Обитатели церковной паперти	113
Труд, хлеб, водка	119
Эпилог.....	161

Предисловие автора

Эта книга – дань памяти обычным «незаметным» людям, нашим землякам – обитателям сел, деревень и заводских поселков нынешнего Пермского края. Они занимались привычными делами: как-то добывали хлеб насущный, высказывали немудреные суждения о мире и происходящих в нем событиях, дружили, любили и враждовали, женились и разводились, странствовали, сидели в тюрьме, ели и пили, радовались и горевали – одним словом, жили. А их жизни сплетались в плотную, и при этом – очень хрупкую ткань провинциальной повседневности первой половины XX века. Они не писали мемуаров, о них не найти, пожалуй, никаких документальных свидетельств – за исключением томов следственных дел, хранящихся в архивных фондах.

Внимательное чтение этих документов, поиск деталей, которые не интересовали оперативных работников органов ОГПУ-НКВД, а для героев нашего исследования были естественны как воздух, позволило увидеть целый жизненный мир – цельный, сложный и интересный, но обреченный на скорую гибель. Реконструкции этого мира и будет посвящена предлагаемая вашему вниманию работа. Предстанет же он таким, каким смогла его увидеть, услышать и понять особенная, не похожая на другие группа «церковных людей». Они были частью этого мира, и сошли с исторической сцены вместе с ним.

Однако ремесло историка имеет свои, и довольно строгие, правила. Прежде чем продемонстрировать панораму свернувшейся, убежавшей за горизонт и не доступной для обыденного взгляда действительности, он обязан объяснить, как этот образ прошлого сложился в его сознании. Предъявить не всегда гладкую, красивую и интересную всем «изнанку» до того, как будет показана сама получившаяся «вышивка». Поэтому первые два раздела – «Введение» и «Рассуждения о методе» адресованы в первую очередь коллегам по цеху. Тем, кого они не интересуют, можно порекомендовать начинать чтение прямо с раздела «Три модуса времени» и не принимать участия в скучноватой церемонии вручения верительных грамот профессионального историка.

Автор хотел бы высказать искреннюю благодарность тем, без кого эта книга не была бы написана вовсе – мудрым советчикам, внимательным читателям и благожелательным критикам: О. Л. Лейбовичу, А. В. Бушмакову, А. Л. Глушаеву, Е. И. Бобрик. Отдельной благодарности заслуживает сотрудник Пермского государственного архива новейшей истории И. Ю. Федотова. И, конечно, – Н. А. Яринская, которая терпела автора долгие годы и любезно делает это до сих пор.

9 октября 2016 г. Пермь.

Введение

Пожалуй, наиболее значимым (и важным для понимания современной социальной ситуации) периодом в новейшей истории России является первая половина XX века. События того времени можно трактовать как *социальную катастрофу* или *социальную революцию* – при диаметральной противоположности этих оценок, обе они удостоверяют грандиозность масштаба произошедшего.

В перспективе исследования истории этой колоссальной социальной трансформации отчетливо различаются две стратегии.

Первая, доминировавшая в гуманитарных науках до недавнего времени, представляет собой традиционный объектно-ориентированный генерализирующий подход, который *«умеет считать»*. Он устремлен к артефактам и институтам и основывается на статистических данных, извлекаемых из серийных источников. Создано столько-то школ, открыто столько-то библиотек, написано столько-то книг, процент безграмотных сокращен до ... и т.п. Или, если придерживаться иной шкалы оценок: закрыто столько-то церквей и монастырей, разорено столько-то усадеб, ликвидировано столько-то книжных собраний и коллекций живописи, выслано за границу ... дцать ученых и т.п. К достоинствам этой стратегии можно отнести социально-экономическую фундированность, широту охвата, умение выделять тенденции развития. Она позволяет предметно охарактеризовать, допустим, «промодернизационную тенденцию» или «контрмодернизационную тенденцию» в культуре. Однако у нее есть не вполне очевидные, но существенные недостатки.

Располагаясь *«вне и после»* реального исторического процесса, сильный задним умом «объективный» исследователь неизбежно преувеличивает, как это ни парадоксально, его субъективную составляющую. Проще говоря, он повсюду имплицитно, в лучших традициях «проекта Просвещения», индивидуального или коллективного *рационального субъекта действия*: «Согласно постановлению Народного комиссариата просвещения...», «И. В. Сталин решил, что...», «По инициативе А. В. Луначарского...», «В директиве Свердловского обкома ВКП(б) указывалось...» «Политика «Союза воинствующих безбожников» была

направлена на...», «Композитор *N* написал симфонию *M*» и т.д. Даже декларируя приверженность тезису «историю творят массы», подобные реконструкции как раз совершенно игнорируют то, *как именно* массы участвуют в процессе образования, воспринимают и исполняют решения, читают книги и слушают музыку, а также совершают еще десятки миллионов совершенно обыденных практических действий.

Другим серьезным недостатком (производным от описанного выше) этой исследовательской стратегии является суженное понимание самой культуры. Если ориентироваться на ту трактовку культуры, которая рассматривает ее как всеохватывающую сумму небιологических (социальных) технологий человеческой жизнедеятельности (Л. Ионин, О. Лейбович), то она, неизбежно, должна включать и «бессубъектные» действия, в которых человек выступает всего лишь в качестве *актора*.

Обычно подобное определение («бессубъектность») относилось к архаической, традиционной и, в целом, народной культуре (при всей условности данного термина), но в последние десятилетия ситуация в гуманитарном знании меняется. Даже если не принимать во внимание торжественно провозглашенную постмодернизмом «смерть автора», невозможно игнорировать ввод в научный оборот таких концептов как «габитус», «повседневность», «фоновые практики» и т.п., ориентированных именно на описание культуры модерна. Их появление выражает настоятельную потребность учесть при интерпретации культурного процесса «голоса из хора» и амбициозную претензию довести научное описание до истолкования поведения отдельного индивида. Пожалуй, так может быть сформулировано одно из определений «антропологического поворота» в гуманитарных науках.

В конечном счете, именно миллионы безвестных «актеров», живших своей *повседневной жизнью*, чуждой всякой рефлексии, ежедневно и ежечасно своими действиями если не направляли, то уж точно существенно корректировали вектор и определяли динамику исторического процесса. Именно они выбирали – сходить ли в церковь или в избу-читальню; вступить в колхоз или от-

правиться «на строительство»; купить детям книжку или новые валенки; послушать радио или проповедника-пятидесятника; стилизовать свое поведение в соответствии с властными предписаниями, или демонстрировать пассивное, но вязкое и массовидное сопротивление, для обозначения которого необходим российский аналог «*Eigensinn*»¹ А. Людтке (безалаберная твердолобость?).

Попытка показать социокультурную динамику «снизу», интерпретировать ее на уровне повседневных практик – это, как убедительно продемонстрировал С.В. Журавлев в предисловии к сборнику работ упомянутого выше А. Людтке и есть, по сути, новая стратегия целого «пучка» близкородственных гуманитарных дисциплин (от гендерного подхода до *Alltagsgeschichte*), альтернативная описанной ранее. И в дальнейшем данное исследование будет ориентировано именно на нее.

Простое, на первый взгляд, перенесение фокуса исследования в пространство повседневности, следующие принципу индивидуации (противоположному генерализации), ставит перед гуманитарным знанием ряд непростых проблем. Необходимо по-новому формулировать цели и задачи научного поиска; разрабатывать адекватный задачам концептуальный аппарат; искать новые, отвечающие требованиям изменившейся «исследовательской оптики» источники и особенные процедуры работы с ними. Вместе с тем важно отчетливо представлять ряд принципиальных ограничений, налагаемых принятой стратегией.

Прежде всего, следует упомянуть о пространственно-временных ограничениях. Классические методологии, ориентированные на «жесткий» концептуальный синтез, стремятся охватить пространство «материкового» типа, изоморфное паноптическому пространству власти. Они развертывают описания в масштабах целой страны (СССР, Российская Федерация), субъекта федерации (Пермский край), крупного региона (Западный Урал). Такое пространство гомогенно и континуально. Пространство повседневности, образуемое сосуществующими жизненными мирами отдельных персонажей, сгруппированное во-

¹ См. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 С.

круг индивида, неизбежно тяготеет к локальности и выглядит «архипелагом» освоенных и осмысленных мест. Оно гетерогенно и дискретно. Это всегда какое-нибудь село Беркутово Кунгурского района, Александровский или Юговской завод, а то и пещерная церковь, открытая на сороковом километре от деревни Криулино по осинскому тракту. А есть в повседневности, как будет показано далее, еще и откровенно мифические пространства – «Япония», «Германия», «Индия», «Испания», «Иерусалим».

То же самое можно предположить (не предвосхищая последующих выводов) относительно времени. Внутри классической методологии априорно заложено однородное астрономическое время, безразличное к человеку, его «возрастам жизни» и т.п. Это время пятилеток, календарного года, квартала, декады, конкретного дня определенного месяца. Описывая время повседневности, мы необходимо будем соразмерять его с конкретным персонажем, «человеческой ситуацией», и оно окажется – разным (по меньшей мере).

Следовательно, и сами повседневные практики, помещенные в столь мозаичные пространственно-временные рамки, будут неизбежно тяготеть к казусу, событию, происшествию, а вовсе не разворачиваться понятным образом из единого экономического, идеологического или властного источника.

Все эти сделанные *sine qua non* оговорки позволяют правильно понять цель дальнейшего исследования: реконструировать провинциальную повседневность Западного Урала, увиденную глазами экстремально маргинальной социальной группы («церковных людей»). Эта особенная *точка зрения* (в буквальном смысле этого слова) избрана вовсе не случайно. Мы исходим из того, что сельские, по преимуществу, батюшки, дьяконы, псаломщики, а заодно и старосты, сторожа, юродивые, бродячие проповедники, нелегальные монахи и монашки, а также прочие «*церковные люди*» образовали в первой половине XX века обособленное, узнаваемое даже внешне сообщество, пронизанное корпоративным духом.

Находясь в ситуации перманентной социальной катастрофы, балансирующие на тонкой, едва различимой грани легальности православные священни-

ки должны были обладать обостренным восприятием происходящих в окружающем мире событий. Их отличала, как мы увидим, свойственная всем маргиналам поразительная мобильность и вирулентность. С другой стороны, благодаря крепким крестьянским корням и богатому жизненному опыту, они обладали огромным запасом витальности, позволявшей приспособливаться к самым непростым условиям. Сочетание этих двух обстоятельств и сформировало особый, уникальный *жизненный мир*, в котором причудливо переплеталась традиция и новации.

Объектом исследования является повседневная жизнь обитателей сел, деревень и заводских поселков нынешнего Пермского края в первой половине XX века. Специфическим *предметом* исследования станут ментальные структуры, непосредственно связанные с восприятием времени и пространства, межчеловеческие отношения и предметные практики, посредством которых исключенное из политической, экономической и «общественной» жизни духовенство пыталось осмыслить («означить») социокультурную реальность и адаптироваться к ней.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач. Поскольку повседневное пространство жизненного мира поддается (в исследовательском аспекте) скорее не аналитическому «взлому», но вдумчивой и внимательной *феноменологической дескрипции*, прежде всего придется эксплицировать и максимально прояснить эвристический потенциал таких базовых в данном случае понятий как «жизненный мир», «повседневность», «ментальность», обратившись к соответствующим научным школам: феноменологической социологии, культурной антропологии, микроистории, истории повседневности (*Alltagsgeschichte*), постструктурализму, а также оценить степень продвижения российского гуманитарного знания в этой области.

Далее, следует определить круг источников, позволяющих достичь заявленной цели. Очевидно, что в наибольшей степени ей соответствуют так называемые «источники личного характера». Но, как известно, жители сел, деревень и заводских поселков Западного Урала в первой половине XX века не вели

дневников и альбомов, имели крайне ограниченную и совершенно неинформативную личную переписку (которая, кстати, для исследователей практически не сохранилась) и не оставляли мемуаров. Использовать инструментарий «*oral history*» за давностью лет не представляется возможным – свидетелей и очевидцев, способных рассказать о том далеком времени, не осталось. В подобном случае остается одно – обратиться к «инквизиторской антропологии». Этим путем в свое время двинулся Э. Ле Руа Ладюри, создавший эталонный труд по истории и культуре окситанской деревни Монтайю на основе архива архиепископа города Памье, возглавлявшего именно трибунал святейшей инквизиции. По словам Ле Руа Ладюри, епископ допрашивал крестьян «въедливо и подолгу», не увлекаясь, впрочем, пытками. Примерно также действовали до поры до времени оперуполномоченные районных отделов НКВД на территории нынешнего Пермского края, и составленные ими протоколы допросов с некоторыми оговорками можно считать его документами. Более подробно проблема источников будет рассмотрена далее.

И, наконец, осуществив предварительную разметку поля исследования и основываясь на строго документированных сведениях, можно приступать к решению главной задачи – максимально объективной реконструкции субъективно понимаемой, истолковываемой и деятельно-практически воспроизводимой «акторами» давно ушедшей, «схлопнувшейся» до полной герметичности повседневности, выявлять ее социальные и культурные смыслы.

Поскольку методологические основания работы будут подробно рассмотрены в разделе «Рассуждения о методе», здесь можно ограничиться несколькими предварительными замечаниями. Само понятие «жизненного мира» прямо адресует нас к феноменологии в самом широком ее понимании: от классических трудов Э. Гуссерля до многочисленных ответвлений феноменологической социологии. Строгую гуссерлианскую философскую теорию «трансцендентальной эгологии»² впоследствии несколько раз пытались, причем – весьма продуктивно, адаптировать к проблемному полю гуманитарного знания. В 30-х

² См. Гуссерль Э. Картезианские размышления /Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург: Ювента, Наука, 1988.

годах XX века к ней обратился А. Щюц³, а в 60-х годах того же века уже научное наследие самого А. Щюца было реинтерпретировано П. Бергером и Т. Лукманом⁴. Подчеркнем, что данная работа ориентирована более на общие принципы научного описания, содержащихся в указанных трудах, чем на ту или иную конкретную объяснительную конструкцию – следует принять во внимание существенные различия исторического и социокультурного контекста и разницу предметов изучения.

³ См. Щюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Щюц. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995.

Рассуждения о методе

Любая «сетка метода» способна «вылавливать» только определенные предметы. Справедливо и обратное: специфические предметы попадают в строго определенные «ячейки методологической сети». Единство набрасываемой на мир «методологической сетки» и *релевантных методологии фактов* после классического труда Т. Куна и И. Лакатоша привычно обозначается в науке понятием «парадигма» или «исследовательская программа», а в российской традиции очень часто – «концепция». Рецепция парадигмы (концепции) повседневности – или «жизненного мира», или так – «повседневного мира» в российском гуманитарном знании начинается во второй половине 90-х годов XX века. В данной констатации можно усмотреть два смысла.

Первый вполне очевиден: концепция повседневности постепенно складывалась в европейской и американской научной традиции. Согласимся с мнением В. В. Корнева:

Исследование повседневного мира составляет особую и одну из самых интересных тем современной гуманитаристики. Но само понятие «повседневность» подвергается рефлексии гораздо реже, чем обозначаемые им предметы. Во многих сочинениях представителей «феноменологической социологии повседневности», школы Анналов, «микроистории», в трудах европейских структуралистов и постструктуралистов это понятие используется «по умолчанию» или определяется довольно банально.⁵

Все основные школы и направления обозначены правильно. Назовем их еще раз, внося некоторые уточнения и расположив их в хронологической последовательности. В первые два десятилетия XX века сложился основной корпус классических текстов гуссерлианской философии: «Логические исследования», «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», «Картезианские размышления». В следующем десятилетии к наследию Э. Гуссерля обратился А. Щюц – основатель феноменологической социологии, а в 60-х годах идеи Щюца получили развитие в «социологии знания» П. Бергера и Т. Лукмана. Так можно пунктирно обозначить первую из «генеалогических

⁵ Корнев В.В. Проблематизация категории «повседневность» / В. В. Корнев // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2(58). С.85.

линий» современной концепции повседневности. Были и другие. На рубеже 60 – 70-х годов XX века в Школе «Анналов» происходит смена поколений - приходит третья, «пост-Броделевское» поколение (Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри и др.), уделявшее особенное внимание проблеме исследования ментальностей. Одновременно, или чуть позднее оформляется итальянская школа микроистории (К. Гинзбург, Д. Леви, С. Черутти и др.), в Германии заявляет о себе одно из «ревизионистских» направлений историографии – история повседневности, *Alltagsgeschichte* (А. Людтке и др.). Тогда же завершился «археологический период» в творчестве М. Фуко, и он перешел к анализу дискурсивных и дисциплинарных практик, опубликовав в 1975 г. «Надзирать и наказывать». Чуть раньше появилась работа П. Бурдьё «Эскиз теории практик» (1972 г.).

Вот далеко не полный перечень научных традиций (возможно, стоило упомянуть еще этнометодологию Г. Гарфинкеля и символический интеракционизм И. Гофмана), определивших проблемное поле концепции повседневности и наметившие основные методологические подходы к описанию повседневного жизненного мира. Он свидетельствует о том, что проследить весь непростой путь филиации идей, из которых эта концепция сложилась, а также развернуть все (иногда явно противоречащие друг другу) смыслы, которые в ней имплицированы – возможная задача специального масштабного исследования, далеко выходящая за рамки данной работы. Что, впрочем, не освобождает автора от обязанности как-то определить и операционализировать такие базовые понятия как «повседневность», «жизненный мир», «ментальность», «практики».

Но это – только первая часть задачи, решаемой в этом параграфе. Вторая прямо вытекает из того факта, что концепция повседневности была заимствована российскими исследователями-гуманитариями сравнительно недавно. Автор лично присутствовал на одной из первых научных конференций, посвященной повседневности – «Научная рациональность и структуры повседневности», проходившей в ноябре 1999 года в Санкт-Петербурге. Следовательно, необходимо хотя бы в самом общем виде показать, как новая научная парадигма была усвоена (заметим в скобках, что А. Людтке называет проблему усвоения цен-

тральной темой как раз именно истории повседневности, *Alltagsgeschichte*⁶) и как она впоследствии применялась. Заключительная часть задачи, решению которой посвящен этот раздел работы – дать характеристику источников, на которых будет основываться исследование, выяснить, что они позволяют увидеть и какие неизбежные лакуны оставляют незаполненными.

Первая трудность, которую предстоит преодолеть, заключена в необходимости дать характеристику методологического наследия феноменологической традиции. Если подобная метафора уместна, это нечто сродни обязательству «Я вам вкратце Библию перескажу» - ненужно (все и так знают), необъятно и претенциозно до смешного. К тому же это уже сделал, например, пожалуй лучший из ныне живущих специалистов в этой области – Б. Вальденфельс.⁷ Он сумел уложить все в одну лекцию, к которой мы и обратимся, делая лишь самые необходимые отступления и комментарии.

«Известный пароль «Назад к самим вещам!» остается повседневной самопонятностью, если вместе с этим паролем не обсуждается статус «самих вещей»⁸ – так начинается у Б. Вальденфельса введение в гуссерлианскую философию. Не будем пока акцентировать внимание на употреблении концептов «повседневное» и «самопонятность». Феноменолог бы сказал «это еще никак не конституировано». Сосредоточимся на смысле самого пароля – здесь многое важно и неоднозначно, но именно вокруг этого тезиса группируются исходные методологические принципы (и даже конкретные исследовательские приемы) феноменологии вообще.

Прежде всего, в призыве «Назад к самим вещам!» нет ни наивного объективизма, ни объектоцентризма. Стремясь построить философию на строго аподиктическом фундаменте самоочевидного живого опыта (телесно-живой – *leibhafte* - действительности), Э. Гуссерль рассматривал вещи *исключительно* как нечто явленное в трансцендентальном поле сознания мыслящего Я (*ego co-*

⁶ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – Москва: Российская полтическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. С. 120.

⁷ См. Вальденфельс Б. Феноменология опыта Эдмунда Гуссерля / Б. Вальденфельс // Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилеи, 1999.

⁸ Вальденфельс Б. Феноменология опыта Эдмунда Гуссерля / Б. Вальденфельс // Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилеи, 1999. С. 143.

gito), в «исконно дающем созерцании», или, короче, - в *интенции*. В самом интенциональном (направленном-на) акте различаются два момента – являющееся в нем как некоторое «что» (интенциональный объект, ноэма), и модальность явления как некоторое «как» (ноэзис). Например, я представляю «ноябрьский день в Москве» и он дан мне в модусе воспоминания – я был в Москве в ноябре позапрошлого года. В здесь-и-сейчас моего бодрствующего сознания эта «вещь» себя вот так (*da*) дает. И, следовательно, все иное, выходящее за пределы этой *вот-так-данности* должно быть отброшено.

В этом и состоит суть первого и исходного методологического принципа феноменологии, который обозначается как принцип *редукции*, феноменологического *epoché* или (иногда) «*подвешивания*». Б. Вальденфельс поясняет: «... феноменолог не может полагаться на устойчивые слова и понятия, не подчинив при этом «сами вещи» чуждым для них законам».⁹ Иначе говоря, все заранее данные смыслы нужно срезать, упразднить, вынести за скобки непосредственной явленности вещи.

Этот общий принцип легко превращается во вполне конкретное правило метода. Приведем его в элегантной формулировке П. Бергера и Т. Лукмана: «Феноменологический анализ повседневной жизни, или, скорее, даже ее субъективного восприятия, воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов».¹⁰ Если в трансцендентальном поле сознания интенциональный объект «черная кошка, перебегающая мне дорогу» дан в модальности «указания возможного несчастья», исследователю повседневности нет надобности уточнять – реальная эта кошка, или воображаемая. Тем более ненужным и излишним для феноменолога было бы различие самой кошки как «отражающегося в сознании материального объекта» и ее субъективного «превращенного» образа, данного через идеологическую призму предрассудка, объясняемого наличием жестокого классового угнетения и засильем поповщины.

⁹ Вальденфельс Б. Феноменология опыта Эдмунда Гуссерля / Б. Вальденфельс // Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилей, 1999. С.143.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. С. 39.

В перспективе исследования конкретной историко-культурной ситуации «снизу» это означает то, что в дальнейшей работе «колхоз», «фашизм», «евреи», «Испания», «коммунисты», «последние времена», «пришествие антихриста» и иные явления социальной, экономической и культурной жизни т.п. будут иметь ровно тот смысл, *каким его наделяло выражаемое в дискурсе сознание того или иного актора.*

Пожалуй, тут уместно сделать одно принципиальное разъяснение, которое давно напрашивается в данном контексте. Оно упреждает прямой вопрос о применимости феноменологического инструментария к исследованию повседневности, от которой нас отделяет солидная временная дистанция; повседневности, которой больше нет, как нет и тех, кому она была дана в живом опыте. Наиболее авторитетный ответ на этот вопрос дал в свое время основатель итальянской школы микроистории К. Гинзбург¹¹ после того, как ему удалось реконструировать довольно причудливую смысловую вселенную фриульского мельника Доменико Сканделла, прозванного Меноккио, жившего в Италии в XVI веке¹² (на основании, заметим, материалов инквизиционных процессов).

Свой ответ К. Гинзбург сформулировал в виде *уликовой парадигмы*. Повседневность оставляет следы («улики») в знаково-символических системах, в дискурсе в самом широком смысле. Причем именно на уровне речевых или, допустим, живописных автоматизмов, когда говорящий или рисующий менее всего сконцентрирован на произносимом (изображаемом), наименее идеологически ангажирован, охвачен пафосом, склонен к рефлексии и т.п. К. Гинзбург далеко не случайно подчеркивал, что его методология несомненно напоминает психоанализ, но еще и – дедуктивный метод Шерлока Холмса и приемы атрибуции живописи Дж. Морелли. Таким образом, повседневность *проговаривается* в нарративах личного происхождения, оставляя в ней метки своего присутствия. Прямо и непосредственно заглянуть за горизонт чужого жизненного ми-

¹¹ См. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей / К. Гинзбург. – Москва: Новое издательство, 2004.

¹² См. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / К. Гинзбург. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ра невозможно, но можно косвенным образом попытаться его реконструировать по оставленным следам – с неизбежными провалами, купюрами и лакунами.

Следующим методологически важным следствием приверженности принципу самоданности вещи является примат *описания* над *объяснением*:

Способ обнаружения, соответствующий живому процессу опыта, - это *описание*, понятое не как голая инвентаризация «фактов сознания», а как разворачивание смысла. Удавшееся описание обнаруживает нечто с помощью слов, оно дает нам увидеть то, что бы мы без него увидеть не смогли.¹³

Исследовательская позиция здесь фиксируется не «над» выражением чужого опыта, в котором пытаются найти нечто, требующее объяснения, вскрытия внеопытной сущности или усмотрения закона, а «под» ним, для дескрипции явленного.

Не менее важным принципом исследования является *индивидуация*: всеобщее не следует представлять как отвлечение сходного в некой серии созерцаний. Напротив, серия есть повторение сущностно тождественного, которое следует понимать из него самого (это и есть гуссерлианский *эйдос*). В перспективе нашего исследования это означает, что акцент будет сделан на плотном (насколько возможно) описании уникально-биографического. Поэтому вопрос о том, насколько «типична» та или иная практика, например – женитьба дьякона Кукшинова на комсомолке Мехоношиной, совершенно не уместен. Ведь именно описание этого феномена только и позволяет понять, чем являлась свадьба в смысловом горизонте уральского рабочего поселка середины 30-х годов. Аналогично, описание круга чтения иеромонаха Нифонта (Агафонова) показывает, что вообще могли читать провинциальные интеллектуалы.

Перед тем, как двинуться далее, подведем промежуточный итог. Мы охарактеризовали три базовых принципа, составляющих специфику определенного исследовательского подхода: «Назад к самим вещам!». Это принципы *редукции*, *индивидуации*, *плотной эйдетической дескрипции*:

¹³ Вальденфельс Б. Феноменология опыта Эдмунда Гуссерля / Б. Вальденфельс // Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилеи, 1999. С.147.

«Назад» возвещает движение в обратном направлении. Мы делаем шаг назад, как это рекомендует в том числе Хайдеггер, когда при рассмотрении картины отступаем назад, чтобы получить обзор.¹⁴

Дальнейшее продвижение к конституированию жизненного мира связано с тем, что являющиеся в опыте вещи, по выражению Э. Гуссерля, демонстрируют единство (или инвариантность) стиля своего явления:

Вещи чувственно воспринимаемого мира (всегда воспринимаемые так, как они воспринимаются в *нашей повседневной жизни* и оцениваемые как некая действительность) обладают, так сказать «*привычностью*», сохраняясь в *типичных*, схожих друг с другом обстоятельствах. Если взять чувственно воспринимаемый мир в целом, лишь в его изменчивой данности, то он как целое обладает своей «привычностью», а именно <свойством> быть столь же привычным сегодня, каким привычным он был вчера. Итак, эмпирически воспринимаемый нами мир обладает общим эмпирическим стилем. (Выделено мной. – А. К.).¹⁵

В этом тезисе, очень уместно связывающем «повседневную жизнь», «привычность» и «типичность», конституирован единый, как его характеризует Э. Гуссерль, первопорядковый мир, горизонт которого принципиально открыт.

Это вовсе не метафизический тезис в духе последующей онтологии *Dasein* М. Хайдеггера. Суть его в том, что все вещи первопорядкового (обладающего единством стиля явленности) мира могут быть даны в той или иной перспективе, мы можем подходить к ним «ближе» и отступать «назад», заходить «справа» и «слева», заглядывать «за фасад», и, получая все новые и новые созерцания, осуществлять все новые и новые конституирующие синтезы – *ad finem seaculorum*. Все эти синтезы, дающие нам понятный, привычный мир, априорно связаны с течением внутреннего *времени* опыта, а различие перспектив (здесь, там, справа, слева, ближе, дальше и т.п.) составляет его *пространственную* характеристику. Подчеркнем этот принципиально важный тезис о двух всеобщих структурах опыта, неотделимых от его живого протекания, поскольку он имеет

¹⁴ Вальденфельс Б. Феноменология опыта Эдмунда Гуссерля / Б. Вальденфельс // Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск: Пропилей, 1999. С.147.

¹⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль // Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. – 357 с.

прямые практические следствия: невозможно реконструировать никакой повседневный мир, *не выполнив дескрипцию восприятия времени и пространства* (чему и будут посвящены соответствующие разделы данной работы).

Очень соблазнительно объявить этот универсум многообразных осмысленных явлений, воспринимаемых как «привычные и типичные», и в реальности которых находящееся в естественной установке сознание *никогда не сомневается*, тем самым «жизненным миром», частью которого является, собственно, сама повседневность, вот так (*da*) данная. Есть, однако, одно «но». Настолько существенное «но», что можно обозначить его как тот самый пункт, где заканчивается ясная, отчетливая, аподикитическая феноменологическая философия Э. Гуссерля и начинается феноменологическая социология культуры (А. Щюц), или знания (П. Бергер и Т. Лукман).

Позволим себе еще одно необходимое разъяснение, после которого все методологически значимые концепты исследования будут определены. Все предшествующее движение было осуществлено Э. Гуссерлем в пределах самоистолкования мыслящего *Я, ego cogito*. Если следовать этой логике далее, придется признать, что смыслы, которыми наделены вещи первопорядкового мира, тоже генерирует оно само. А это очевиднейшим образом не так. Иначе мы бы уподобились Шалтаю-Болтаю Льюиса Кэрролла, заявившему Алисе, что у *него* слово значит то, что *он захочет*, или обэриуту Д. Хармсу, предлагавшему мерить мир *саблей*. Разумеется, нормы языка, правила коммуникации – да и поведения в целом, сценарии использования вещей («вот это стул, на нем сидят») и многое другое, что А. Щюц позже назовет наличным (буквальный перевод еще лучше – «подручным») знанием, *knowledge at hand*, мы, во-первых, получаем как данность, и это тоже часть живого опыта нашего сознания, и, во-вторых, разделяем с Другими как общий человеческий мир культуры.

Сам Э. Гуссерль прекрасно понимал, что «...каждый, и притом *a priori*, живет в одной и той же природе, а именно, в такой природе, которой он, с необходимостью соединяя свою жизнь с жизнью других, придает форму мира культуры, мира, наделенного челове-

ческими значимостями, на какой бы примитивной ступени этот мир не находился».¹⁶ Но «законно» ввести все это в автономный мир опыта «центральной монады» (*ego cogito*) он не мог. Подобный ход противоречил всем принципам феноменологии и требовал бы сочинения какой-нибудь «метафизики» (онтологии) – по этому пути пойдет позже М. Хайдеггер. Поэтому основатель феноменологии прибег к тому, что можно назвать «методологической контрабандой», впрочем, как оказалось – весьма продуктивной.

Если посмотреть на структуру последнего опубликованного при жизни сочинения Э. Гуссерля – «Картезианских размышлений», в глаза бросается то обстоятельство, что треть ее объема занимает одно из пяти размышлений, последнее, озаглавленное «Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической intersубъективности». В ней философ многословно и крайне противоречиво объясняет, как трансцендентальная субъективность может конституировать в себе наличие отличной от нее трансцендентальной субъективности (вообще-то, если честно – никак). Но, даже допустив наличие другого, предстоит еще объяснить, почему наши первопорядковые миры «прозрачны» и взаимно понятны, наделены общими смыслами и определениями (предикатами), т.е. *intersубъективны*. И возникает следующая объяснительная конструкция:

...Человеческое бытие, как таковое, соотнесено в сознании с сущим *практическим миром*, который всегда уже наделен предикатами, обладающими значимостью для человека, и эта соотнесенность предполагает психологическую конституцию таких предикатов.

Тот факт, что каждый такой предикат мира возникает в результате *временного генезиса*, который укоренен в человеческом претерпевании и действии, не нуждается в доказательствах. Поэтому предпосылка для зарождения таких предикатов в отдельных субъектах и для возникновения их intersубъективной значимости как неотъемлемых предикатов общего жизненного мира состоит в том, *что человеческое сообщество, как и каждый отдельный человек, живет погруженным в конкретный окружающий мир, соотнесено с ним в претерпевании и в действии*, – что все это уже конституировано. В этом постоянно меняющемся человеческом жизненном мире меняются, очевидно, и сами лю-

¹⁶ Гуссерль Э. Картезианские размышления /Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург: Ювента, Наука, 1988. С. 253.

ди как личности, поскольку им соответственно приходится принимать все новые *хабитуальные* черты.¹⁷ (Выделено мной. – А. К.)

Здесь Э. Гуссерль сказал все, и даже больше, чем имел право сказать. Легко и непринужденно двигаясь поперек заявленных им же правил метода («Суббота для человека, а не человек для субботы»), требующего избегать причинных и генетических построений, он связывает наличие интерсубъективных значений, т.е. взаимную проницаемость миров опыта, с конкретно-практическим миром претерпевания и действия, как общей почвы, из которой они вырастают. А после вводит понятие *хабитуальности*, т.е. привычности, которое впоследствии станет одним из центральных и в феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана («хабитуализация»), и в теории практик П. Бурдьё («габитус»).

Если мы правильно поняли основные моменты истории развертывания феноменологической традиции, то согласно принципу единства исторического и логического, нам будет нетрудно уложить их в категориальную схему. В *живом опыте* сознания дан первопорядковый мир, горизонт которого открыт и который обязательно несет в себе *время* (опыта) и *пространство* (опыта). Поскольку мы обнаруживаем в этом мире человеческие значения (смыслы, предикаты), то он – мой *человеческий жизненный мир*, но и *мир культуры*, который я разделяю с *другими* (а возможно – и с *чужими*). В этом опыте разделяемого-с-другими жизненного мира («взаимности перспектив» А. Щюца) нам так (*da*) дано наличие некоторой общей основы, вновь и вновь делающей это возможным (или – несущей конструкции всех культурных смыслов). Это основание, почву (у Э. Гуссерля предикаты «укоренены») интерсубъективности предикатов, человеческих смыслов можно истолковать как ту часть опыта, которая связана с *привычным (хабитуальным), обыденным, совместным с другими людьми «претерпеванием и действием»* в конкретно-практическом мире, который тоже обладает «привычным» единством стиля.

¹⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления /Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург: Ювента, Наука, 1988. С. 257-258.

Сложившийся концепт, содержательная разметка которого показана выше, как раз и можно обозначить как *повседневный опыт* или *повседневность*. Значимость его трудно переоценить. Он содержит в себе ответы на ряд вопросов из цикла «как это возможно?», может быть развернут в целый спектр исследовательских программ, создает основу для фактически бесконечного вопрошающего и описывающего движения наук о человеке. Получилась прекрасная понятийная пара: *повседневность*, с которой связана статическая, устойчивая, ригидная и консервативная составляющая опыта, несущая и удерживающая опривыченные, осевшие («сидиментировавшиеся») смыслы, практики, нормы; и *жизненный мир* с его принципиально открытым горизонтом – источник динамики, новаций, открытий, которые потом будут «перемалываться» и оседать в повседневности в ходе совместного человеческого «претерпевания и действия». Последнее полностью согласуется с тем образом культуры («генеральная совокупность социальных технологий»), который лег в основу данной работы.

Достаточно сказать, что из этого пункта, на котором остановился Э. Гуссерль дальше каждый по-своему двинулись А. Щюц,¹⁸ феноменологическая социология знания, теория практик, аналитика ментальности и т.п.

Как было сказано ранее, активное усвоение, осмысление и применение концепции повседневности российскими гуманитариями началось в 90-х годах XX века, и оно протекало в ситуации хорошо осознаваемого кризиса. Но невозможно проигнорировать еще один опыт продуктивной «методологической контрабанды», осуществленный за два десятилетия до этого. В начале 70-х годов, формально соблюдая идеологическую ортодоксию и уместно цитируя К. Маркса, А. Я. Гуревич познакомил (в голове, естественно, вертится «протащил») читающую публику с частью наследия Школы «Анналов» в революционном для своего времени (и до сих пор не утратившего своей ценности) исследовании «Категории средневековой культуры».

¹⁸ См. Мойсеева Т. Б. Повседневность: философско-антропологический аспект [Электронный ресурс] / Т. Б. Мойсеева // Гуманитарные и социальные науки. Философия. – 2008. – № 2. Сетевое издание. Режим доступа: http://hses-online.ru/2008_02.html.

Оградив себя тройным барьером из цитат классиков, заверений в том, что изучается народная, массовая культура и, кроме того – культура давно канувших в Лету средних веков, он развернул анализ *повседневности традиционного общества*, строго придерживаясь чистоты феноменологической установки, правда, обозначив свой предмет, следуя традиции французской историографии, понятием «ментальность». Вот как определяется исследовательская задача в последнем советском (самом полном) издании 1984 года:

Пока историк сосредоточивает свое внимание на закономерностях движения общественного строя и его экономики, проблемы культуры могут оставаться вне его поля зрения. Но как только он задастся вопросом о поведении людей – субъектов исторического процесса, ему волею неволей придется вплотную заняться их социальной психологией, доминирующими умственными установками, их интеллектуальным багажом, тем образом мира, который возникал в их сознании в процессе социальной практики и налагал неизгладимый отпечаток на последнюю; исследователь увидит, что среди механизмов, управлявших изучаемым им социумом, определенную роль играли предрассудки, религиозные убеждения, верования и магические ритуалы этих людей; их «ложное сознание» являлось неотъемлемым компонентом жизни человеческих коллективов.¹⁹

Следовательно, при таком подходе «Внимание <исследователя> направлено на изучение не сформулированных явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, «психического инструментария», «духовной оснастки» людей средних веков – того уровня интеллектуальной жизни общества, который современные историки обозначают расплывчатым термином «ментальность»²⁰. Впоследствии А. Я. Гуревич еще не раз обратится к теме исследований ментальности,²¹ а добросовестно выполненный и при этом краткий экстракт его взглядов по этому поводу приведен М. А. Шенкао.²² В дальнейшем исследование понятие «ментальность» будет использоваться в значении, приближенном к указанному.

История сложных и противоречивых процессов, протекавших в интеллектуальной атмосфере 90-х годов прошлого века, до сих пор ждет вдумчивого и

¹⁹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // А. Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1984. С. 11.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ См., например: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – Москва: Индрик, 1993.

²² См. Шенкао М. А. Ментальность в зеркале «Анналов» / М. А. Шенкао // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2010. – № 20(91). – Выпуск 14. – С. 45-54

скрупулезного исследователя. В целом ситуация определялась тем, что нормативно заданная марксистская парадигма решительно вышла из моды, все подспудно протекавшие процессы поиска альтернативных методологий оказались разом легализованы, а бывшие советские обществоведы – т.е. историки, философы, специалисты по научному коммунизму, этнографы и т.п. стали выбирать «оружие по руке» из обширного меню гуманитарных парадигм: от вполне респектабельной концепции модернизации до немного маргинальных «циклов пассионарности».

Многие из некогда модных парадигм ныне забыты, но концепция повседневности избежала этой участи. Еще в 1995 г. Н. Н. Козлова и Н. М. Смирнова, характеризуя познавательную ситуацию в гуманитарных науках, подчеркивали, что интерес к повседневности является выражением кризиса классических методологий и наметившимся ценностным сдвигом:

Осознание пределов адекватности классической социальной методологии связано с закатом «духа Просвещения», который в свое время легитимировал вхождение человечества в индустриальную современность и обеспечил теоретическое оправдание приоритету экономической целерациональности перед экологией органических жизненных форм. Результатом этого процесса оказалось размывание, вынужденное разрушение структур коммуникативной рациональности традиционного общества: сферы трансляции социальных традиций, аккумулирующей его нормы и ценности, соответствующие поведенческие стереотипы и архетипы коллективного бессознательного. ...Осознание ограниченности классической социологии связано с ценностным сдвигом: признанием цивилизационной значимости немодернистских, в том числе традиционных, форм жизни, равно как и ценности «цветущей сложности культуры» – генофонда цивилизационных мутаций. Отказ от идеологии индустриальной экспансии обозначил масштабы природных и культурных утрат, составляющих цену модернизации - цену прогресса.²³

В настоящее время опыт использования концепции повседневности уже стал предметом рефлексии в различных отраслях гуманитарного знания. Ситу-

²³Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Н. Н. Козлова, Н. М. Смирнова // Социологические исследования. – 1995. № – 11.

ация в сфере исторических наук хорошо описана в статье С. В. Журавлева.²⁴ Согласимся с тезисом автора – став модным концептом, повседневность отчасти утратила свой эвристический потенциал. Это часто выражается в том, что развертывание смыслов обыденного опыта подменяют банальным бытописанием, но, главное, повседневность стали отыскивать там, где ее быть не может – в тех областях социальной жизни, которые начиная с работ А. Щюца, обозначаются как «конечные области значений».

Поскольку различие повседневности и конечных областей значений является методологически значимым обстоятельством, оно должно быть должным образом истолковано. П. Бергер и Т. Лукман полгали:

По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни.²⁵

Предлагаемые ими определения – анклавность, наличие характерных значений и способов восприятия, переключение внимания, – не являются необходимыми и достаточными.

Возможно, гораздо более надежный критерий предлагает В. Н. Сыров:

Вот почему не следует связывать повседневность с тотально потребительским и эгоистическим отношением к миру. В ней присутствует рутинность, монотонность, жертвование и ограничения, когда на желания ставятся пределы. Но они обусловлены не внутренним контролем, а силой и сопротивлением внешних объектов. Поэтому отношением, конкретизирующим эту своеобразную диалектику взаимодействия с миром, можно считать отношение обмена. Все становится осмысленным только тогда, когда укладывается в схему: даю и получаю. Здесь возможна инверсия, когда осуществляется намеренное жертвование с целью спровоцировать и усилить акт получения. Но неизменным останется

²⁴ См. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / С. В. Журавлев // А. Людтке. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / С. В. Журавлев – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010.

²⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. С. 47-48.

одно: должны присутствовать структурообразующие элементы обмена. Поэтому язык морали современной культуры, выросшей на христианстве и Канте, воспринимается повседневностью как бессмыслица или обман.²⁶

Здесь схвачено что-то существенное, и, притом – выводящее на поверхность нечто глубинно-архаическое. Да, в повседневности есть рутинность и монотонность, но ведь и труд индустриального рабочего на конвейере, и операции конторского клерка, и эволюции с оружием солдата выполняются на уровне «динамического стереотипа», не являясь при этом элементом повседневности. Сущностной чертой повседневных рутин является как раз этот господствующий в них смысл бесконечно длящейся игры строго эквивалентных жертв и воздаяний, подарков и «отдарков»,²⁷ имеющий сугубо чувственно-телесный, наглядный характер и чуждый всякого принуждения и самопринуждения.

Там, где имеет место исполнение долга, обязанности, где человек располагается под взглядом подавляющей волю власти, устанавливается подвижная граница повседневности:

Ведь мир повседневности не просто сосуществует с другими мирами. Он осуществляет или претерпевает экспансию. Это значит, что сохранение идентичности достигается лишь за счет дополнения процедурами реконфигурации. Инородные объекты должны быть раздроблены, рассеяны, а затем собраны в соответствии с принципом наглядности. Основными способами можно считать *персонификацию*, т.е. превращение понятия в образ (к примеру, государство как структуру в список лиц, олицетворяющих власть); *реификацию*, т.е. превращение структур и процессов как продуктов идеализации в вещи и ситуации (автор этих строк в ходе одного из социологических исследований столкнулся с ситуацией, когда старушка при ответе на вопрос об оценке рыночных отношений сказала, что на рынок она давно не ходила и поэтому ничего сказать не может) и *рецептуризацию*, т.е. превращение предмета в список способов обладания им.²⁸

Важным элементом концепции повседневности является понятие «практик». В российской гуманитарной традиции оно прочно утвердилось после ре-

²⁶ Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В. Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. Спец. выпуск. С. 156.

²⁷ См., например: Мосс М. Очерк о даре. Форма и основания обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общества. Обмен. Личность / М. Мосс – Москва: КДУ, 2011.

²⁸ Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В. Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. Спец. выпуск. С. 153.

цепции наследия М. Фуко. Поскольку в дальнейшем практики будут одним из значимых объектов исследования, они нуждаются в определении. Приведем его в формулировке крупнейшего российского фуколтианца О. Хархордина:

Привычка или обычай мыслить или поступать определенным образом служат достаточным основанием для последующих действий. Мышление или действие «по привычке» - а это не только первое, но и наиболее консервативное понимание практики – дает возможность действовать, не прибегая к философским, логическим, моральным или иным обоснованиям.²⁹

Далее приводится вот какое замечание, касающееся исследования практик:

Отсюда выводятся два следствия: во-первых, необходимость замены объяснения детальным этнографическим описанием, не привносящим теоретических или идеологических категорий в исследуемые явления, и, во-вторых, обращение к называемой «повседневности», то есть к типичным, рутинным, непроблематичным и поэтому незамечаемым действиям, составляющим основную часть социальной жизни.³⁰

Как видно из приведенного высказывания, герменевтический круг замкнулся. Повседневность адресует к практикам, а практики – к повседневности, и вновь подчеркивается необходимость «плотного описания».

К сожалению, образцов подобного описания в области близкой к целям и задачам нашего исследования немного. Следует отметить работу А. Беглова,³¹ в которой присутствует опыт антропологического истолкования повседневной жизни, увиденной глазами «церковных людей». Однако, к сожалению, интерес автора смещен в сторону временного отрезка, следующего за II Мировой войной. Прекрасным опытом биографического подхода, разворачивающего повседневность и горизонты жизненного мира, является исследование П. Г. Проценко.³² Автору сопутствовала редкая удача – епископ Варнава (Беляев), выходец из «образованного монашества» дореволюционной эпохи, фактически сам подготовил материалы для своей биографии и на протяжении всей жизни вел днев-

²⁹ Волков В. В., Храхордин О. В. Теория практик / В. Волков, О. Хархордин. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 13.

³⁰ Там же. С. 17.

³¹ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР / Александр Беглов. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, Арёфа, 2008.

³² Проценко П. Г. В Небесный Иерусалим. История одного побега. (Биография епископа Варнавы /Беляева/). – 2 изд. – Нижний Новгород. Издательство «Христианская библиотека», 2010.

ник и активно занимался фотографированием. В распоряжении историка оказались аутентичные источники личного происхождения – что дает нам повод перейти к заключительной части этого раздела.

Человек может добровольно проговаривать в дискурсе свой повседневный опыт, оставляя улики для будущих исследователей, словно бы расспрашивая сам себя. В этом случае он делится опытом пережитого с дневником, сочиняет письма, собирает фотографии в альбомы, пишет мемуары. К сожалению, в нашем распоряжении подобных источников нет. Но возможна и другая ситуация – человека расспрашивают принудительно. Те, кто имеет право и даже обязан его расспрашивать – инквизитор, следователь. О том, что работа инквизиторов всех сортов состоит в какой-то степени родства с антропологией, свидетельствует и опыт Э. Ле Руа Ладюри, и К. Гинзбурга, и личный опыт автора. Но необходимо сделать несколько замечаний.

«Инквизиторы» из районных отделов НКВД нынешнего Пермского края были малограмотны, не очень любопытны и очень пристрастны, и – нетерпеливы, что ли. Они не ждали, пока «ересь» выскажется сама в спонтанной речи допрашиваемого, а смело ее туда внедряли, используя идеологические клише – «антисоветская агитация», «контрреволюционные сборища», «дискредитация мероприятий соввласти» и т.п. К счастью, отделить этот слой дискурса, привнесенный в речь допрашиваемых из радиопередач, газетных передовиц, партийных собраний и курсов младшего командного состава не составляет труда. Более того – наши «инквизиторы» не слишком усердствовали с фальсификацией показаний до августа 1937 года – момента начала массовых операций. Поэтому источниками написания данной работы являются показания 67 священников, дьяконов, церковных старост и т.п., проходивших по индивидуальным и групповым делам в качестве обвиняемых и свидетелей. Кроме того, в качестве источника личного происхождения мы будем использовать так называемую «агентуру», т.е. сведения, сообщаемые «куратору» из НКВД осведомителем, участвующем в той или иной оперативной разработке.

Подведем итог. В основе нашей работы лежат такие принципы концепции повседневности, как *редукция, индивидуация, плотная эйдетическая дескрипция*, наш интерес обращен к таким базовым структурам ментальности как *восприятие времени и пространства своих и чужих*, сгруппированным вокруг человека, взятого в конкретной биографической ситуации, а так же к самым распространенным практикам. В своей реконструкции мы будем опираться на материалы, извлеченные из архивно-следственных дел, хранящихся в Пермском Государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ).

Три модуса времени

Анализ содержащихся в источниках высказываний о времени позволяет вполне определенно различить три смысла, которые имел этот трудноопределимый даже для науки феномен в провинциальной повседневности Западного Урала первой половины XX века. Каждый из них сперва будет истолкован отдельно, а затем – в их связи друг с другом и с пространством повседневного опыта. *Первый* – это «малый цикл» времени, определяемый ежегодным ритмом церковных праздников и постов. *Второй* – «большой цикл», переживаемый как возрасты жизни. И, наконец, *третий* – «глобальный цикл», связанный с ощущением наступления последних времен, кончины мира и пришествия антихриста.

В 1937 году, отвечая на вопрос следователя о событиях двухлетней давности, малограмотная крестьянка Пелагея Новоселова (из деревни, разумеется, Новоселово), в девичестве – Зомарева, допускает любопытную оговорку. Она неправильно датирует возвращение своего брата – Варлаама – из ссылки, и сама себя поправляет: «Я должна извиниться перед следствием в том, что в отношении Зомарева Варлаама дала неправильные показания в том, что Зомарев пришел из ссылки в 1934 году. Фактически Зомарев из ссылки вернулся в 1935 году около Пасхи – на 3-й или 4-й неделе поста».³³ Она, разумеется, ориентируется в календаре, знает месяцы и дни недели, ей не нужно спрашивать: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?». Но вспомнить точную дату индивидуально-значимого события Пелагея Васильевна может только «привязав» его к привилегированному в смысловом отношении событию христианского годового цикла – Пасхе.

Аналогичную картину дают показания священника села Усть-Кишерть Василия Максимова, пояснявшего, когда у них в церкви последний раз появлялся бродячий проповедник Михаил Морсковатых: «Был он у нас в конце 1932 года в *Николин день, около 19 декабря*, жил около 2-х дней и в то же время в 1933 году

³³ Протокол допроса свидетельницы Новоселовой П. В. от 4 сентября 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 113 об.

жил около 2-3-х недель».³⁴ То, что Морсковатых – видная, одиозная фигура своего времени и места, – приходил в Усть-Кишерть именно в Николин день, он помнит точно, но соотнести его с календарем затрудняется – «около 19 декабря».

Замечания подобного рода интересны тем, что демонстрируют механизм «подтягивания» безлично-календарного цикла к осмысленному и залегающему «глубже» пласту восприятия времени – церковно-праздничному, адресуя нас прямым к культуре традиционного общества. Ведь если справедлив вывод, сделанный на европейском материале Э. Ле Руа Ладюри, то к XIV веку «... крестьянский календарь был завоеван церковью: религиозная аккультурация в этой области стала необратимой (даже сегодня в нашем, считающем себя агностическим, обществе структура календарей продолжает быть церковной)».³⁵ Вторая часть тезиса известного французского историка не вполне справедлива для российского общества – советская эпоха сумела «перекодировать» повседневное восприятие времени, оставив в нем свои знаки и символы в виде «Первомая», «феврамарта» и т.п. Они упрямо торчат там до сих пор, не смотря на все попытки «перекодирования перекодирования». Впрочем, это, возможно, тема для отдельного исследования.

Более простые примеры прямого соотнесения события с церковным календарем можно буквально собирать горстями. Вот образец того, как отнюдь не церковный человек, председатель Саломатовского сельсовета Степан Третьяков кляузничает на священника иеромонаха Нифонта (Агафонова) и дьякона Михаила Овчинникова: «9 июля в праздник Тихвинской божьей матери они вместе с иеромонахом Нифонтом были в гостях у лишенца кулака д. Заозерье Шулихина Ивана Максимовича, где так напились, что дьякон и монах тут же за столом уснули и все перегадили».³⁶ Для Третьякова не является проблемой вспомнить *и дату, и церковный праздник, ей соответствующий*, здесь скорее памятным узелком, соединяющим их воедино, является шокирующее поведение

³⁴ Дополнительные показания обвиняемого Максимова В. Е. от 23 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 151-154.

³⁵ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1342) / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 339.

³⁶ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 14.

ние «дьякона и монаха». Тут для нас, заметим, открывается любопытный горизонт истолкования – насколько повседневным явлением в опыте жителей той эпохи было беспробудное пьянство духовных особ.

Вот, например Михаил Морсковатых объясняет, что воскресенье воскресенью – рознь, легко соотнося их с календарем: «В квартире у священника дер. Новая Осетрова я бывал около 3-х раз, первый раз в феврале м-це 1934 года в *простое воскресенье*, второй раз примерно в первых числах апреле м-ца 1934 года в *Фомино воскресенье*».³⁷

Все попытки обнаружить ссылки на временные отрезки, меньшие, чем тот или иной день, ни к чему не привели. В источниках нет ни «утром», ни «вечером», ни «до обеда», ни «на рассвете», ни «в полдень» и т.п. Создается впечатление, что в повседневности той поры подобных категорий просто не существовало, и это тем более странно, что списках изъятых при обыске вещей время от времени появляются *часы*. Вот, например, у бродячего проповедника Петрова Фотия Михайловича было обнаружено: «...пистолет одноствольный заряженный, книг – евангелий – разных размеров – 16 шт., *часы карманные серебряные*, паспорт и разная переписка»³⁸. У благочинного Семена Аполлоновича Некрасова были обнаружены «*часы стенные старые*».³⁹ У Павла Александровича Шляпникова, в прошлом священника, а в 1937 году – портного артели инвалидов (он был карликом, в анкете арестованного в графе особых приметах указано – «рост 140 см») наряду с «козой Манькой» обнаружены «*часы стенные со звоном*», оцененные в 15 рублей.⁴⁰ К слову, это очень скромные деньги – подшитые валенки, совершенно обыденный предмет повседневного использования в условиях уральской зимы, стоили примерно в три раза дороже.

Нельзя исключить возможного влияния на эту «смазанность» внутрисуточных ритмов постановления Президиума ВЦИК от 16 декабря 1929 года

³⁷ Показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88-96.

³⁸ Протокол обыска и ареста Петрова Фотия Михайловича от 4 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 14.

³⁹ Опись имущества, лично принадлежавшего Некрасову С. А. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 135.

⁴⁰ Опись имущества, лично принадлежавшего Шляпникову П. А. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 251.

«Об урегулировании колокольного звона в церквях», фактически лишившего голоса церковные колокола. Ведь в культуре традиционного общества (а именно такой образ культуры рисуют наши источники) именно колокольный звон, по мнению Ж. Ле Гоффа, задавал ритм чередования работы и развлечений, молитвы или праздности.

Только однажды грамотей и начетник Михаил Морсковатых, уточняя обстоятельства производимых им консультаций по вопросу «пришествия Антихриста», указал: «Давая разъяснения по этим вопросам и отдельным верующим колхозникам, и единоличникам, и группам до 5 человек – групповые беседы проводились мною обычно в Усть-Кишертской церкви в период между службами – утренней и обедней».⁴¹ Таким образом, «внутридневное» хронологическое деление повседневного опыта в единственном зафиксированном случае тоже ориентировано на распорядок церковных служб. А вот присутствия влияния, допустим, трудовой этики («до работы», «после работы» и т.п.) не прослеживается.

Хабитуализированные «короткие» ритмы ежегодных праздников и постов постепенно складывались в более протяженные циклы, которые, следуя за Ф. Арьесом, можно обозначить как «возрасты жизни»⁴². Ему удалось насчитать их от четырех до пяти. В повседневности жителей сел и деревень Западного Урала их было меньше, отчетливо различимы только три.

Первый возраст трудно назвать детством, да никто его так и не называет. Вот типичные высказывания о *первом возрасте*: «Родился я в семье кустаря-одиночки, портного. До 21 года я в хозяйстве отца – за это время, начиная с 11 лет, я жил летами у разных крестьян в батраках, а зимой работал в хозяйстве отца – работал и на других сезонных работах, сплав-грузчик и т.д.»⁴³, или так: «Родился я в семье крестьянина-середняка, до 22-х летнего возраста, т.е. до

⁴¹ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 4 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 82-87.

⁴² См. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке/ Ф. Арьес. – Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 1999.

⁴³ Протокол допроса обвиняемого Максимова В. Е. от 15 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 144-145.

1895 года я жил и работал в с/х отца. В 1895 году я от них отделился и работал в своем собственном с/хозяйстве до 1915 года».⁴⁴

Скорее всего, первый период жизни, или первый возраст, обозначаемый оборотом «жил и работал в хозяйстве отца» для людей, родившихся в небогатых крестьянских семьях, обладал вполне привычным смыслом: это время, когда человек является «приватной собственностью» родителей. На него не претендовали ни школа, ни государство, он не являлся «самозанятым» (отметим контрапункт «В 1895 я от них отделился и работал в собственном с/хозяйстве») и используется на посильных работах «куда пошлют».

Что касается повседневного смысла определения «дети», «мальчик», «девочка», то это, во-первых, то, что у человека есть: «У меня есть дети». Каждый мужчина и женщина в анкете арестованного или в протоколе допроса указывает своих детей, формулирует в отношении их какие-то императивы: «чтобы они учили своих детей молиться богу».⁴⁵ Правда, смысл подобного утверждения раздваивается – дети *существуют* как мои (тогда они просто существуют как дети), но и я *обладаю, владею* детьми. Данное ранее толкование делает более правдоподобным второй смысл.

Далее, обозначение «мальчик» (причем почему-то именно мальчик, а не девочка), может обретать символический, сакральный смысл чистоты и непорочности: «двум мальчикам было видение», «два мальчика за иконостасом нашли грамоту, а в ней сказано...» и т.п. Взрослый может удостоиться видения лишь в пограничном состоянии – в момент тяжелой болезни, при смерти, – так, например, «видение бригадира о колхозниках и единоличниках».⁴⁶

И, наконец, мальчики и девочки только-только входят в повседневность уральской деревни в 20-30-х годах XX века в смысловой связке с *пионером* и

⁴⁴ Протокол допроса обвиняемого Солина П. Г. от 15 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 2-4.

⁴⁵ Протокол допроса чтеца Успенской церкви города Кунгура Наумова Ф. А. от 31 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 18-19 об.

⁴⁶ «... В его, Максимова, приходе работал один бригадир из колхоза, который во время болезни видел видение «где все колхозники мучаются, а единоличники ликуют». Этот бригадир попросил, якобы, священника Максимова для исповеди, а так же созвал всех колхозников его бригады, которым сказал, чтобы они – колхозники – все вышли из колхоза заблаговременно, и вскоре бригадир после исповеди помер». Дополнительные показания свидетеля Кузнецовой П. П. от 14 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 95-96.

школьником. В 1935 году милиционер 1-го участка Ординского района Киряков докладывал начальнику РО НКВД:

Довожу до вашего сведения о том, что 2/1 – 35 года усановский (поп) священник ходил со святой водой по деревне Михайловке Межевского сельсовета, воду носил в чайнике и заходил в каждый дом, где спрашивал, православные или нет. Заходил к Кирякову Федору Ивановичу в квартиру, у которого имеются трое *школьников*, из них 1 *девочка пионерка*. Во время прибытия в квартиру попа школьники стали смеяться и тут поп говорит Кирякову Ф. И. о том, что нехорошо так воспитывать *детей*, да еще тут с галстуком пионерка, говорил, что так воспитывать не надо.⁴⁷

Смысл происходящего вполне очевиден: на квартиру (именно так обозначалось место частного обитания человека) «прибывает» поп с чайником святой воды – а для школьников и пионеров это *уже* диковинка, вызывающая смех. А для попа вид пионерки, которая, кстати, *ходит в галстуке на квартире*, т.е. у себя дома, *еще* диковинка, и очень раздражающая. Здесь повседневность явно разорвана, пресловутая «взаимость перспектив» А. Щюца отсутствует, провоцируя конфликт – обе стороны не демонстрируют привычного, ожидаемого поведения. В своей кажущейся бесхитрости эта сценка (поп – пионерка), словно высвеченная блицем фотографа, заставляет вспомнить классиков той эпохи: «Все это – тракторы и верблюды – отлично укладывалось в рамку кадра под названием «Старое и новое» или «Кто кого?»».⁴⁸

Другой случай появления мальчика как *мальчика*, случился в 1934 г. в поселке Александровском: «Да, был случай в 1934 г. когда ребята зашли в огород Холмогоровым, попадья сделала засаду в огороде и, увидев *мальчика*, закричала «Я поймала воров морковных», за это всю семью Холмогоровых *судили*».⁴⁹ А судили попа с попадью именно потому, что *мальчик* оказался не «морковным воров», а вовсе *пионером*. Здесь вновь конфликт, причем двойной: семейство Холмогоровых (на самом деле – Колмогоровых) и «морковный вор» – с

⁴⁷ Рапорт начальнику НКВД Ординского района милиционера 1-го участка Кирякова от 4 февраля 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 23.

⁴⁸ Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок / И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев. – Золотой теленок. – Орджоникидзе: «Ир», 1979. С. 558.

⁴⁹ Протокол допроса обвиняемой Механошиной А. М. от 26 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 16996. Л. 72-75.

одной стороны; власть, утверждающая новую норму, и поп с попадьей – с другой. По-видимому, внедряемый в повседневную жизнь стандарт отношения к детству (т.е., фактически – конструирование детства) как «пионерско-школьной» поре, происходил на глазах одного поколения и протекал вполне предсказуемо – травматически.

Аналогичный вывод был сделан, например, О. Бендиной, изучавшей конструирование детства на материале Саратовской губернии. Там, начиная со второй половины 20-х годов, и, примерно, до 1934-35 годов включительно, нелинейно и непросто, сразу по нескольким направлениям, происходило оформление советского «первого возраста».⁵⁰ Это была именно «экспансия» власти в повседневность. Первым направлением стала кампания по «вовлечению детей в школу», вторым – усиление ответственности (вплоть до судебно-административной) родителей за «детскую безнадзорность», третьим – подготовка кадров воспитателей и учителей, четвертым – меры по «укреплению семьи», пятым – формирование нормативного педагогического дискурса и т.д.

Незадолго до начала второй мировой войны советская власть, что называется, «вчистую» выиграла у семьи *битву за детство*, т.е. за дисциплинированного и идеологизированного ребенка. И вот уже в 1934 г. молодая женщина, Акулина Блинова, проживавшая в Кунгурском районе, с полным правом сообщает о себе: «С детства я работаю у разных лиц в качестве домработницы».⁵¹ И это звучит уже как претензия и жалоба – «эксплуататоры лишили меня детства».

Второй возраст наступал по-разному у мужчин и женщин. Все мужчины второго и третьего возраста единодушно отмечают в качестве переломного момента жизни, разрывающего ее на *до* и *после*, призыв в армию: «В 1899 окончил сельскую школу и непрерывно до призыва, т.е. до 1909 года, работал в с/хозяйстве отца»⁵², «В 1915 году меня взяли в старую армию, где я служил по

⁵⁰ См. Бендина О. «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!»: дискурсы жестокого обращения с детьми в 1920-30-е годы (на материалах Саратовской губернии) / О. Бендина. // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / Под редакцией Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой. Москва: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007.

⁵¹ Показание свидетеля Блиновой А. Т. от 22 мая 1934 г. // Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 123-124 об.

⁵² Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 11 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 39-42.

1917 год включительно в качестве рядового»⁵³, «В 1895 году меня мобилизовали в царскую армию, где я прослужил до 1898 года в качестве рядового».⁵⁴ Характерно, что даже несостоявшийся призыв становился рубежом биографии:

Родился в семье крестьянина-середняка, до 23 лет жил и работал в с/х отца на родине. От призыва меня освободили и зачислили ратником 2-го разряда, это на 23 году отроду. Освободившись от призыва на воинскую службу, примерно в 1894 году, я решил ходить по монастырям и святым местам, молиться богу.⁵⁵

Для женщин аналогичным рубежом становилось замужество, либо, в случае невозможности оно – превращение в Христову невесту: «Я, Котельникова М. Г., родилась в 1875 г. в д. Нистуковой Пермского района Лобановского с/с. До 18 жила в крестьянстве, хозяйство было бедняцкое, после смерти отца мне мать посоветовала идти в монастырь, т.к. выдать замуж она нас была не в состоянии».⁵⁶

Сделаем необходимую оговорку – после того, как в жизненном мире будет конституировано и хабиитуализировано пионерское (школьное) детство и комсомольская (вузовская) юность, когда они превратятся в *повседневный* феномен, характер рубежей-переходов обязательно подвергнется трансформации («Сдал сопромат – можешь жениться»). Возможно, это тема заслуживает специального исследования. Но если речь идет о ментальности зрелых, сформировавшихся людей, живших в первой половине XX века в пермской глубинке, то можно с удивлением наблюдать, как они с легкостью «не замечают» событий мирового масштаба – русско-японской войны, революции 1905-07 годов, падения монархии и т.п., но отчетливо помнят момент призыва и демобилизации, или, как «женский» вариант, – замужества.

Если взглядеться в сам процесс перехода во *второй возраст*, в нем отчетливо проступают признаки, придающие ему черты архаического обряда иници-

⁵³ Протокол допроса обвиняемого Солина П. Г. от 15 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 2-4.

⁵⁴ Протокол допроса обвиняемого Осетрова И. И. от 12 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 162-163.

⁵⁵ Протокол допроса обвиняемого Петрова Ф. М. от 13 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 117-118.

⁵⁶ Протокол допроса обвиняемой Котельниковой М. Г. от 31 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 14

ации: смена имени (вместо «Григория Ивановича» - «рядовой Соколов»), переодевание (в солдатскую форму, одежду замужней женщины, монашеское платье), передача из одной власти в другую (от «отца-батюшки» - «царю-батюшке», «мужу-батюшке»), и даже какая-то манипуляция с таким атрибутом телесности, как волосы (новобранцев *стригут*, в монахи *постригают*, девице *расплетают косу*).

Переход в *третий возраст* («старик», «старуха») менее выражен, хотя и заметен. Вот близкий знакомый Фотия (иногда в тексте – Фотей) Петрова (Петрову, кстати, 63 года) делится наблюдением: «Раньше, год-два тому назад Фотей Михайлович *хорошо говорил* и читал проповеди, *а вот сейчас он уже состарился, уже так много, как раньше не рассказывает новостей*, хотя и тоже ходит по деревням с проповедями». ⁵⁷ Здесь компактно представлена суть опыта восприятия стариковства. Фотий, сам определявший свой род занятий словом «странник», «работал» очень специфическую работу – он был чем-то вроде передвижной радиоточки. Он должен был красиво («хорошо») рассказывать новости. И вот с этой-то работой в последний год он перестает справляться, следовательно – телесные и духовные силы его оставляют. Значит – состарился. Не «Возраст наступил, на пенсию вышел – и ослаб человек, появились стариковские хвори», как сказали бы сейчас, а наоборот: «Человек ослаб – значит, возраст наступил. Состарился».

Помимо этого, наступление третьего возраста жизни имело еще и тот повседневный смысл, что в поведении человека появлялись младенческие черты – например, зависимость от молока. Вот какую информацию сообщает неизвестный осведомитель о священнике Потапе Осиевиче Киселеве (65 лет): «...из дома выходил редко, ушел в себя. При встречах ропщет на власть и особенно за то, что взяли последнюю корову, что «без молока и жить не могу», я, дескать, старик». ⁵⁸

⁵⁷ Протокол допроса свидетеля Русанова Г. Я. от 10 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 85-87.

⁵⁸ Меморандум на Киселева П. И. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Спецконверт.

Старик нуждается в заботе – как ребенок, и, к тому же, словно бы отдаляется, отчуждается от близких, по причине дряхлости выпадая из круга привычных ежедневных рутин, живет тем, что родственники и люди добрые подадут. Монашеский Иосаф (Никита Белоусов) именно так определяет возраст дамы: «... к нему же пришла странница Евдокия (сейчас ей лет 60, дряхлая старуха, ушла в Вятский р-н кормиться месяца два тому назад, точнее – месяца полтора)».⁵⁹

Находящийся в нашем распоряжении материал не позволяет дать никакого толкования феномену индивидуальной смерти, хотя это явление, несомненно, входит в горизонт жизненного мира и каким-то образом, разумеется, вписывается в повседневность, обрастая символикой, ритуалами, всегда имеет какой-то смысл. Есть единичное упоминание о похоронах епископа Иоаникия, но в контексте внутрикорпоративного конфликта – священник такой-то на похоронах стоял в сторонке отдельно от всего духовенства, и многочисленные лаконичные замечания типа «сейчас помер» или «умерший». Только раз, рассказывая зачем-то оперуполномоченному НКВД о секте «семенушек», священник Иван Котельников (путаясь в показаниях в самом прямом смысле слова) сообщит:

Фамилия «Семенушка» Гладильщиков Семен, происходит он из деревни Новая Кунгурского района. В последнее время в этой келье у села Журавлева проживало около 40 человек. Как мне известно, Гладильщиков *якобы в данное время умер. Но когда он умер, я не знаю.* В эту секту входил зажиточный крестьянин села Веслянки того же с/совета, Кунгурского района Иаков Константинович, фамилию его не знаю. *Гладильщиков умер в 1926 году, тело его омывал гр-н член этой секты Николай Иванович, фамилии не знаю, происходит он из деревни Щелчки Веслянского с/совета Кунгурского района. После смерти Гладильщикова крест его был надет на Николая Ивановича, который, якобы, удостоился быть последователем Семена Гладильщикова».*⁶⁰

Здесь символика простая и весьма характерная для традиционного общества – передача креста как передача участи, судьбы («Тебе нести мой крест»),

⁵⁹ Дополнительные показания обвиняемого Белоусова Н. В. от 25 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 24-28.

⁶⁰ Показания обвиняемого Котельникова И. И. от 2 января 1933 г. // Перм ГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 28-28 об.

которая, к тому же означает еще что «Семенушко умер, да здравствует Семенушко!»).

Возможно, понять смысл индивидуальной конечности поможет истолкование феномена ожидания глобального финала, завершения мирового цикла. Речь идет об опыте переживания «последних времен» и «кончины мира» - третьей модальности восприятия времени на повседневном уровне. Следует сразу сказать, что переживание это густо окрашено христианской эсхатологией, окружено многократно перетолкованными цитатами из Библии, снабжено нумерологическими обоснованиями. Существует соблазн связать ожидание конца мира и «последних времен» с влиянием религиозной идеологии, которая, несомненно, является важным элементом традиционной ментальности. Однако есть основания и, главное, возможность различить феноменальное ощущение последних времен и его вторичное замещенное (превращенное) движение в идеологической сфере.

Иначе многое окажется непонятным. Вот, например, в деле священника И. И. Котельникова хранится написанная им собственноручно книга (школьная общая тетрадь в клеточку) со скромным названием «Судьба России» (См. рис. 1.). В ней он точно вычислил год кончины мира – и мы можем сделать это вместе с ним. Если сложить цифры в написании 1935-го года ($1+9+3+5$) мы получим 18. Но восемнадцать – это ведь три шестерки ($6+6+6$), а «666» – число зверя из «Откровения Иоанна Богослова».

Проверим себя. 1935 год от рождества Христова преобразуем в старое летосчисление «от сотворения мира» ($1935 + 5508$), получаем 7443 год. Складываем цифры ($7+4+4+3$), и снова получаем 18. *Все* понятно, кажется? *Ergo*, кончина мира назначена Провидением (и зашифрована в цифрах) на 1935 год.

Однако сам Котельников, и люди, лично общавшиеся с ним, говорили другое:

Установки мною давались следующие: 1) С целью ведения борьбы с растущим безбожием, распространять среди населения слухи о кончине мира и падении Советской власти в 1933 году...⁶¹

В 1932 г. Котельников начал мне вновь говорить, что настали времена, когда надо быть особенно бдительными. Что из 28-ми признаков о пришествии антихриста согласно св. писанию не сбылось только два: 1) полная мерзость запустения на месте святом, т.е. полное разрушение и осквернение церквей и 2) само пришествие антихриста. А писание полностью должно исполниться не позже 1933 г.⁶²

6 октября 1932 я был в гостях у Овчинникова, и в беседе он мне сказал, что псаломщик подавихинской церкви Алексеев Николай Яковлевич распространяет среди верующих села Подавиха слухи о скором падении мира, указывая срок, что мир падет в начале 1933 года или к пасхе – март-апрель 1933 года.⁶³

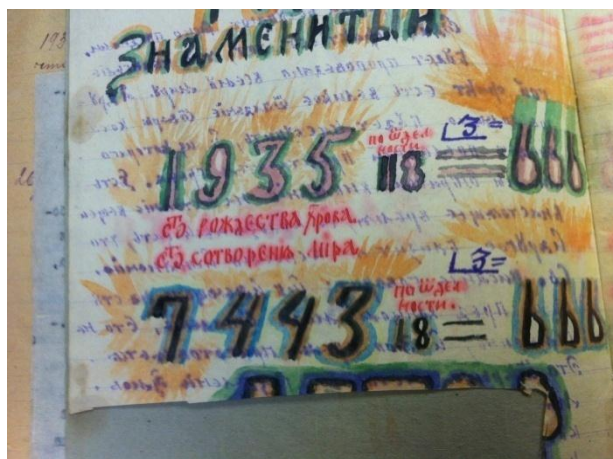

Рис. 1. Исчисление даты кончины мира священником И. И. Котельниковым. Рукопись выполнена около 1932 года.

Именно этот срок – конец 1932 – начало 1933 года, – лег в основу целого ряда практик, зафиксированных во вполне надежных источниках. Несколько человек, независимо друг от друга, сообщают о своеобразных «сборах на небо», которые наблюдались в селе Подавиха. Свидетельствует священник Варлаам

⁶¹ Машинописная копия показаний обвиняемого Котельникова И. И. 21 февраля 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2.

⁶² Дополнительные показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 97-102.

⁶³ Протокол допроса свидетеля Зомарева В. В. от 1 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 23-24.

Зомарев: «Распространение слухов о скором падении мира Алексеевым среди верующих имело свое отражение, как-то: верующие с. Подовиха нашили себе одежды, котомки готовясь к смерти, и якобы куда-то убегали, но куда – мне не известно».⁶⁴ А вот фрагмент «Обвинительного заключения по делу И. И. Котельникова и др.»:

В октябре 1932 года поп ОВЧИННИКОВ и псаломщик АЛЕКСЕЕВ среди населения распространились слухи о падении мира в 1933 году в январе месяце. Граждане дер. Подовиха, готовясь к смерти, нашили себе белых костюмов, дабы побольше замолить грехов перед смертью, ходили молиться за далекие версты, в частности в Кишертский район, село Моряково к попу КОТЕЛЬНИКОВУ.⁶⁵

Удивляет то, что в данном случае нумерологические упражнения, указывающие на 1935 год, и реальные ожидания конца мира, приведшие к вполне предметным последствиям, во-первых, хронологически рассогласованы, а, во-вторых, связаны с одним и тем же персонажем – священником Иваном Котельниковым. Здесь «ум и сердце» словно бы не в ладу друг с другом. Попытаемся разобраться.

Впервые конец мира забрезжил в горизонте жизненного мира обитателей уральской деревни где-то около 1930 года:

Пораженческие разговоры Белозеров вел еще в 1930 году, на одном из контрреволюционных сборищ в Асовской церкви. Я с другими лицами беседуя вместе с Белозеровым Г. И. спросила его: «Григорий Ильич, скажите, *не последние ли времена начинаются?*». Белозеров мне ответил: «Сейчас еще это не должно быть, так как эта власть должна смениться, этой власти не будет, тогда звезда будет не пятиконечная, а шестиконечная».⁶⁶

Складывается впечатление, что живое ощущение «последних времен» и скорого пришествия антихриста достигло пика интенсивности в конце 1932 – начале 1933 годов, а потом постепенно угасло, и уже к 1937 году о падении ми-

⁶⁴ Протокол допроса свидетеля Зомарева В.В. от 1 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 23-24.

⁶⁵ Выписка из обвинительного заключения по делу № 11141 по обвинению Котельникова И. И., Овчинникова И. А., Алексеева Н. Я. Наумова Ф. А. и др. в кол. 27-ми человек // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 60-71.

⁶⁶ Очная ставка обвиняемого Белозерова Г.И. с обвиняемой Хрипуновой М.Д. от 19 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 2. Л. 41 об.

ра никто не говорил, а более надеялись на падение советской власти в результате японской или германской интервенции, мировой войны.

Что же стояло за этим непродолжительным, но очень ярким и острым переживанием времени как «последнего времени»? Утверждать, что его спровоцировала религиозная доктрина, что оно предсказано в Писании – это, примерно, то же, что говорить «Сегодня жарко, потому что термометр показывает тридцать градусов в тени», т.е. менять местами причину и следствие. Вероятно скорее иное – определенный травматический опыт потребовал мобилизации всех объяснительных возможностей вероучения. Какого рода был этот опыт – догадаться не трудно, и в этом пункте предлагаемое нами истолкование времени впервые и очень наглядно пересечется с пространством, образуя чувственно-конкретный хронотоп. Разумеется, время «испортилось» и «пришло к концу» не само по себе, а потому, что в пространство повседневности вторгся *колхоз*.

Первые признаки готовящейся грандиозной компании по коллективизации села появились летом 1929 года, а к ноябрю намерения власти стали очевидны. Реакция не заставила себя долго ждать. В ноябре 1929 года молодой крестьянин, сочувствующий советской власти, заведовавший, к тому же, избой-читальней в деревне Брусун Чусовского района, сообщает на допросе о контрреволюционной агитации местного духовенства:

Сами церковники, как то: дьякон – Михаил и монах Паисий не раз приходили в деревню и на улице с мужиками вели разговоры примерно следующего содержания: «Миряне! Безбожники выдумали нас православных христиан своими лживыми обманчивыми речами втягивать в свои нечистые организации – коммуны, не думайте записываться в эти еретические коллективы, там получите проклятие от своих святых отцов. Там отнимется от вас все нажитое вами потом и кровью добро, обрабатывать будете этих галахов⁶⁷, им не охота честно трудится, так они, разбойники, выдумывают вас тружеников земли закабалить на службе дьяволу. У них нет ни креста, ни совести, и вы не верьте им, они запретят

⁶⁷ Галах - уральское прозвище бессемейных, пьяниц, босяков. Источник: http://mirslouvrei.com/content_fam/galaxov-2594.html#ixzz3C8c5kIwc

вам ходить в нашу святую церковь и будут издеваться над нашей православной верой. Годом насидитесь с ними, с сумой по миру пойдете.⁶⁸

Более подробно характеристика колхоза как своего рода «анти-места», «антихристового» места может быть дана в исследовании о пространстве провинциальной повседневности. Здесь нам нужно лишь обозначить ядро травматического опыта, производившее ощущение «последнего времени». Ряд свидетельств указывает на то, что в повседневность грубо и настойчиво вламывалось что-то чуждое, принуждающее, подавляющее. В речах священника Василия Мичкова, донесенных до нас анонимным осведомителем, скрывшимся под псевдонимом «Зеленый», есть пара вполне эйдетических (само-истолковывающихся) образов: «коробки», которую «жида гнут крестьянам», и «винта», при помощи которого выжимают деньги и хлеб.⁶⁹ Или, к примеру, вот как один из уцелевших еще единоличников, хуторянин Тимофей Швецов объяснял преимущество своего положения: «Единолично жить трудно потому, что задавили непосильными налогами, но, все же, как-нибудь наживем денег и уплатим эту сумму, которая с тебя полагается, *опять спокоен и никто под окно не бежит и не выгоняет тебя на работу*».⁷⁰ В отличие от колхозника единоличник свободен – и поэтому спокоен.

Свобода есть неделимый феномен, утверждал когда-то М. К. Мамардашвили. Привычный, т.е. повседневный образ жизни крестьянина предполагал определенный минимум приватной автономии – хотя бы в примитивной формулировке «никто под окно не бежит и не выгоняет тебя на работу». В колхозе свободы не было, а был «винт» с крепким, хорошим воротом. Крестьяне, жившие на Урале в 30-х годах XX века это буквально «кожей чувствовали». А тот, кто не свободен, не может быть членом церкви христовой. Это первая сущностная составляющая переживания «последних времен», «испор-

⁶⁸ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 8-8 об.

⁶⁹ Источник «Зеленый» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Малютину от 06.10.1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

⁷⁰ Источник «Черемухин» о разговоре с Т. Швецовым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 11.01.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

ченного» времени, в котором нельзя жить, в котором закончились привычные повседневные смыслы.

Второй составляющей было ощущение бессмысленности дарового, неоплачиваемого труда колхозников, их абсолютной нищеты: «...кушать почти нечего, хлеб весь идет для государства, денег зарабатывают – тоже налоги платят, и у своего хлеба сидят без хлеба, только и остается одна работа».⁷¹ Одной из специфических черт повседневности является то, что это пространство *эквивалентных* обменов, место, где совершается честная игра «жертв и воздаяний». То, что происходило в колхозе, означало коллапс повседневности, утверждение чего-то совершенно абсурдного, но неостановимо, победительно наступающего.

Попытаемся кратко сформулировать то, что мы рассмотрели, взглядываясь в опыт переживания повседневного времени. Прежде всего, «духовная оснастка» жителя провинциальной глубинки вплоть до конца 30-х годов XX века включала образ малых (церковно-праздничных) годовичных временных циклов, плавно перетекавших и складывавшихся в различаемые, видимые «три возраста жизни», что в целом типично для культуры традиционных обществ. Вторжение модернизации здесь ощущается лишь в тех конфликтах и нестыковках «взаимных перспектив», которые окружали учреждение пионерско-школьного детства, которое «внедрялось» властью в повседневность буквально на глазах одного поколения. Это был новый и шокирующий опыт.

Но, вместе с тем, для самого «традиционного времени», что называется, «исполнились сроки». Главным культурным шоком, запечатленным в образе «последних времен», оказался колхоз. «Последние времена» – вовсе не церковная метафора, а феномен восприятия сворачивающейся, раскалывающейся, распадающейся под воздействием коллективизации повседневности. Это наиболее *сложное, комплексное переживание*, в котором тесно сплетены ощущение «нормального» времени как возможности свободного выбора и эквивалентного обмена, восприятие конца осмысленного бытия как «безвременья»;

⁷¹ Источник «Зеленый» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Малютину от 06.10.1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

окрашенное, к тому же, религиозной эсхатологической символикой, и ставшее, как выясняется, вполне реальным фактором, изменяющим повседневное поведение («сборы на небо»).

Области жизненного мира и пространство повседневности

Принципиальная открытость горизонта жизненного мира – как фундаментальный принцип феноменологического исследования, содержит указание на то, что все места, так или иначе связанные с человеческим «действием и претерпеванием», близкие или совершенно удаленные, обладают для него тем или иным практическим смыслом. В этом широком горизонте можно попытаться выделить пространство повседневности – как места наиболее привычные и обжитые, места, где человека ничто не стесняет и не «жмет» – как ногу в старой, разношенной обуви. Там живут *свои*, и это – «хорошие» и «правильные» места – первая область повседневности. Соответственно, обнаружатся и места, имеющие «нейтральные» коннотации – своего рода периферия повседневности. Они привычны, даже необходимы – иногда, но там действуют внешним образом заданные нормы и правила – не совсем понятные и «неприятные». Там *свои* могут обернуться *другими*, это потенциально конфликтная зона. Далее, в горизонте жизненного мира есть области, маркируемые (по отношению к пространству повседневности) в смысловом отношении отрицательно. Это место бессмыслицы, абсурда, это вообще место, где нормальному человеку и находиться не подобает. Наконец, есть места, где никто из жителей уральской глубинки никогда не бывал, но судил о них так, словно чуть ли не полжизни там прожил. Они обладали для него несомненным позитивным смыслом. Это – мифические пространства.

Приступая к описанию пространства повседневности, следует точно указать точку отсчета, смысловой центр человеческого бытования. В первой половине XX века и в городе, и в деревне люди обитали *на квартире*. Эта устойчивая смысловая конфигурация видна в любом свидетельстве: иначе не говорили, а, следовательно – не мыслили. *Квартира* располагалась в *доме*, но не отождествлялась с домом, как, например, в приведенном ниже фрагменте:

Глеб, епископ Пермский, проживает около Слудской церкви на окраине города Перми, был я у него в первых числах ноября 1932 г. Приезжал на благословение, *был у него на квартире*, побеседовал я с ним не очень долго, коротко, он спросил меня о поло-

жении дел епархии, потом я ушел *на квартиру* к гр-ке Анастасии Михайловне, имеет свой дом по ул. Набережной, д. № 53, где и переночевал».⁷²

Побывать на квартире – это означает попасть в интимно-личное пространство, максимально сократить дистанцию. Именно поэтому в данном случае священник Иван Котельников не просто повидался с епископом Глебом и получил его благословение, но еще и посчитал нужным и важным добавить «был у него на квартире».

Рассказывая о своих странствиях, бродячий проповедник М. Морсковатых говорил следующее:

За этот период, как я указывал в предыдущих моих показаниях, я был в Усть-Кишертской церкви – тут я находился систематически, священник этой церкви Максимов является моим духовником, в церкви деревни Новой Кунгурского района и в церкви с. Спас-Барда Усть-Кишертского района я был примерно раз по пять – был и в Успенской церкви гор. Кунгур также раз пять, в селе Беркутово за эти 2 года я был раз до 10, в церкви с. Кишерт Усть-Кишертского р-на был раз около 6, в церкви дер. Морзковой в прошлый год был раза 2 – при священнике Котельникове из них навещал один раз, и больше никакие церкви не посещал.

Персонально у духовенства и вообще населения я был на квартирах у следующих лиц <следует перечень>...⁷³

Здесь ясно виден определенный концентрический контур: церкви, которые тоже являлись *хорошим местом* повседневности (внешний, широкий круг, разделяемый с другими добрыми людьми, *своими*), квартиры (внутренний, узкий круг).

Если человек повстречался в церкви (т.е. воспринимался как безусловно *свой*), у него можно *квартировать*: «Первый раз я ездил в Казань в 1925 г. помолиться и квартировал у Зайцева Сергея Степановича. Сам он из г. Казани и служил у белых писарем ж<елезно>/д<орожного> коменданта на ст. Новониколаевск, где я с ним и познакомился при посещении церкви»⁷⁴. К тому же где-то непосредственно рядом с церковью есть места, где можно проживать: «25 октября 1932 г. Котельникова Мария Григорьевна

⁷² Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

⁷³ Показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88-96.

⁷⁴ Показания обвиняемого Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об. – 50.

приехала из г. Перми в с. Морозково и проживает она у меня в сторожке при церкви...»⁷⁵, «...а от него ночевать я уходил в их церковь в сторожку».⁷⁶ Возможно, там еще сохранились странноприимные дома, как в бывшем монастыре на Соломатовой горе: «в монастыре для дальних приходящих и приезжающих имеется отдельный дом, куда Нифонт приходит специально в свободное от службы время...».⁷⁷

Чистым, укромным местом, расположенным неподалеку, но, вместе с тем, не в самой деревне, считалась пасека – «пчельник». Жить на пчельнике мог даже человек, выбравший когда-то добровольный уход из мира. Из показаний иеромонаха-скитника Иосафа (Белорусова): «У Блинова я работал сторожем на его пчельнике года 1½ - 2, в 1929 году он помер, и я перешел от него в село Ильяк к <бывшему>/монаху Развиеву Никите, и прожил у него до мая месяца 1931 года, у которого работал сторожем на пчельнике».⁷⁸

Дом, в котором «квартира», церковь, рядом с которой – обитаемая сторожка, домик для богомольцев, пасека с избушкой – это типичный перечень хороших, повседневных мест, но он пока не полон. Обратим внимание на то, что, описывая свой визит в Казань, Г. И. Соколов сообщил, что ездил туда с вполне определенной целью – «помолиться». Она указывает на следующий круг «хороших мест повседневности», более удаленных «географически», но в смысловом отношении – пожалуй, даже более близких и значимых, чем окрестные церкви. Это «издревле намоленные» святыни православного христианства, а иногда – и христианства вообще. Вот образцы типичного рассказа о молодых годах, когда формировался стереотип нормального поведения:

Освободившись от призыва на воинскую службу, примерно в 1894 году, я решил ходить по монастырям и святым местам, молится богу. Сначала я направился в гор. Киев в Киево-Печерскую лавру – недалеко от Киева я один год работал у крестьян. Из Киева я отправился в Нижегородскую губернию, где около 2-х лет работал на купеческом чугунно-

⁷⁵ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

⁷⁶ Показания обвиняемого Морсковых М. Н. от 25 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88-96.

⁷⁷ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 6-6об.

⁷⁸ Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н. В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2.

литейном заводе в селе Городец. После этого я приехал на родину ... Упустил из виду то, что на родину жить приехал я не из Нижегородской губернии, а из Иерусалима. Уволившись с купеческого завода и получив деньги, я направился в гор. Иерусалим, туда я ездил около года.⁷⁹

Или так:

После демобилизации снова вернулся в «сельском»/«хозяйстве» отца, где жил до 1923 года. За этот период в 1914 году так же ходил странствовать, был на Соловецких островах, в Киеве и Москве. В начале 1923 года после смерти родителей я «сельское»/«хозяйство» оставил, и стал заниматься странствованием, в котором и был по день моего ареста, т.е. в течение последних 11 лет. За это время я бывал в гор. Тобольске в 1923 году, останавливался в странноприимном доме, в 1925 году в Саровской пустыни и Москве, ежегодно в Верхотурском и Белогорском монастырях. В 1926 году в Великом Устюге, и кроме того систематически ходил в знаменательные религиозные дни по церквям Кунгурской и Пермской епархии.⁸⁰

Предвидя указание на то, что это высказывания людей, для которых паломничество стало образом жизни (оттого их мир повседневного обитания и простирался от Иерусалима до Соловецких островов, и от Киева до Тобольска), отметим следующее. Эти странники, судя по отзывам окружающих, пользовались несомненным и немалым уважением среди пожилых людей и людей своего поколения. Вот отзыв о Г. И. Соколове:

...Человек он представительный, очень вразумительный, имеет большую силу воли, пользуется громадным авторитетом как среди странников своей антисоветской организации в лице Морсковатых и Фотей, так и среди населения, очень тверд в своих действиях, по отзывам Морсковатых и Фотей, так же и местного населения – что Григорий Иванович скажет – то закон, раз Григорий Иванович сказал, то так тому и быть.⁸¹

Дело, по-видимому, в том, что эти люди воплощали определенный идеальный тип христианского бытия, посещали именно те места, которые были

⁷⁹ Протокол допроса обвиняемого Петрова Ф. М. от 13 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 117-118.

⁸⁰ Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 11 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2.

⁸¹ Показания свидетеля Агафонова Д. Г. от 22 мая 1934 года. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 135-139.

«опорными смысловыми точками» для их современников. Если предельно коротко – они были там, где бы хотели побывать все.

В пространстве между этими привилегированными пунктами архипелагом располагались места, где можно найти пристанище в пути:

Кроме того имею адреса следующих лиц на случай поездки – иметь квартиры.

- 1) Гор. Чистополь Татарской республики, ул. Фрунзе, дом № 54, Анна Севастьяновна Иванова.
- 2) Гор. Москва, Бахтеевская ул., дом 15, Сюзева Анна Васильевна.
- 3) Гор. Москва, Земледельческий переулок, дом № 16, кв. 1, Кузнецов Макарий Николаевич.
- 4) Детское село Ленинградской области, Московское шоссе, отдел генетики и селекции, Арсений Васильевич Тохтуев.
- 5) Гор. Свердловск, 1-я Мельковская, дом № 11, Павел Никандрович Карманов.
- 6) Гор. Свердловск, врач Мышкин, адреса квартиры не знаю⁸².

Последнее замечание особенно характерно, поскольку показывает, что не человек привязывается к адресу, а адрес – к человеку. В Свердловске нужно найти врача Мышкина (его, видимо, пол-Свердловска знает?), а там и ночлег найдется. Эти точки в пространстве – просто места, где есть *свои люди*:

Это Осокин Николай Агафонович, лет 45, б<ывший>/слесарь одного из заводов г. Оханска (сейчас там у него мать), в 1934 г. уехавший в Сухум. Я Осокина узнал во время моих ночевок у него (его мать была церковной старостой), когда я ходил в Казань. Адрес его я взял у его матери, имея намерение с ним списаться и уехать в Сухум – просто пожить и там.⁸³

Следующая область пространства освоенного, но едва ли поддающегося присвоению – это места, где приходится бывать по необходимости. Не по душевной склонности, не по тому, что там приятно и хорошо, а просто потому, что без этого не обойтись. Возможно, когда-то они были частью повседневного пространства, но сейчас, поскольку все это места публичные, они превратились в точки интервенции со стороны «соввласти». Таковы, например, деревенская кузница, лавка общества потребителей, хлебный ларек, сельсовет, дом заклю-

⁸² Показания обвиняемого Котельникова И. И. от 1 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 26-27 об.

⁸³ Показания обвиняемого Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48об.-50.

чения. Поэтому они маркируются нейтрально, но чаще – негативно, это конфликтная зона, там неуютно.

Вот типичные отзывы о деревенских лавках:

Вчера 17 ноября с<его>/г<ода>. в саламатовской лавке общества потребителей в присутствии до 20 человек дьякон – Михаил говорил: «Ничего не стало, как-то раньше все было, за чем ты ни пришел в лавку, того и нет. Вот как надо мануфактуру и сахару, а нам не дают, если и есть что у них, так такая дрянь, что носить нечего». На это я ему ответил – тебе и не надо давать паразиту, вы ведь святым духом должны питаться.⁸⁴

Или: «Лишь в 10 километрах в районе есть только ларек, но и там такая давка, что совершенно нет возможности добраться до какой-либо буханки хлеба».⁸⁵

Кузница тоже запросто могла стать местом столкновения позиций или даже мировоззрений:

Во время проведения компании по реализации 3-го займа индустриализации 7 – 8 сентября с<его>/г<ода>. я был в Саламатовской кузнице. Пришел к нам выпивший монах – Паисий направить лопату и когда с него кузнец запросил дорого, то он заговорил: «Советская власть нас и так обдергивает, вот сейчас на 3-й заем нас заставляют Ваши правители подписываться по 50 рублей, а где же мы их взяли, да и на что нам эти антихристовы знаки, мы считаем в руки брать их великим грехом. Кругом какой-то произвол и насилие, мужика уж совсем согнули в дугу и разорили этими налогами, житья ни кому не стало от этих еретиков». Тут мы с ним поругались, он все же остался при своих убеждениях, и я, махнув на него рукой, от него ушел.⁸⁶

Визит священника П. О. Киселева в сельсовет закончился и вовсе трагически.

31 декабря 1936 г. пред<седатель>. с<ельского>/сов<ета>. Батуев вызвал меня в с<ельский>/сов<ет> по вопросу штрафовки, после чего Батуев предложил мне выписать районную газету «Сталинский путь» и журнал «Безбожник». Я последнему ответил, что газету «Сталинский путь» выписывать не желаю, так как она описывает один район, а мне хочется знать о распоряжениях ЦИК и в газете «Сталинский путь» это не печатается, Батуев мне ответил, что я говорю неправду, ибо в этой газете печатаются все решения

⁸⁴ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 9-9 об.

⁸⁵ Письмо Бояршинова Ф. Г. к Серафиму епископу Томскому // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 177-178 об.

⁸⁶ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891.

ВКП(б) и Сов<етской>. власти. Я ему ответил, что в газете «Сталинский путь» напечатаны наши Тымбаевские мужицкие сплетни, от журнала «Безбожник» вовсе отказался. Батуев ответил мне, что я не прав. Я попросил у него извинения, что я это сказал по ошибке. Батуев мне не извинил. На другой день я пошел на квартиру к пред<седателю>. с<ельского>/сов<ета>. Батуеву и предложил последнему взятку, чтобы он о высказанных мной контрреволюционных клеветнических фактах по вопросу советской печати не сообщил следственным органам.⁸⁷

Председатель не принял взятку и сообщил следственным органам. Киселева ждал скорый и неправый суд Тройки при УНКВД по Свердловской области, вынесшей ему смертный приговор.

Обращает на себя внимание отсутствие в восприятии пространства оппозиции «городское – деревенское». Пожалуй, можно зафиксировать смысловую «невыделенность» города. Он существует в опыте лишь как место обитания «начальства» (в том числе и церковного), место, где оказывают медицинскую помощь, и место, где сидят в тюрьме:

В г. Пермь я ездила в 1929 году летом, по делу выемки зубов изо рта, была там 3 дня, и где проходят моления и сборища монашек я совершенно не знаю, о кельях в городе Перми я ни от кого не слышала, я даже не знаю у кого останавливалась ночевать, этого дома мне теперь не припомнить⁸⁸;

Моя старушка полуживая 20 сего июля уехала в Свердловск лечится;⁸⁹

Зашел я к ней потому, что будучи в тюрьме арестованным в 1930 г. она мне передавала посылку для меня, кроме того мне передавала посылку тоже гражданка старушка г. Перми (имя и фамилию ее не знаю), но личность запомнил хорошо. В 1930 г. в тюрьме я познакомился со священником города Перми Кудрявцевым Сергеем, который сидел тоже за сокрытие серебряной советской монеты, в данное время он освобожден и служит в Слудской церкви в г. Перми, адреса квартиры я не знаю, и живет он около Слудской церкви, был я у него в квартире один раз, заходил повидаться после освобождения из тюрьмы.⁹⁰

⁸⁷ Показания обвиняемого Киселева П. О. от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 9-9 об.

⁸⁸ Протокол допроса обвиняемой Щелчковой П. С. от 2 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 29-29 об.

⁸⁹ Письмо Славнина Н. А. к Некрасову С. А. от 26 июля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Л. 140-140 об.

⁹⁰ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

Описание тех пространств, которые входили в горизонт жизненного мира, но не являлись частью повседневности, мы начнем с такого экзотического вида опыта, как *видение*. Рассказывает сорокалетняя домохозяйка Прасковья Кузнецова:

...В его, Максимова, приходе работал один бригадир из колхоза, который во время болезни видел видение «где все колхозники мучаются, а единоличники ликуют». Этот бригадир попросил, якобы, священника Максимова для исповеди, а так же созвал всех колхозников его бригады, которым сказал, чтобы они – колхозники – все вышли из колхоза заблаговременно, и вскоре бригадир после исповеди помер.⁹¹

Показания бродячего проповедника Фотия Петрова уточняют, *как именно* мучаются колхозники и ликуют единоличники:

О сне одного из бригадиров колхоза я действительно распространял слух в таком виде, в каком его мне передали кто-то из колхозников: бригадир увидел во сне, что единоличники работают на поле в чистых одеждах, а колхозники работают в кипящей смоле.⁹²

Эпизод с предсмертным видением бригадира настолько напоминает типичный «бродячий сюжет», *быличку*, что пришлось провести специальный поиск – не встречался ли он за пределами Кунгурского района Пермского края. Результат оказался отрицательным, следовательно, это вполне самобытный продукт народного творчества и аутентичное выражение ментальных стереотипов деревенских жителей Западного Урала. Сама история так хороша, что не нуждается в толковании. Неназванный по имени бригадир («*бригадир вообще*») находится на пороге смерти. Его глаза уже устремлены по ту сторону этого переходящего бытия, он глядит в вечность и созерцает истину. Истина открывается в простейших символах: погружение в кипящую смолу – это знак вечного проклятия, пребывание в аду; чистые (белые) же одежды – одежды праведных, знак спасения для вечной жизни.

Именно этот образ можно считать законченным выражением размежевания пространства правильной повседневной жизни (единоличников) и «без-

⁹¹ Дополнительные показания свидетеля Кузнецовой П. П. от 14 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 95-96 об.

⁹² Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф. М. (Фотия) от 22 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1.

божной и дьявольской организацией» (по выражению М. Морсковатых) колхоза. То, что с колхозными реалиями сталкивались *ежедневно*, еще не делало их *повседневными*. Это проклятое место, оно таит величайший соблазн. Попасть туда – отдаться антихристу: «Человек, записавшийся в колхоз, не есть уже христианин и член церкви христовой. Самим вам можно видеть, как говорит Мичков, как мучаются колхозники, и он сам себе уже не хозяин, чтобы он захотел сделать, он этого не может».⁹³

Попавший в это дьявольское место человек был обречен на голод и нищету, он утрачивает большую часть положительных качеств: становится ленив, бестолков, склонен к пьянству. Причем об этом свидетельствовали не только представители «реакционного духовенства и воинствующие церковники», но и лояльные к власти осведомители. Вот что сообщал некий «Карандаш» о жизни колхоза в деревне Агеево:

В Агеевском колхозе пропало скота за осень 1936 года 36 голов или больше, причина – плохой уход за скотом, конюшни не утепленные, наем не чистится, у руководителей сидит Агеев Демид Абрамович, ходит больше в церковь, чем в колхоз. За свиньями ухаживает Агеев Савелий Кириллович, раньше был избран попом, свиньи падают. Корм есть, а уход отсутствует, на заместителя председателя Агеева Д. А. колхозники обижаются. Женщина беднячка Агеева 5-го февраля говорила, так вот надо идти в правление колхоза, но идти не хочется, Демид на нас орет, а доброго слова не скажет. Надо заметить, сельхозинвентарь весь завален снегом. Ремни на молотилках не сняты, кому угодно только на подметки, все портится...⁹⁴

А председатель Бородулинского сельсовета по поводу того же колхоза жаловался:

Используя момент, когда в октябре месяце 1936 года председатель колхоза был на курсах в городе Свердловске в течение месяца, а Демид остался за председателя, он окончательно начал разваливать колхоз. Он прежде всего сам занялся пьянством, по пьянке заболел и говорит, что я сделаю, я больной человек. По его примеру началась поголовная пьянка колхозников, все очередные работы приостановились окончательно. Сорвали вывозку льна. Свежая ржаная солома заскирдована небрежно, ее проливает до-

⁹³ Источник «Черемухин» о разговоре с Т. Швецовым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 11.01.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

⁹⁴ Сообщение агентурного источника «Карандаш» // ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 2.

ждем и она гниет. Сено развалено по конным дворам в беспорядке, его топчет под ногами скот и лошади, и никто ничего не делает.⁹⁵

Не смотря на то, что колхозники работают с утра до вечера, толку от этого никакого: «Наши колхозы, что кругом они обнищали, всюду и везде у них ничего не хватает. Лошади гинут от плохого корма. Дисциплины нет и много других причин, при которых им зажиточной жизни не видать, как своих ушей».⁹⁶ Их суета напоминает поведение пчелиного роя без матки – она лишена какого-либо смысла. Да и их жизнь, пожалуй, – тоже. Придумать колхоз, ясное дело, могли только *чужие*, извечные «враги христианства» - *жиды* и *масоны*.

Иногда невыносимость жизни в подобном мире достигала предела, за которым начиналось обустройство особых, потаенных пространств обитания. Их трудно назвать привычными местами повседневности, это вполне определено – эксцесс, редко встречающийся поведенческий экстремум, но такие случаи бывали. Рассказывает священник Иван Осетров:

Я ему пожаловался на свою тяжелую участь и трудную жизнь, после чего он мне предложил пойти и жить вместе с ним. На мой вопрос, где он живет и что делает, Герасим ответил: «Живу я в пещере в лесу верстах в 15 от б<ывшего>/Белогорского монастыря и верстах в 6-10 от дер. Криулиной по Осинскому тракту. Местность тут очень хорошая, близко от пещеры протекает река, можно будет заняться рыболовством и пчеловодством, и одновременно молиться о спасении души, одновременно занимаясь богоугодными делами».⁹⁷

Соблазненный чудным видением жизни «чистой и простой», с рыбалкой, пчелами и богоугодными делами, Осетров решил переселиться в пещеру, оставив службу в деревенской церкви. Но он допустил роковую ошибку – уговорил отправиться с ним попадью. Нужно ли говорить о том, что в пещере они не прожили и двух месяцев... Но само *потаенное чистое место* оставалось обита-

⁹⁵ Показания свидетеля председателя Бородулинского сельсовета от 9 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 35-35 об.

⁹⁶ Источник «Черемухин» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 17.02.1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

⁹⁷ Показания обвиняемого Осетрова И. И. от 10 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 173-175.

емым еще четыре года – до полной ликвидации сотрудниками Пермского оперативного сектора ОГПУ в 1934 году.

Обнаруженную нами конфигурацию осмысленного пространства можно представить как ряд последовательно открывающихся горизонтов (концентрических сфер) повседневности, вне которых, с одной стороны, находится «анитхристов колхоз», а с другой, диаметрально противоположной, – пещера-скит. Однако, было бы несправедливо не упомянуть о крайне своеобразных пространствах, которые обнаруживают себя, например, так: «Есть такая страна – Индия, где в газетах пишут: недавно явился Христос, который объявил 20000 делегатам, что набирает себе 12 учеников, которые должны будут проповедовать по всей земле, по всей вселенной, вот это все и говорит за то, что настали последние времена, о которых предупреждал Христос».⁹⁸

Сообщал об этом примечательном происшествии в 1929 году слушателям священник, иеромонах Нифонт (Агафонов), а происходило дело неподалеку от г. Чусовой. Едва ли туда доходили индийские газеты. Но даже если бы (допустим) доходили, то при всем уважении к образованности Нифонта (он был весьма ученый человек, знакомый с трудами К. Маркса, В. И. Ленина, Е. Ярославского), он едва ли смог бы их прочесть. В какой же Индии происходил этот своеобразный «кастинг в апостолы»? Разумеется, в *мифической*.

Наше истолкование достигло предельного пространственного пункта, запечатленного в ментальности жителей уральской провинции в первой половине XX века. Он одновременно и имеет отношение к повседневному опыту – в той мере, в которой *именно он* продуцирует те ожидания, которые затем проецируются на мифические дальние страны; и не имеет, поскольку никакого реального повседневного опыта восприятия Индии, Японии, Германии, Испании и т.п. быть *a priori* не могло. Тем не менее, и священники, и их паства точно знали, что там происходит, поскольку это *должно было происходить*.

Понятно, что «евреи <должны> расправиться с гоями посредством Американских, Японских и Китайских пушек и завладеть всем миром, после чего наступит социализм во

⁹⁸ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 6-6 об.

всем мире, и полный социализм – это антихрист».⁹⁹ Ясно, что Япония скоро нападет на СССР. Но есть проблема с заменой риса на хлеб:

В Японии солдат кормят лучше, чем у нас, живут они хорошо, благодаря этого они будут и хорошо защищать свою буржуазию, но сейчас их приучают есть нашу пищу – худшую, чем у них, чтобы потом не испытывать затруднений, так как во время военных действий им придется есть наш хлеб.¹⁰⁰

Фашисты в Германии очень хорошая партия, скорее бы они и в Россию пришли: «Партия фашистов самая лучшая партия, при ней крестьяне опять будут жить по старому единолично и религия будет свободна».¹⁰¹

Произносившие подобные сентенции люди были, безусловно, уверены в их достоверности, нам же они интересны в первую очередь тем, что в мифические пространства отправлялись вполне реальные ожидания – и в этом заключается необходимость его присутствия в структуре повседневной ментальности. Это *пространство чуда* в том его определении, которое предложил когда-то А. Ф. Лосев: «...тут имеется в виду сама жизнь и совпадение, или несовпадения, с идеалом – самой жизни».¹⁰² Япония, Индия, Америка и Германия и есть совпадение идеала и фактичности, сущего и должного, реального и воображаемого. Описав это измерение пространства, и указав его место и функцию, мы завершаем истолкование топологии жизненного мира.

Пространство и время повседневности, как не трудно заметить, точно согласованы в смысловом измерении и образуют конкретный чувственно-реальный хронотоп. Его реконструкция, выполненная на основе архивных материалов первой половины XX века, может быть истолкована вполне определенно. Строго придерживаясь принципа «смотреть на культуру снизу» и предоставляя слово актерам из точно очерченного социального круга, мы описали, фактически, пространство и время традиционной культуры, правда – зафиксирова-

⁹⁹ Дополнительные показания обвиняемого Морсковых М. Н. от 25 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 103.

¹⁰⁰ Показания красноармейца Лосева И. Е., не датированы. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 2.

¹⁰¹ Сообщение агентурного источника «Чернов» из меморандума на дьякона Плотникова В.Н. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 90.

¹⁰² Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура /А. Ф. Лосев. – М.: «Политиздат», 1991. С. 151.

рованное буквально на грани коллапса. Образ приближающейся катастрофы явственно присутствует в ментальности «церковных людей» и одиночников «в белых одеждах» – до и вне всякой вероучительной рефлексии. Человеческая деятельность утрачивала смысл. Привычные культурные коды не действовали, исчезала эта удивительная «самосогласованность» слов и жестов, которую всегда предполагает повседневность. Пространство съеживалось на глазах, разрывалось и завоевывалось чужаками, время готово было остановиться, и, в пределах, разумеется, этого жизненного мира – остановилось в итоге.

Пересуды на завалинке

В августе 1937 года Токмановский сельсовет Березовского района Свердловской области выдал справку-характеристику на Морозова Михаила Ларионовича, в которой среди прочего говорилось: «Морозов сумел изъять церковных денег в сумме около 14 тысяч рублей. На почве этих денег будто бы напоил пьяного и заморозил бывшего попа Овчинникова, который об этих деньгах знал».¹⁰³

Восьмью годами ранее сочувствующий советской власти крестьянин-бедняк Иван Игнатьевич Неустроев, заведовавший избой-читальней в деревне Бурсун Чусовского района, в своих показаниях сообщил: «Состоящие при Городище монахини молодые девушки д. Саламатовой Долмونتова Анна Степановна – 16 лет и Блинова Татьяна Васильевна 21 года, которые являются моими соседками, ходят к Нифонту по ночам. Помню нами была поймана Блинова Татьяна в июне месяце с/года, которая бежала к Нифонту в Городище, а когда чусовская раймилиция по городищенской церковной общине <завела> дело и послала монашек на медицинский осмотр, то обе они оказались уже не девственницами, общение же их с местными жителями было не замечено».¹⁰⁴

Подобные сюжеты невольно будоражат воображение исследователя. Живо представляется, как церковный староста Михаил Морозов в полумраке храма, освещаемого только светом лампад, дрожащими руками сует за пазуху мятые ассигнации «в сумме около 14 тысяч рублей». А затем, подобно коварному Сальери, допьяна поит доверчивого священника Ивана Тихоновича Овчинникова (Моцарта), которому стала известна тайна. И оставляет его замерзать в сугробе лютыми декабрьскими морозами. Или – белая июньская ночь. По еще не остывшему от дневного зноя тракту из деревни Саломатовой в Городище мчится юная монашка Татьяна Блинова – исповедоваться. Догорающая зарница, серебряная от росы трава на обочине, звон комаров. Жар разгоряченного бегом

¹⁰³ Характеристика на Морозова М. Л., дана 18 августа 1937 года Токмановским сельсоветом Березовского района Свердловской области. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 1. Л. 10.

¹⁰⁴ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 10.

тела. Внезапно из-за кустов появляются бдительные односельчане, не верящие в чистоту пастырских намерений. Последующая медиализация по распоряжению милиции (что поделаешь, *modernity*, врачи и полицейские – на службе морали) показала, что цветок невинности все-таки был сорван. Озадаченные парни «по соседству», познакомившись с медицинским заключением (удостоверенным авторитетом науки), говорили – нет, это не наши, я не видал, чтобы...

Все это факты, но факты определенного рода: факты высказывания о чем-то (нечто *было сказано*). Они создавали репутации, содержали оценки, влияли на судьбы. В пределах феноменологической установки мы не в праве их игнорировать. Однако, оценивая модальность, в которой дано некоторое содержание (убийство приходского священника или, как тогда говорили, «использование в половом отношении» девушек-монашек), приходится признать, что они даны в модусе *фантазии*, а если переходить на «объектный» язык – представляют собой обычные для повседневности *слухи*.

Священник Овчинников, на самом деле, не только не пал жертвой Морозова, но и проходил с ним по одному делу как обвиняемый. Руководство Токмановского сельсовета недрогнувшей рукой внесло в официальный документ деревенскую сплетню, сопроводив ее, правда, оборотом «будто бы».

Никаких следов медиализации монашек из деревни Саломатовой в деле Нифонта Агафонова не содержится. В нем собрано все, что могли собрать оперуполномоченные ОГПУ, включая хорошо документированную историю *умышленной потравы скотом экспериментального земледельческого участка*. Но никакие развратные действия обитателям крошечного нелегального Городищенского монастыря не инкриминировались. Следовательно, перед нами снова слух, бытовавший в деревенской среде, и попавший в официальный дискурс (свидетельские показания) *контрабандой*.

Для исследования повседневной ментальности, т.е. самых обыденных «привычек мышления» или «подручного знания», истинностный статус его содержания, как ни странно, не особенно важен. Так ранее были рассмотрены видения (сон бригадира) и мифы (вербовка лже-Мессией апостолов в Индии). По-

гружение вглубь живого опыта просто разворачивало смыслы, которым обитатели социального круга «церковных людей» наделяли свой жизненный мир. Приведенные выше весьма красочные и фигуративные сообщения интересны как раз не их содержанием, которое мы до поры вынесем за скобки. Истолкованию будет подвергнута сама форма их бытования, которую, следуя за А. А. Панченко, можно обозначить как *fake-lore*¹⁰⁵, т.е. слух, сплетня, байка.

Слух, сплетня в провинциальной повседневности есть наиболее типичная и распространенная форма опыта *представления другого*. И то, что другой предъявляется в опыте в виде сплетни или слуха, демонстрирует две особенности повседневной жизни сел, деревень и маленьких рабочих поселков, обозначившихся как «завод» (Кын-завод, Александровский завод и т.п.).

Во-первых, провинциальная повседневность *квазипрозрачна* и *тесно-сжата*: жизнь всех происходит на виду у всех, все обо всех судят и «знают», причем «знают» даже тогда, когда не знают. Вот, например, очень характерное свидетельство молодой девушки Тамары Механошиной, работавшей воспитательницей детского сада в Александровском заводе. В январе 1937 года к ним в дом (под предлогом посещения спевки церковного хора) зачастил неженатый дьякон местной церкви. По-видимому, каждая «хористка» сообщила об этом своим домашним и товаркам, и сплетня, что называется, «пошла гулять». По дороге она обросла пикантными подробностями, и вскоре стала основанием для принятия административных решений: «Когда мне приходилось бывать даже и в магазине, то все начали называть меня дьяконицей. Осинникова даже написала заявление зав. Детсадом Загайновой в котором подтвердила мою связь с дьяконом, в результате я с работы была за это уволена»¹⁰⁶. Отметим, что гражданка Евдокия Осинникова, написавшая донос на Тамару, сама «состояла в связи» с дьяконом – и об этом тоже *говорил весь завод*.

Во-вторых, слухи, сплетни, повседневные пересуды являются *универсальной формой присвоения другого*. Топика и (или) архетипика образов в по-

¹⁰⁵ См. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект/ А. А. Панченко. – Москва, ОГИ, 2004.

¹⁰⁶ Протокол допроса свидетельницы Механошиной Т. И. от 19 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 16996. Л. 84-89.

добном нарративе сама по себе артикулирует поведение другого, предписывает понятные и ожидаемые поступки, а вместе с ними – часто, – и их мотивацию (вор убивает свидетеля, «который об этих деньгах знал», отношения в архетипической парочке «блудливый монах – распутная монашка» и т.п.).

В условиях массивной интервенции, которой подвергалась провинциальная повседневность на рубеже 30-х годов XX века, эта особенность деревенской сплетни приобретала удивительную актуальность. Акции власти порождали неожиданные и ассиметричные реакции повседневной ментальности, вызывали конструирование фактов и их «объяснений». Вот, например, сообщение агентурного источника «Черемухин» о беседе со священником В. Мичковым, которая была посвящена газетным публикациям о московском процессе в январе 1937 года¹⁰⁷:

Разговор зашел о судебном процессе, который походил в Москве над группой, которая имела своей целью свержение Советской власти. Обвиняемых суд присудил к высшей мере наказания расстрелу, как изменников Родины. Как пишут, что приговор приведен в исполнение. В исполнении приговора, как говорит Мичков «Я сомневаюсь, потому, что это написано только лишь для того, чтобы дать знать массам, что де вот как мы поступаем с изменниками Родины, но на самом деле они живые. Наше правительство расстрелять их боится, так как виновные были связаны с Германией и итальянскими фашистами. А раз это так, то после этого получиться может неприятный конфликт для Советской власти, которого наше СССР не желает. Вот почему я лично не верю, что приговор был приведен в исполнение». Интересно, как говорит Мичков, почему эти заговоры происходят не в низах и не среди массы, но верхах, т.е. занимаются этим люди, стоящие на ответственных постах. После чего сам же и отвечает, что вот почему: там сидят люди с высшим образованием, поэтому хотя и делают то, что велит правительство, но зная, что такие методы работы неправильные. Делают в то же время свое, дабы этим самым избавиться от Советской власти. А вместо нее водворить в России власть капитала.¹⁰⁸

Перед нами весьма причудливая амальгама, в которой сплавлена воедино вера (если в газетах пишут, что обвиняемые связаны с фашизмом, значит – так

¹⁰⁷ Речь, скорее всего, шла о процессе так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Дело слушалось Военной коллегией Верховного Суда СССР с 23 по 30 января 1937 г. Основными обвиняемыми во вредительстве и шпионаже были Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Л. П. Серебряков, Г. Я. Сокольников.

¹⁰⁸ Донесение агента «Черемухин» от 17 февраля 1937 года. Спецконверт. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.

и есть) и неверие (не верю, что приговор привели в исполнение). Возникает вполне архетипический фантазм – «вредители» на самом деле живы («государя Петра Федоровича не убили»), и они – «за народ», и желают избавить «массы» от крепостного колхозного рабства:

На бумаге пишут, что всюду и везде колхозы стали зажиточные, но это на бумаге так и остается. Но людей не обманешь, как все почти сидят голодом и наполовину нагие и босые. Все это видя что так жить нельзя, вот и находятся люди, которые своими заговорами и хотят облегчить участь массы.¹⁰⁹

Ко всему этому естественным образом примешивается простонародное уважение к «людям с высшим образованием» (которых, заметим, среди фигурантов январского процесса была примерно треть). Кроме того, все злое исходит от потусторонних, inferнальных сил, продолжает объяснять В. Мичков в присутствии агентурного источника «Зеленый»:

Все золото переходит через жидовские руки за границу, и за границей стараются как только разорить нашу Россию, уничтожить в ней богатство. Хитро подошли жида к России, во Франции не могли сделать¹¹⁰, но зато в России сделали.¹¹¹

Вот так, легко и просто, повседневная ментальность обнаруживает «своих» в кремлевских схватках, выносит зло в трансцендентную сферу, локализует интервенцию и уже практически торжествует над ней победу, при условии, правда, что «фашисты помогут»:

Германия и Италия сделали бы так же, как с Абиссинией и в Испании, применили бы газы, от которых, как писали газеты, от абиссинской армии 30 тысячной осталось только 10. Этим самым и здесь бы пришли скорей к концу, а отсюда бы и пощупали наш Советский. Союз.¹¹²

Если мы примем во внимание эту удивительную способность приземлять, реифицировать, дробить и перемалывать, свойственную подобному типу опыта, то станет понятно, что в пределах очерченного ранее хронотопа повседневности все *другие* – в большей или меньшей степени *свои*. Уж если деревенские

¹⁰⁹ Донесение агента «Черемухин» от 17 февраля 1937 года. Спецконверт. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.

¹¹⁰ Вполне вероятно, что имеется в виду «афера Ставиского», финансовый скандал 1933-1934 годов, спровоцировавший правительственный кризис во Франции и широко освещавшаяся в советской прессе. То обстоятельство, что Ставиский был евреем, вызвало всплеск антисемитских настроений и активизацию ультраправых.

¹¹¹ Донесение агента «Зеленый» от 6 октября 1934 года. Спецконверт. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.

¹¹² Донесение агента «Черемухин» от 5 марта 1937 года. Спецконверт. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702.

пересуды плавно перетекали с завалинок в кабинеты районных отделов ОГПУ (НКВД) и оседали в казенных бумагах, публиковались в районный многотиражках¹¹³, если с оперуполномоченным можно было *посудачить* о делах на селе, дома или в колхозе – то даже он *свой*. Ему можно без утайки, внятно и подробно объяснить свою жизненную позицию, как это сделал, например, чтец Успенского собора г. Кунгура Федор Афанасьевич Наумов:

На выселение кулачества я смотрю так. Существующий в данное время строй – советская власть, строит новую жизнь, уничтожает все старые пережитки, уничтожает частный сектор, строит колхозы, ведет пропаганду против религии, лишили средств существования тружеников крестьян, - все это противоречит нашему церковному учению, и я, как истинно верующий православный христианин считаю это в корне неправильным, и эту мысль я высказываю среди верующих православной церкви, как чтец церкви проповедей в церкви я читать не могу, то мне приходится внушать учение господ бога верующим в частных беседах, в которых я лично высказываю верующим, что в колхозы входить не нужно, т.к. там могут быть только безбожники, а это противоречит нашему церковному учению. Дабы вовлечь в православную церковь молодое поколение – учащихся в советских школах, мы используем для этой цели родителей, внушаем им, чтобы они учили своих детей молиться богу, читать молитвы, заповеди, т.к. в советской школе преподается учение безбожное, сатанинское, в этом духе читаются проповеди пастырями в церкви во время богослужения перед верующими, такие проповеди читает протоиерей Котельников Ив. Ив., который служил в Беляевской церкви Ординского района, а данное время служит протоиереем в с. Морозково Кишертского района. Котельников является моим духовным отцом, учение которого воспринимаю и проповедую его среди верующих православной церкви, также проповедуются среди верующих о кончине мира, верующим внушается, чтобы они больше молились, готовились к этому.¹¹⁴

Вот так, по-крестьянски обстоятельно обвиняемый излагает, фактически, состав своего преступления. Он едва ли знаком с содержанием статьи 58 Особой части УК РСФСР, хотя степень наивности тогдашних «церковных людей» не следует недооценивать. Входивший в круг общения его духовного отца (И.

¹¹³ История отношений Т. Механошиной и дьякона М. Кукшинова попала на страницы газеты «Уральская кочегарка». См. «Черное воинство». Александровские церковники за работой/Уральская кочегарка. 11 марта 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996. Л. 139.

¹¹⁴ Протокол допроса обвиняемого Наумова Ф.А. от 31 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 18-19 об.

И. Котельникова) священник из села Беркутово того же Кунгурского района Петр Григорьевич Солин был, например, к тому моменту уже дважды судим – последний раз именно за антисоветскую агитацию (Ст. 58, п. 10 УК РСФСР)¹¹⁵. Мог и рассказать при случае. Трогательная доверительность повествования наглядно свидетельствует об отсутствии какой-либо практики сопротивления, или, по крайней мере – избегания опасности. Наумов, между прочим, не только «оговорил» себя, но и донес на своего духовника. Канцелярский стол, разделявший допрашивающего и допрашиваемого, не воспринимался как «ничейная земля», а составляющий протокол допроса человек в форме не находился «по ту сторону фронта», не представляется противником, врагом.

Крестьянин, «предавшийся антихристу», т.е. вступивший в колхоз, тоже не становился вследствие этого *чужим*. Его можно пожалеть, по поводу судьбы этого несчастного возможны следующие ламентации:

Зачем ты вошел в колхоз, я жалею тебя – (выругавшись нецензурно) продолжал: Советской власти скоро не будет, т.к. с севера Советскому Союзу объявила войну Англия, с востока объявила войну Япония, с запада объявила войну Германия и Польша – конечно, Советскому Союзу против фашизма не устоять, вследствие чего будет победа фашизма и роспуск колхозов. Колхозников и руководителей Советской власти начиная с центра, кончая низов будут уничтожать...¹¹⁶

Молодой крестьянин-единоличник, И. М. Гордеев получил паспорт с «антихристовой печатью» и ... продолжал работать церковным сторожем в селе Усть-Кишерть. Над ним, правда, стали ехидно подтрунивать:

В марте месяце 1934 г. я мыл в сторожке пол, в это время зашел Григорий Иванович Соколов, который стал интересоваться, получил ли я паспорт, я ему ответил, что да, получил. Через какое-то время Соколов стал мне говорить: «Чем в калюжине¹¹⁷ валяться, лучше в озере купаться, иди уже работать к коммунистам.»¹¹⁸

¹¹⁵ Анкета арестованного Солина П. Г. ПермГАНИ. Л. 46.

¹¹⁶ Протокол допроса свидетеля Лопарева П. И. от 12 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10469. Л. 20.

¹¹⁷ КАЛЮЖА, калюжка жен., южн., тул. калужина, мочежина, лужа, грязь. см. калуга, Калюх (кал?) муж., новг. поганая посуда для помоев, для корма собак и пр. /Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля.

¹¹⁸ Протокол допроса свидетеля Гордеева И. М. от 24 апреля 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 79-80 об.

Подводя итоги первой части исследования опыта восприятия другого в провинциальной повседневности Западного Урала в первой трети XX века, еще раз обозначим основные выводы. Если избрать отправной точкой истолкования *fake-lore* (сплетню, слух, пересуды, байки и былички), то именно он являлся самой распространенной формой представления и присвоения другого, средством реификации и переработки властных интервенций, инструментом «набрасывания» на образы и поступки других привычных тропов дискурса и социальных архетипов.

Парадоксальным следствием этого являлось то, что для человека, погруженного в повседневную жизнь, все другие, разделяющие с ним общие «действия и претерпевания» представлялись своими. Ни в дискурсе, ни в практиках, например, признания (следователю), оценивания или коммуникации не обнаруживаются ни отчетливые маркеры чуждости, ни какие-либо особенные стратегии взаимодействия с чужаками. Настоящие чужаки находились вне повседневности, это *евреи, комсомольцы, коммунисты, правительство*, а иногда и еще и так – *правительство, в котором остались одни евреи*: «В настоящее время остались в правительстве одни евреи, все прежние руководители вышли из состава правительства, видя гибель всего сельского народа».¹¹⁹

Вот, к примеру, как о *чужаках* высказывается неграмотный монах Паисий, обитавший при Городищенской церкви Саломатовского сельсовета Чусовского района: «При советской власти развелись какие-то комсомольцы. Царя свергнули прокляты коммунисты, ну теперь и разрушили всю прежнюю Россию»¹²⁰. Обратим внимание на то, что *комсомольцы* у него «*какие-то*», т.е. абстрактно-бесплотные, не имеющие ни имени, ни образа, ни профессии, ни места жительства и т.п. Закрадывается сомнение в том, что Паисий вообще видел хотя бы одного живого комсомольца. *Коммунисты*, которым приписываются свершения вселенского масштаба – это определенно не те люди, которые проживают в его родном Чердынском районе.

¹¹⁹ Показания свидетеля Дубровского-Андреева М. А. ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29510. Л. 21.

¹²⁰ Протокол допроса обвиняемого Андреева П. А. от 21 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 66.

Столь же общо и деперсонализированно выглядят коммунисты в анонимных письмах, направленных уполномоченному ОГПУ по Ординскому району, начальнику милиции и секретарю райкома ВКП(б) в декабре 1932 года:

Товарищи коммунисты, Вы знаете, если вы закроете церковь, то мы все выйдем из колхоза, и Вы имейте в виду, что мы возьмемся за ваши фермы и заводы, за ваши склады и конные дворы. Поджигать только вдоль по ветру и чтоб затрещало, как весной лонись, а ныне еще пуще. Если закроете церковь, то, как только рожь поспеет, то мы под ветер зажжем, вот имейте ввиду, не впустую говорим и пишем, нас масса, все крестьянство с нами.¹²¹

Обращаясь от имени массы своих к чужим, представленным тоже *an mass*, неизвестный нам автор писем не указывает на тех вполне конкретных людей, партийных и советских функционеров, которым формально их адресует. Да они ему и не интересны. Строй его ментальности явно апокалипсический – в ответ на закрытие местной церкви он обещает объявить «товарищам коммунистам» тотальную войну. Резонно предположить, что закрытие церкви – только повод, небольшой эпизод в последней схватке добра со злом. Следовательно, маячившие на горизонте его жизненного мира, далеко за пределами повседневности, «слуги антихристовы» не могли иметь человеческого облика, хотя *объективно* находились по соседству, в районном центре.

Справедливости ради следует отметить, что обнаружился единственный, и при этом крайне сомнительный, случай *отчуждения конкретного человека*. Дело было так. 14 марта 1937 г. в старообрядческой деревне Агеево (где все жители, конечно – Агеевы) Бородулинского сельсовета, что в Верещагинском районе, состоялось общее собрание в колхозе «Новая жизнь». «На повестке дня стоял вопрос о назначении нового заведующего фермой, вследствие того, что старый заведующий фермой Агеева вышла в замуж...»¹²² Заведующим был назначен Агеев Демид Абрамович. Новое общее собрание колхозников состоялось через неделю, 21 марта. «Колхозники на должность заведующего фермой выдвигали Агееву

¹²¹ Выписка из обвинительного заключения по делу № 11141 по обвинению Котельникова И. И., Овчинникова И. А., Алексеева Н. Я. Наумова Ф. А. и др. в кол. 27-ми человек». ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 60-71.

¹²² Сообщение агентурного источника «Карандаш» от 22 марта 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 5.

Елизавету, кандидата в члены ВКП(б), но правление колхоза против кандидатуры Агеевой, и Агеев Д. А. заявил, что у нас лучше найдутся люди б<ес>/партийные, Агеев боится допустить в состав руководства члена партии ...».¹²³

Казалось бы, источник недвусмысленно указывает на факт сегрегации, а маркером чуждости выступает партийность («кандидат в члены ВКП(б)»). Попробуем разобраться в этой истории, где вместо Агеевой назначили Агеева, которого попытались заменить Агеевой, но оставили Агеева. Приведем аргументы в пользу того, что имеются достаточные основания для ее фальсификации а, следовательно, – и для признания выполненной ранее дескрипции «опыта другого» адекватной.

Прежде всего, стоит отметить то существенное обстоятельство, что о произошедшем сообщает осведомитель НКВД, обозначенный в документах как «агентурный источник «Карандаш»». Далее, сообщает он не по «зову сердца», а в рамках агентурной разработки под тривиальным названием – «Кулаки»¹²⁴. Проще говоря, «Карандашу» куратором из НКВД было поручено собрать весь, какой сумеет, компрометирующий материал на Д. А. Агеева и его окружение. При этом ни ложь, ни подтасовка фактов, ни провокации не исключались, а скорее напротив – предполагались. Утверждая, что Елизавету Агееву «забаллотировали» потому, что Демид Абрамович «боится допустить в состав руководства члена партии», осведомитель мог просто «отрабатывать заказ» – рутинная деревенская интрига сразу приобретала политическую окраску.

Есть и дополнительные основания считать, что дело обстояло именно так. У Демида Агеева были иные преимущества, никак не связанные с беспартийностью его и партийностью Елизаветы. Он уже был заместителем председателя колхоза, сам председатель колхоза приходился ему родным племянником, и, наконец, как крепкий хозяин, церковный староста и близкий друг старообрядческого попа Автонома Фомича Носкова он пользовался большим авторитетом

¹²³ Сообщение агентурного источника «Карандаш» от 22 марта 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 5.

¹²⁴ Там же.

у односельчан.¹²⁵ И, что немаловажно, он был *мужчиной*. В данном случае имела место старая добрая игра родства, свойства, традиционных потестарных и гендерных отношений. Именно подобные игры – строго запрещаемые, абсолютно незаконные и жестоко наказуемые, – и превращали институциональные отношения в пределах отдельной конечной области значений (в данном случае – производственного сельскохозяйственного кооператива) в какое-то подобие повседневной жизни.

Хотелось бы подчеркнуть, что этот повседневный «мир своих», в котором сложенные из толстых сосновых бревен стены не были преградой для взгляда – ни при свете дня, ни во тьме ночной; в котором нерасстрелянный Георгий Пятаков по-прежнему отдавал вредительские распоряжения нерасстрелянному Борису Норкину (во благо простого народа); в котором совершались несовершенные преступления и закручивались несуществующие романы; где коварные евреи гребли лопатой российское золото, а добрые фашисты спешили на помощь уральским крестьянам, *был мифическим миром* в самом точном смысле этого слова.

Однако описание этого «мира своих» осталось бы незавершенным без попытки истолкования ряда событий, смысл которых в пределах избранного нами языка с большим трудом поддается схватыванию. Формулировка «Попытаемся увидеть, как в мифический мир вторгалась реальность» явно не годится – ввиду полной ее тавтологичности. Миф сам по себе и есть реальность. Следуя аутентичному языку повседневной ментальности, смысл подобных событий можно зафиксировать так – среди своих *случаются оборотни*. Суть оборотня в том, что вот сейчас он – свой, а в следующий миг «перекувырнулся, головой о пень ударился», – и стал кем-то другим. То, что две его природы *проявляются* диахронически, не отменяет того факта, что обе прибывают в нем синхронно. Поэтому оборотень (в отличие от трансцендентного «жидомасона») и есть, как не трудно догадаться, *граница мира своих, обнаруженная «изнутри»*, в преде-

¹²⁵ Сообщение агентурного источника «Карандаш» от 22 марта 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 1-5.

лах повседневного опыта. Опыта, добавим, часто приобретающего в момент обнаружения оборотня катастрофический характер.

Оборотня выдает изменившийся рисунок поведения, он ведет себя «как-то не так» – даже если у него не прорезаются клыки и он не обрастает шерстью. Причем речь идет не об отдельных поступках, а именно об изменении всей структуры мотивации и действия, которая внезапно становится абсолютно ненормальной – но при этом «в другой системе отсчета» остается естественной, т.е. согласованной с его «двойственным» естеством. Отдавая должное анализу семантики образа монстра, выполненному М. Фуко¹²⁶ (монстр есть смещение различных природ), представляется возможным определить поведение оборотня как *монструозное поведение*.

Поскольку повседневная поведенческая норма никак не зафиксирована и не отрефлексирована, трудно точно определить, какое именно поведение воспринималось как монструозное. Но можно обнаружить сам факт его восприятия: «...В мае м-це 1933 года я поступила в качестве уборщицы в церковь Новой деревни Неволинского с/совета Кунгурского района, в которой священником служил Осетров Иоанн, который неоднократно меня упрекал, говоря: «Акулина, ты живешь не по-церковному», т.к. в свободное время я еще ходила пособить гражданам Новой деревни, чтобы подзаработать хлеба, которого мне не хватало – что я получала от церкви».¹²⁷

Интересно то, что священник И. Осетров, характеризуя поведение Акулины Блиновой, прибегнул к термину «живешь не по-церковному». Речь шла не о том или ином поступке, а именно об *образе* или *стиле жизни*. Возможно, что сама Акулина не вполне правильно поняла, к чему именно относилось замечание. Из перспективы сегодняшнего дня трудно представить, действительно ли желание «подзаработать хлеба» «пособляя» односельчанам, не вписывалось в представление о «церковной жизни». Возможно, И. Осетров имел в виду что-то иное. Можно предположить, что он и сам едва ли бы смог

¹²⁶ См. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году/ М. Фуко. – Санкт-Петербург, Наука, 2004.

¹²⁷ Показания свидетеля Блиновой А. Т. от 22 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 123-124 об.

внятно объяснить предмет своей нотации. Но он непосредственно переживал «нецерковность жизни» церковного человека.

Возможно, «ситуацию оборотня» поможет прояснить обращение к уже упомянутому в предыдущем разделе казусу священника П. О. Киселева. Напомню, что по его собственным словам, он был вызван председателем сельсовета Батуевым «по вопросу штрафовки», после чего Батуев предложил ему выписать газету «Сталинский путь» и журнал «Безбожник». На этой почве возник конфликт, пожилой священник наговорил резкостей, а на следующий день, испугавшись, пришел к председателю сельсовета и предложил ему взятку.

Здесь все в пределах повседневных рутин. Обыденный повод прихода в «присутственное место» – «штрафовка», за неуплату, по-видимому, одного из многочисленных налогов. Спор между своими (кстати, именно здесь будет произнесена фраза о том, что «...в газете «Сталинский путь» напечатаны наши Тымбаевские *мужицкие сплетни*»), взятка, принесенная «на квартиру» – как говорится, дела житейские. «Ты – мне, я – тебе» - этот принцип является краеугольным камнем повседневности.

Но существует иная, официальная версия событий, изложенная начальником Усинского РО НКВД сержантом Г. Б Упоровым. Вот она:

«... Когда вопрос <о возможности выписать газеты> разрешился в его пользу и была предоставлена возможность выбора газет, парторг села Батуев рекомендовал, что можно выписать центральный журнал, в т.ч. «Безбожник», то Киселев сказал что «Журнал «Безбожник» пишет ересь». Далее парторг Батуев рекомендовал выписать районную газету «Сталинский путь», то Киселев выразился так, что: «Она сплетница и разводит сплетни», в чем доказывал свою правоту в своих словах».¹²⁸

При всей стилистической близости к повседневным нарративам своей эпохи, этот текст выдержан в одном ключе, и он совершенно по-другому расставляет акценты. Отличия очевидны, и очень примечательны. Прежде всего, не указано действительное место действия (прозаически-будничным сельсовет). Все происходит словно бы в некоем универсуме классово-борьбы, где враг

¹²⁸ Меморандум на Киселева П. О., составленный 29 июля 1937 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 26.

осуществляет идеологическую диверсию. Далее, Батуев, которого священник в своем рассказе *дважды* называет «председатель сельсовета», здесь в этом качестве не упомянут ни разу. В контексте сообщения сержанта Упорова он не маленький «мужицкий начальник», напротив, он *дважды* назван «парторгом села» (к этой симметричной двоичности мы еще вернемся). О таких повседневных реалиях, как «штрафовка», и, тем более, – предложенная взятка, речи не идет. Вражеская вылазка пресечена парторгом «в зародыше».

Обнаруженная нами инверсия смыслов отлично укладывается в «ситуацию оборотня». Пожилой, уважаемый односельчанами священник отправился по делу в хорошо знакомое место (сельсовет), где рассчитывал встретить председателя Батуева, но попал на поле классовых баталий, где его поджидал другой человек. Вероятно, Киселев не сразу почуял неладное в тот момент, когда поведение Батуева приобрело черты монструозности. В самом деле, кто в здравом уме будет предлагать служителю церкви выписать «центральный журнал» – «Безбожник»? А дело заключалось в том, что перед Потапом Осиевичем находился не «*председатель с/совета Батуев*», а «*парторг села Батуев*», устроивший ему «роскошную провокацию». Не заметив того, что Батуев «перекувырнулся, о пень ударился», священник вспылал, и стал «дискредитировать» советскую прессу.

Невозможно установить, в какой фазе диалога (и как именно) священник понял, что его видение происходящего отличается от тех смыслов, которые вкладывает в мизансцену его визави. Вероятно, в неадекватности реакций парторга «зеркалила» неадекватность поведения Киселева. И он это уловил, испугался, а затем выдал еще одну совершенно рутинную, повседневную реакцию – извинился. Дескать, «ты пошутил – я посмеялся», забудем. Но не тут-то было, *парторг* извинений не принял. Это только усугубило ситуацию. А окончательно ее погубило то, что Потап Осиевич попытался придти «на квартиру», т.е. в приватное пространство человека, который, как тогда писали в протоколах, «был лично ему знакомый», и сунуть (по-свойски) денег. А встретил его – во второй раз, – *парторг*. Повседневность оказалась разорванной, произошел ло-

кальный коллапс ее смысловой непрерывности, поскольку свой «оборотился» чужим, причем дважды.

В 30-х годах XX века советский писатель И. Ильф оставил в своих записных книжках то ли горько-ироническое, то ли отчаянно-трагическое замечание: «Край непуганых идиотов. Самое время пугнуть».¹²⁹ Если вернуть понятию *ιδιώτης* его первоначальный смысл – человек, живущий приватной жизнью, не имеющий отношения к *βίος πολιτικός* (жизни политической), то определение И. Ильфа вполне подходит для современной ему повседневности уральской провинции. Как еще назвать человека, который в 1937 году на первом же допросе в качестве обвиняемого начинает показания так: «Я убежденный монархист, но я заявляю, что никакой контрреволюционной работой среди населения посещаемых мною деревень я не вел»?¹³⁰

Они еще только начинали учиться пугаться и подозревать, привыкали к тому, что любой мог оказаться оборотнем. Вот много повидавший в жизни профессиональный странник Григорий Иванович Соколов передает мнение старосты Усть-Кишертской церкви Петра Дмитриевича о своем коллеге – тоже страннике Гаврииле:

Петр Дмитриевич говорил мне, что когда Усть-Кишертский ГПУ в 1932 г. арестовал Гавриила, то последний указал на дом Петра Дмитриевича, где он, Гавриил, якобы часто бывал, после чего был арестован и Петр Дмитриевич, но, просидев двое суток, был выпущен. У Петра Дмитриевича, по его словам, сложилось мнение, что «Гавриил ходил по району с определенной целью – выдать всех нас», т.к. у Петра Дмитриевича хранилось много церковных книг.¹³¹

Ненормальность ситуации по-прежнему заключается в том, что Соколов сообщает об основаниях подозревать Гавриила в связях с карательными органами... самим сотрудникам карательных органов.

Завершая описание «ситуации оборотня», хотелось бы отметить, что еще в 1929 году эти «перевертыши повседневности» сохраняли ясное сознание того,

¹²⁹ См. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель Вадим Серов/ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/156.htm>. Дата обращения: 27.07.15.

¹³⁰ Показания обвиняемого Плотникова В. Н. от 8 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 9.

¹³¹ Показания Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об.-50.

что они тайно проникают в пределы чужого мира, и делают это, притворяясь своими. Перед нами признание одного из этих своеобразных «нелегалов» – председателя Саломатовского сельсовета Чусовского района С. В. Третьякова, беспартийного, малограмотного крестьянина-середняка: «Помню мне, как местному общественному работнику и интересующемуся их жизнью пришлось вместе с другими проникнуть незаметно в великий пост – в апреле месяце сего года на службу Городищенской церкви и недавно 5 ноября в празднование «Казанской божьей матери», где было народа до 200 человек».¹³² Одной фразой он ловко расставил все по местам: притворился «своим» чтобы *незаметно* пробраться на враждебную территорию, сохранял полное сознание дистанцированности от «их жизни», которой интересовался из сугубо гносеологических соображений.

Возможно, Третьяков допускал, что кто-то из этих «других», вместе с которыми он проник в Городищенскую церковь, мог на него донести, и постарался загодя «отмежеваться». Занимая позицию «чужого среди своих», он, как и другие оборотни (осведомители, доносчики) пытался объективировать повседневность, дать ее описание на языке власти – в той мере, в какой он этим языком овладел. У кого-то получалось лучше, у кого – хуже, а иногда даже так: «Вся эта братия, наряду со строящейся новой жизнью, напоминает нам кошмарное прошлое, сидит как язва на нашем теле и мешает спокойно заняться за новое творчество».¹³³ Конвульсии языка и нагромождение штампов («эта братия», «новая жизнь», «кошмарное прошлое», «язва на теле», «новое творчество»), очевидные в данном случае, превращают это высказывание в простую манифестацию лояльности, с точки зрения информативности – совершенно пустую. Использование «лексикона власти» имеет самодовлеющее значение.

Как относиться к этим свидетельствам «нелегалов»? Прежде всего, не доверять любой попытке «политизировать» повседневность – по причине ее глубочайшего провинциального идиотизма (в хорошем смысле этого слова). Далее, учитывать фактор дистанции – это все-таки «внешние» описания повседневной

¹³² Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 14.

¹³³ Протокол допроса свидетеля Блинова П. И. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 52-52об.

жизни, хотя источник, казалось бы, находится «внутри». Однако, безоценочные высказывания о фактах и, особенно, – высказывания о высказываниях, – иногда единственный способ о них узнать или их услышать.

«Бывшие люди»

Часто дистанция наблюдателя позволяла увидеть то, что не могло быть замечено находившимися в кругу своих «церковными людьми». Поэтому описание внутренней морфологии этого круга хотелось бы начать с внешнего определения, которое дал именно «нелегал» – упомянутый ранее С. В. Третьяков, незаметно проникавший на службы в Городищенскую церковь Чусовского района:

Приезжают к нему молиться почти исключительно бывшее кулачество, торговцы и т.п. лица. Я ни разу у них во время службы не видел бедняка, публика все хорошо одетая с известной изысканностью. Насколько мне известно, окружающее кулачество и вообще бывшие люди Чусовского района, все они ходят помолиться к «святому» Нифонту в Городище, особенно, что является подозрительным и говорит о его явно контрреволюционной работе, это его связь с кулачеством и бывшими меньшевиками.¹³⁴

В этом фрагменте показаний обращает на себя внимание выражение «кулачество и вообще бывшие люди», звучащее немного инфернально. Поскольку в круг задач автора не входит выстраивание генетических гипотез и сложных филиационных линий, можно ограничиться следующим замечанием: идиома «бывшие люди» широко использовалась во второй половине 20-х годов XX века в СССР для обозначения деклассированных социальных групп. Вероятнее всего, она имеет книжное происхождение: на рубеже веков А. М. Горький опубликовал очерк под названием «Бывшие люди» (первое издание – 1897 г.), получивший широкую известность в среде читающей публики.

Определение «бывшие люди», данное *извне* в ноябре 1929 года, удивительно точно согласуется с описанным ранее ощущением свертывающегося пространства и приходящего к концу времени привычного повседневного мира. Не пройдет и десяти лет – и этого мира действительно не станет, как и значительной части его обитателей, «одетых с известной изысканностью». Располагая достаточно ограниченным количеством источников, попытаемся увидеть внутреннюю структуру этого «мира своих». Разумеется, он был неоднороден, в

¹³⁴ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 16.

нем случались коллизии, действовали сильные и слабые связи, соответствующие центру и периферии жизненных миров: предельно тесному «мы» и довольно просторному «наши».

Родство и свойство

Сердцевиной «мира своих» для любого человека была семья, родство и свойство. Поскольку вопрос о составе семьи был обязательным протокольным вопросом (на него отвечали все без исключения), можно более или менее точно установить повседневный смысл категории «семья» в интересующую нас эпоху. Все люди, состоявшие в браке, отвечая на этот вопрос, называли мужа (жену) и перечисляли детей, но также и тех, кто проживал «у них на квартире» или «в одном доме». Вот пример типичного ответа, с единственной поправкой – о семье рассказывает вдовец:

Семья состоит из дочери Агнии 20 лет, живет со мной, сын Владимир Иванович Котельников 34 лет, работает техником по строительству в гор. Перми, а в каком учреждении я не знаю, т.к. не имею никакой переписки, живет он по Советской ул. в доме № 83. Кроме того, в одном доме со мной живут монашки Анастасия Андреевна Фефилова 48 лет и Пелагея Григорьевна Деина 35 лет, обе они выполняют обязанности псаломщиков во время богослужения в церкви.¹³⁵

Принцип совместного проживания, одного дома-хозяйства очерчивал семейный круг. Если ни дома, ни хозяйства не было, на вопрос о семье иногда следовал ответ «Одинокий», но в ходе дальнейших расспросов все-таки называлась родня: обычно братья, сестры, родители (если были живы). Так, например, у иеромонаха-скитника Иосафата (Никиты Васильевича Белоусова) в «Анкетe арестованного» значилось – одинокий.¹³⁶ Но на допросе он уточнил:

Имеются сестры: Селиванова Ксения Васильевна, 66 лет, работает в колхозе в Осинском районе, Меланья Васильевна (фамилии не знаю), 64 лет, крестьянка-единоличница, живет в дер. Северн-Починок. Анна Васильевна (фамилию не знаю), 58 лет, живет в селе Комарово в колхозе, Белоусова Ефимия Васильевна, 54 лет, б<ывшая>/монашка в ссылке, работает сторожихой в церкви с. Городище, Соликамского района.¹³⁷

¹³⁵ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

¹³⁶ См. Анкета арестованного Белоусова Н. В. от 23 июня 1934 г. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 66.

¹³⁷ Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н. В. от 23 июня 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 21-23.

Иногда не имеющие ни дома, ни хозяйства «церковные люди», не относившиеся при этом к монашествующей братии, сразу называли родню. Так, Григорий Иванович Соколов (у которого действительно не было ни кола, ни двора) в составе семьи тут же назвал брата Степана, брата Ивана, сестру Грачеву Анну, и Елохину Матрену¹³⁸. Будучи перекати-полем, бродячим проповедником, он часто их навещал и, в отличие от иеромонаха Иосафата (уединенно проживавшего в пещерном ските), поддерживал с ними непосредственные личные отношения.

Интригуяюще ответил на вопрос о семье другой бродячий проповедник – Михаил Николаевич Морсковатых. Сначала он указал в числе членов семьи мать – Ольгу, сестру – Морсковатых Евдокию Николаевну, жену (с 1928 г. – в разводе) Истомину Анастасию Ивановну, дочь Екатерину. Но потом дал дополнительные разъяснения по этому поводу:

Одинокий, с семьей не живу с 1928 года. В прошлом в семье, с которой сейчас не живу, было: мать – Морсковатых Ольга Андреевна, 62 лет, крестьянка-единоличница, сестра Морсковатых Евдокия Николаевна, 23 лет, замужем, жена – Истомина Анастасия Ивановна, работает на канатной фабрике, дочь Истомина Екатерина, 6 лет, живет при матери. Вторая жена – Чашухина Ирина Васильевна – 36 лет, сын при ней – Чашухин Иван – 1 год. Чашухина работает в колхозе.¹³⁹

Таким образом, уйдя из первой семьи в 1928 году, М.Н. Морсковатых, как следует из его дальнейших показаний, сначала зарабатывал на жизнь скупкой и перепродажей «разных вещей», потом служил на железной дороге сторожем и стрелочником, а с 1932 года и вовсе перестал где-либо работать, посвятив себя проповеди слова божьего¹⁴⁰. В это время он сошелся с Ириной Чашухиной, прижил от нее сына, и, имея фактически две семьи продолжал считать себя одиноким, поскольку с ними тоже «не жил».

Состоящие (или состоявшие в прошлом) в браке чаще называли родственников, проживающих отдельно, словно бы во вторую очередь, иногда во-

¹³⁸ См. Анкета арестованного Соколова Г.И. от 11 сентября 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.1. Л. 74

¹³⁹ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М.Н. от 4 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т.1. Л. 82-87.

¹⁴⁰ Там же.

все выводя их за пределы членов семьи, как это сделала, например, П. Новоселова:

Кроме поименованных мною членов семьи имею родственников и с которыми имею связь – следующие лица:

1) Зомарев Василий Иванович – мой отец, живет в с. Суда, раскулачен, ходит нищенствует. С ним имею личную связь.

2) Зомарева Лукерья Пахомовна – мать. Живет в селе Суда, работает в колхозе.

3) Зомарева Серафима Васильевна, 20 лет – моя сестра, живет в с. Суда, работает в колхозе. Связи с ней не имею, т.к. она мне сестра не родная.

4) Зомарев Иван Васильевич 38 лет – мой брат, живет в с. Суда, работает кладовщиком в колхозе. Я с ним имею связь, он ходит ко мне и я к нему.

5) Зомарев Николай Васильевич 53 года – брат. Раскулачен в 1930 году. Из дома из с. Суды выехал в г. Красноуфимск, где работал в каком-то совхозе и был осужден за контрреволюционную деятельность к 3 годам лишения свободы. Находится в ссылке. Где находится не знаю. С Николаем 6 лет никакой связи не имею.

6) Зомарев Дмитрий Васильевич 47 лет. Б/иеромонах Белогорского монастыря, который в монастыре жил 17 лет и носит монашеское имя Варлам. Служил попом в дер. Сапово, Кунгурского района 8 лет... Я с ним имею письменную связь.¹⁴¹

Из-за аберрации близости внутрисемейные отношения вообще выпадали из поля зрения рассказчиков. О женах (мужьях) рассказывали мало и редко. На отношениях между родителями и детьми, или, напротив – детьми и родителями (как и между братьями и сестрами) внимание фокусировалось только в случае их добровольной или принудительной эмансипации. Тогда упоминались обычные, традиционные технологии поддержания отношений – взаимные посещения, переписка, подарки, протекция и поддержка.

Родство в повседневной жизни имело вполне определенный *обязывающий смысл*, можно, пожалуй, сказать – «весьма обязывающий». Прежде всего, близкого родственника необходимо регулярно посещать¹⁴², даже если (как это не казалось бы странным) подобные действия представлялись односельчанам

¹⁴¹ Протокол допроса обвиняемой Новоселовой П. В. от 4 сентября 1937. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 110

¹⁴² Можно сформулировать и симметричный тезис: «Тот, кого регулярно посещают, является близким родственником».

предосудительными. Вот замечание в адрес уже известного нам Демида Агеева: «... Агеев Д. А., заместитель предколхоза, который всячески стремится подорвать колхоз, еще не принял ферму, уже уехал в Пермь к сыну. Ему было разрешено на поездку два дня, он проездил 4 дня»¹⁴³. Далее, родственника нужно поддерживать в беде, если он подвергся репрессиям со стороны власти: «В мае месяце 1932 г. я ездил в Кизеловский район к месту ссылки отца, повидаться с ним и братом, увез я им масло и яиц, прожил там 4 дня и выехал обратно, помимо их посещения мною, я также имею письменную связь».¹⁴⁴

Если родственник совершил нечто предосудительное, его полагалось выручать, по возможности замять дело – иногда серьезно рискуя при этом. Председатель Усть-Урольского колхоза Чердынского района попался, покрывая брата-растратчика: «Далее ревизией установлено, что предколхоза Шаламов Архип Агапович разрешил получить из колхозной кассы брату своему Шаламову Луке Агаповичу на покрытие растраты в Пянтежском Сельпе 200 руб. смотри апрель месяц, статья 2 распоряжение от 13/IV – 37 г.»¹⁴⁵. Едва ли в распоряжении от 13 апреля 1937 г. была указана именно *такая цель* выдачи денег, но не стоит забывать про эффект «прозрачных стен».

Человек, не имеющий собственного дома, был вправе рассчитывать на приют у родственников, стараясь, впрочем, не злоупотреблять их гостеприимством, обходя их «по кругу», как это делала бывшая настоятельница Беляевского монастыря Мария Григорьевна Котельникова:

У меня постоянного места жительства нет, я живу по родственникам, проживающим в г. Перми. Моя сестра живет по Казанскому тракту, Данлилиха № 18. Сестру зовут Агриппина Григорьевна Панкова, совместно с женой к-ца, по фамилии и имени не знаю. Я у сестры жила до поездки к священнику Котельникову. Около 3-х месяцев до этого жила в деревне у племянников, но не подолгу, примерно по неделе, а потом возвращалась в город к племяннику Дмитрию Кузьмичу Кусакину, он работает в пожарной части кузнецом,

¹⁴³ Сообщение агентурного источника «Карандаш» от 22 марта 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 5.

¹⁴⁴ Протокол допроса обвиняемого Наумова Ф. А. от 31 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 17-17 об.

¹⁴⁵ Акт о ревизии Усть-Урольского колхоза, производившейся с 22 по 30 июня 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10469. Л. 1-6.

проживает на квартире по Большевистской ул. № <номера дома> я не знаю. Живу и у племянницы по фамилии Панкова Елизавета Филипповна, проживающей по ул. Большевистской 83. Работает в редакции «Звезда» секретарем редакции.¹⁴⁶

Едва ли эта пожилая и нездоровая физически женщина была легким и приятным в быту человеком. Протоиерей, священник церкви в селе Морозково Кунгурского района И. И. Котельников (однофамилец) характеризовал ее с грубоватой лаконичностью: «...урод, горбатая, ходит на костылях».¹⁴⁷ Однако у родственников она «гостила» с момента ликвидации монастырской общины, т.е. с 1921 года.

¹⁴⁶ Протокол допроса обвиняемой Котельниковой М. Г. от 31 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 14.

¹⁴⁷ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

«Лично знакомые мне...»

За пределами семьи, родства и свойства находился обширный круг «лично знакомых людей». О них, разумеется, спрашивали отдельно, иногда – интересуясь подробностями, хотя чаще – не интересуясь вовсе, просто внося в список. Из этих номенклатур практически ничего нельзя извлечь, за исключением лаконичных пометок типа «кулак», «раскулачен», «единоличник», «крестьянин села N», «псаломщик N-ской церкви» и т.п. К редким исключениям можно отнести показания Г. И. Соколова. Приступив к перечислению знакомых, он не только продемонстрировал хорошую память, но зачем-то сообщил почти о каждом дополнительные сведения.

Его свидетельство интересно, во-первых, своей «персонализированностью», а, во-вторых, тем, что Г. И. Соколов не принадлежал к церковной иерархии, т.е. не был включен в систему институциональных отношений. При этом и рядовым прихожанином его не назовешь – последние 11 лет перед арестом он «занимался странствованием» по монастырям и церковным приходам:

Священник Посохин Григорий, служит на старом кладбище в Перми, познакомились мы с ним в бытность его в селе Орде, дьякон Никольской церкви в Перми Ключев Николай Иванович, познакомился я с ним в бытность его в Успенском соборе в Кунгуре, священник Гребенщиков Георгий, служит священником в молитвенном доме на Гарюшках в Перми, служил он у нас в селе Алтынном Кунгурской епархии. Племянница Оборина Ольга Степановна служила в водном транспорте в канцелярии, оба с мужем высланы в момент паспортизации за торговлю. Епископ Пермский Глеб, каждый раз бывая в Перми, я подходил к нему за благословением, через это и познакомились. Вшивков Михаил Андреевич, происходит из п. Дубровы Оханского района, живет в Перми по Ключевой ул. дом № 30, работает стрелочником на Перми первой, служил он ранее у нас на ст. Кишертъ стрелочником в течение 6 лет. Священник села Курашим Скрыбин Иван знаком я с ним по Кунгуру, был он там у епископа Аркадия. Бывший/монах слепой Анатолий, живет в Курашине на хуторе на пчельнике в своем собственном доме, питается подаянием, которое носит ему население из окружающих хуторов. Последний раз я был у него возвращаясь из села Кольцово. Бывший/монах Капитон (фамилию не знаю), живет в селе Курашим, у него я не бываю. Священник села Кольцово Сапожников Владимир. В Молотово сторож

Троицкой церкви Чегодаев Гавриил – слепой, встречались ранее на Белой Горе, последний раз я был у него в конце июня м-ца с<его>/года. Иеромонах Иоаникий, служил последний раз в Соликамском районе, видел я его 11/IX с<его>/г<ода>. в Никольской церкви в Перми. Б<ывшая>/Анисия, работает в поликлинике около Перми II-й, виделся я с ней в Никольской церкви. Б<ывшие>/монахи – иеромонах Филимон и Симон, проживают в Юговском заводе – Симон служит в церкви сторожем, а Филимон неизвестно где.¹⁴⁸

Каждый человек, включенный в этот пестрый конгломерат, дан в перспективе какой-то предельно конкретной повседневной ситуации. В номенклатуре знакомых не виден смысловой центр, акцент. Каждый называемый персонаж словно бы находился на одинаковой дистанции от говорившего. Но нетрудно заметить, что в этом перечне перемешаны те, кого позже священник церкви села Пешнигорт Кудымкарского района Н. Д. Шелепин назовет «членами духовной корпорации»¹⁴⁹ (причем рядовые и даже бывшие клирики называются через запятую с церковными иерархами), дальние родственники, обыкновенные миряне и церковный актив. Своеобразным «блуждающим центром» этого ризомного множества, собиравшим его воедино, являлся сам странник, время от времени вступавший с каждым поименованным персонажем в непродолжительные контакты. Именно поэтому он не группировал знакомых, и, добавим – не ассоциировал себя с какой-либо группой за исключением часто посещаемой родни.

Это вовсе не означает, что в повседневной жизни не было групп, скорее – подобная «равноудаленность» от всех «своих» была возможна лишь как исключение. Тщательный анализ сохранившихся свидетельств демонстрирует несколько векторов отношений, имевших различающийся смысл.

Прежде всего – отношения «членов духовной корпорации» между собой, – вертикальные и горизонтальные. Как ни пафосно это звучит, но только эта корпорация могла объединять «бывших людей» за пределами их приватно-семейных локусов, образуя непрерывность христианского (т.е. крестьянского,

¹⁴⁸ Протокол допроса Соколова Григория Ивановича от 11 сентября 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 39-42.

¹⁴⁹ См. Собственноручные показания Шелепина Н. Д. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1.

разумеется) мира – в той мере, в какой этот повседневный мир еще продолжал свое существование в уральской провинции.

Компенсируем пафос предшествующего тезиса цинизмом следующего: сама «духовная корпорация» могла существовать только за счет «бывших людей». В определенном смысле она ими «питалась». Следовательно, в поле зрения неизбежно попадут взаимоотношения клириков с мирянами – «церковным активом» и рядовыми прихожанами (и обратно – мирян с клириками).

Наконец, следует принять во внимание расположенную между клириками и мирянами весьма разнообразную прослойку маргиналов, включавшую странников, юродивых, нищих, бродячих проповедников, тайно постриженных монашек, безместных священников, (их иногда называли «поп-передвижка») и т.п., и описать их место в мире «бывших людей».

«Духовная корпорация»

Вертикальные связи внутри «духовной корпорации» на первый взгляд выглядят блекло и неинтересно. Отношения с епископатам Пермской и Свердловской епархии (а также с викарными епископами) у любого провинциального священника носили рутинный служебный характер, а у благочинного – в первую очередь. Вот как рассказывал на допросе в 1937 году Тимофей Филиппович Долганов о своей первой встрече с епископом Петром Савельевым: «Разговоры были служебного порядка: как в церкви, а так же и на квартире. Епископ интересовался количеством посещающих церковь, составом церковного совета, персонально председателем и старостой, последних фамилии записал себе в памятную книжку».¹⁵⁰ И продолжает:

Второй раз я был у епископа Савельева 20 января 1936 года, тоже в г. Кунгуре лично сам, в его комнате, где мы разговаривали, никого не было, а на кухне находились два попа, один из них из села Новоселы Кунгурского района, Гавриил, фамилию не помню, а второй мне совсем не известен. Третий раз был у епископа Савельева 25 февраля 1936 года за назначением, где епископ дал мне указ на право служения попом Асовской церкви Березовского района. Наш разговор также носил чисто служебный характер, кроме нас в квартире никого не было. Четвертый раз у епископа я был в г. Свердловске 12 января 1937 года, по его вызову, возил ему деньги, собранные с прихода на содержание его за первое полугодие 1937 года. Разговор у нас был служебного характера. Последний раз в г. Свердловске у епископа Савельева я был 12 июня 1937 года по вызову епископа, возил деньги за второе полугодие на содержание его.¹⁵¹

Кадровая политика, должностные назначения, деньги на содержание – вещи, действительно, «служебного порядка», отсылающие к бюрократическим практикам, не имеющим никакого отношения к повседневности. Даже попав в частное пространство («на квартиру») епископа, священник вынуждено соблюдал субординацию: чиновник общался с чиновником.

Если нижестоящий чиновник «не справлялся с работой», вышестоящий подвергал его нелюбезной критике:

¹⁵⁰ Показания обвиняемого Долганова Т. Ф. от 26 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 2. Л. 5-6.

¹⁵¹ Показания обвиняемого Долганова Т. Ф. от 26 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 2. Л. 5-6.

27 октября 35 г. я прибыл в г. Кунгур и зашел к епископу Савельеву в квартиру. Савельев обратился ко мне с вопросом, привез ли я ему причитающиеся от меня деньги. Я ответил, что деньги собрать с населения я не смог. После этого Савельев сильно взволновался, назвал меня бездарным, слабым пастырем, неспособным организовать массы вокруг себя. Он также сказал мне «Вы бездействуете. Если вы в ближайшее время не перестроите своей работы, то я сниму вас с должности священника».¹⁵²

Напротив, обращение нижестоящего чиновника с просьбой к вышестоящему демонстрировало сыновью почтительность, предельную искательность и относилось к совершенно утраченному впоследствии жанру «слезной челобитной»:

Ваше Преосвященство Милостивый Архипастырь и Отец!

Небесным Провидением в текущем году наш край на довольно обширном пространстве подвергся стихийному бедствию – засухе, – как озимые, так и яровые посевы за отсутствием влаги земли не могли произрасти надлежащим образом; поэтому как нашему краю, так и окружающему нас населению грозит форменная голодовка, ввиду этого страшно сокращается и доходность за службами. Источники братских доходов дошли до минимума, а хлеб дорожает и я опасаюсь за свое существование, да и умирать преждевременно тоже не хочется; вот почему я решился обратиться к Вашему Преосвященству с просьбой, не найдете ли возможным меня переместить в пределы Свердловской Епархии. Предварительно уведомите меня о имеющихся праздных местах и дайте мне командировку, а потом, условясь с церковным Советом, я буду просить Вашего указа на перемещение.

Вашего преосвященства нижайший послушник Протоиерей Федор Бояршинов.¹⁵³

Ощущение казенности усиливают письма, рассылавшиеся церковными иерархами приходским священникам:

г) С прошениями о снятии бракоблагословения обращаться непосредственно к Епископу, причем к прошению прилагаются: а) справка о прежнем браке, б) копия с постановления загса о разводе, в) отзывы причта и Церковно-Приходского совета об отсутствии канонических препятствий к разрешению нового церковного брака (с указанием виновной и невиновной сторон) и г) сбор на делопроизводство.

¹⁵² Протокол дополнительных показаний обвиняемого Овчинникова И. Т. от 28 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 2. Л. 18.

¹⁵³ Письмо Ф. Бояршинова от 10 июля 1936 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 168-168 об.

д) Виновная сторона при бракоразводных может ходатайствовать о разрешении нового церковного брака только при исполнении определенной епитимии, наложенной в порядке существующей церковных правил (VI Вселенск: соб: пр: 87 и 102).

е) За Св. Миром относится также только к Епископу.

ж) Ведение метрических, клировых, исповедных и других церковных книг обязательно.

з) Прошения и рапорты писать на имя Преосвященного (Преосвященному Владимиру, Епископу Кунгурскому) и посылать по такому адресу: г. Кунгур, Уральской обл: ул: Ленина д. 40. Епископу Владимиру Горьковскому.

и) К каждому прошению, направляемому на имя Преосвященного, надлежит прилагать отзывы местного о. Благочинного.

к) Прием у Епископа по церковным делам ежедневный, кроме субботы и дней воскресных и праздничных, когда приема не бывает.¹⁵⁴

Характерна сама форма литерного перечисления, а язык письма говорит сам за себя: «сбор на делопроизводство», «к прошению прилагаются», «справка», «копия», «рапорты», «прием ежедневный, кроме субботы, воскресных и праздничных дней». Вместе с тем, в этом циркуляре (иначе его не назовешь) затрагивается тема *развода и повторного церковного брака*. Именно она позволит нам заглянуть за бюрократический фасад отношений с епископатом и убедиться, что они могли приобретать обыкновенные человеческие смыслы.

Несколько забегаая вперед, выскажем предположение: на уровне повседневных практик «качество услуг», предоставляемых клириками обитателям уральской глубинки оценивалось по двум основным параметрам: *эстетике* литургии и *правильности* совершения таинств. О значимости красоты и благолепия церковных служб речь пойдет далее, а в данном контексте нас интересует важность таинств – повсеместно распространенной, массовой и обращенной к рядовому обывателю разновидности православной магии. Как неоднократно подчеркивалось исследователями, деревенские жители могли простить священнику многое – недисциплинированность, пьянство, слабость к женскому полу – но становились абсолютно нетерпимыми в случае «неисправного» исполнения

¹⁵⁴ Копия письма епископа Петра, адресованного благочинному третьего округа Кунгурской епархии Симеону Некрасову, пересланная им в церковь с. Усаново. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 13.

таинств¹⁵⁵. Здесь любое отступление от канона становилось угрозой для «жизни вечной». А «снятие бракоблагославения» (развод) и новое венчание, как не трудно догадаться, из всех церковных таинств было самым сложным, спорным и пристрастно толкуемым. Само собой разумеется, что крестят и мажут елеем новорожденных младенцев, исповедуют и причащают тех, кто пришел к исповеди и причастию, соборуют болящих и умирающих. А вот кого допустимо разводить и (особенно) венчать вновь – это вопрос далеко не простой.

В декабре 1932 года при аресте протоиерея И. И. Котельникова, на протяжении целого десятилетия бывшего одной из центральных фигур церковной жизни Кунгурской епархии¹⁵⁶, была обнаружена записка – коротенькая мемуария о встрече с епископом, которая будет приведена с незначительными купюрами и сохранением авторской орфографии и пунктуации:

1) Спрашиваю из Откровения Иоанна Богослова некоторые места для нашего ума непонятны и из других мест Святых отец. Место ответа спрашивает: ты какой профессии. Я отвечаю: (Крестьянство.)

Он говорит Ну вот я вет не разпрашиваю твое крестьянство у тебя так и ты не распрашивай у меня...

Усердный пьяница. И табакур. Кошунник, свободно время все за газетой. Детские шалости, борьба, поет один то, запоет другой друго. Водки раз

2) Бери только больше.

3) Чем больше разводов тем больше доходу епархии

4) Сними монашество и оставайся служи

5) Пермский Павлин Епископ и Вас. Н. Тух. беседовал с нами.

О<тец>. Алек<сеев>. О<тец>. Иоан Осетров шли домой. Розговаривали что действуем противособоров. на счет браков.¹⁵⁷

Эту записку, написанную живым, почти фольклорным языком можно условно разделить на четыре части.

¹⁵⁵ См. например: Макарова В. Ю. «Он хотя и выпивает, но не напивается»: отношение крестьян к пьянству священников/ В. Ю. Макарова. Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии//Под ред. Ж.В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Шатыркова. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 70-85.

¹⁵⁶ Кунгурская епархия во второй половине 20-х годов XX века являлся одной из самых густонаселенных, в ней насчитывалось 1000-1200 православных приходов. См.: <http://azbyka.ru/days/sv-arkadij-ershov>. Дата обращения 06.08.2015 г.

¹⁵⁷ Записка Котельникова И. И. о беседе с епископом. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 10-10об.

Первая описывает короткий диалог между протоиереем и неназванным епископом. В ней деревенский поп сперва интересуется толкованием «Апокалипсиса» и «других мест Святых отец», вероятнее всего – тоже связанных с наступлением «последних времен». Далее, отвечая на вопрос о профессии, он демонстрирует явную идентификацию с крестьянством – и это притом, что уже 16 лет является священником и получил церковный чин «старшего иерея». Тем самым он четко отмеряет ситуативную дистанцию «близости-удаленности» в кругу своих – подальше от епархиального начальства, поближе к простым прихожанам. После этого епископ ему откровенно хамит и ставит на место - не твоего, дескать, ума дело Писание толковать. Он явно смотрит на И. И. Котельникова свысока, для него приходской священник – что-то вроде насекомого.

Во второй части записки протоиерей берет реванш. Скупыми и точными словами он рисует крайне несимпатичный портрет епископа, упорно не называя его по имени. Становится понятно, что одним из факторов дистанцирования является то, что именно на повседневном уровне иерарх «ведет себя не по церковному» - пьет, курит, читает газеты, обсуждает публикуемые сообщения о конфликтах в руководстве страны. Для последних Котельниковов находит удивительно меткие определения («детские шалости, борьба, поет один то, запоет другой друго»).

Третья часть наиболее сложна для понимания. Педантично продолжая сквозную нумерацию пунктов (со второго по пятый), Иван Иванович сообщает начальственные наставления, касающиеся церковных сборов (причем стяжательство епархиального начальства неявно, но осуждается), возможности снять монашество и продолжать церковную службу, и, обратим внимание, – вопроса о разводах – к нему Котельников вернется в четвертой части записки. Наиболее неясным выглядит пункт под номером пять: «Пермский Павлин Епископ и Вас. Н. Тух. беседовал с нами».

Если автор продолжает сообщать о том, что сказал ему неназванный архиерей, то все понятно. Новый епископ сообщил о личной встрече с бывшим

епископом Павлином (Крошечкиным), возглавлявшим Пермскую епархию с декабря 1927 по декабрь 1930 года¹⁵⁸, и с совершенно неидентифицируемым «Вас. Н. Тух.».

Но, поскольку вышедший из крестьянской среды пожилой протоиерей имел совершенно фантастические представления о правилах составления письменных текстов, можно предположить, что он внезапно – очередным пунктом, – решил, наконец-то, назвать своего собеседника. Если так, то описанный казус не мог произойти позднее декабря 1930 года, а «усердный пьяница и табакур» – ни кто иной, как епископ Пермский Павлин.

В четвертой части записки описывается путь домой в компании двух знакомых клириков, добавим – близких по духу, единомышленников. Возвращались пешком («шли») и не спеша беседовали – опять-таки о незаконных венчаниях. Тема разговора, безусловно, навеяна состоявшейся аудиенцией, а высказываемые оценки свидетельствуют о конфликте с епархиальным руководством – указания о заключении брака «разведенных», полученные от епископа, явно противоречат канону.

Кем же был этот загадочный «Иван Никифорович», с которым поссорился наш Иван Иванович? Когда состоялась эта беседа? Поиск ответа на этот вопрос заставит нас расширить поле исследования, но позволит увидеть живую динамику личных отношений и то, как на повседневном уровне осмысливались и переживались крупнейшие внутрицерковные потрясения XX века.

Прежде всего, стоит отвергнуть версию о том, что собеседником Котельникова был епископ Пермский Павлин (Крошечкин), а сама беседа происходила не позднее 1930 года. Против этого свидетельствуют, прежде всего, обстоятельства места. До 1932 года И. И. Котельников служил в селе Беляево Ординского района. Для того, чтобы *идти домой* от епископа Пермского, ему сначала пришлось бы проделать путь от Перми до Кунгура, потом – от Кунгура до Орды, а затем – еще немного к югу от Орды, – в Беляево. Люди того времени бы-

¹⁵⁸ См. Свмч. Павлин (Крошечкин), епископ Могилевский/ Режим доступа: <http://www.курская-епархия.рф/index.php/eparkhiya/svyatye/item/78-сщмч-павлин-крошечкин-архиепископ-могилёвский>. Дата обращения 08.08.2015.

ли, поистине, великими пешеходами, но и для них это было бы непосильным деянием. Более вероятным кажется предположение, что он возвращался не из Перми, а из Кунгура. А если так, то это случилось не в 1930 году. Дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы является то обстоятельство, что, как было показано выше, исчислением даты «кончины мира» И. И. Котельников занялся не ранее 1932 года.

Следует учесть дошедшие до нас свидетельства о личности епископа Павлина (Крошечкина). Прежде всего, он не стал бы свысока относиться к «крестьянству» Котельникова, поскольку сам происходил из крестьянского сословия. Все современники отмечали его «кротость и безыскусность» в обхождении¹⁵⁹. Даже если списать эти оценки на несомненную пристрастность агиографов, придется признать, что он никогда не был замечен в причастности к «обновленческому расколу» и, вообще – в «либеральных», «прогрессивных» взглядах.

Но есть еще и показания очевидцев. Спустя полтора года после «изоляции» (так тогда называли аресты в церковной среде) И.И. Котельникова настал черед людей его круга. 23 июня 1934 года на допросе М.Н. Морсковатых показал следующее:

... В 1922 г. в церк. мире произошел раскол – объявились обновленцы. Затем началась полоса диспутов и распрей. На стороне староцерковников основными заправилами были священник Попов Алексей, Аркадий Ершов, впоследствии епископ Кунгурский и Котельников Иван. Епископ Аркадий Ершов и его помощники священник Алексей Попов и Котельников Иван кое-какие ошибки духовенства в канонических правилах твердо пресекали и объявили всем, что за малейшее отклонение от канонов, от тех порядков, которые были при патриархе Тихоне, они будут лишать священнослужителей сана.

А когда Аркадий и Попов выбыли с епархии, а епископ Иоаникий дал поблажки духовенству, то Котельников решил стать на пути Аркадия и Попова. *Явился к Иоаникию с одним фактом о браке, который епископ разрешил совершить, а по каноническим пра-*

¹⁵⁹ См. Свмч. Павлин (Крошечкин), епскуп Могилевский/ Режим доступа: <http://www.курская-епархия.рф/index.php/eparkhiya/svyatyce/item/78-сщмч-павлин-крошечкин-архиепископ-могилёвский>. Дата обращения 08.08.2015

вилам этот брак не мог быть разрешенным. С этого и пошло разделение староцерковнического духовенства на благодатных и безблагодатных.¹⁶⁰(Выделено мною. – А. К.)

Благодаря свидетельству М. Н. Морсковатых к этой истории оказываются причастными две фигуры, до этого находившиеся вне поля зрения – епископ Аркадий (Ершов) и епископ Иоанникий (Чанцев).

Епископ Кунгурский Аркадий (Александр Ершов) был свой, прежде всего – по происхождению. Уроженец села Рождественское Кунгурского района, он закончил Пермскую духовную семинарию. До первой мировой служил во все том же Кунгурском районе, в начале 20-х годов Александр Ершов – настоятель церкви Всех Святых в г. Кунгуре. Там и началась его церковная карьера, как совершенно правильно показывал Морсковатых – на волне борьбы с обновленчеством¹⁶¹. На повседневном уровне обновленцы воспринимались как худший вид своих – те члены корпорации, которые стал предателями, раскольниками:

Тетюев натравлял своих прихожан против священника Скворцова, который *оказался обновленцем*, говоря, что его нужно было раньше демонстративно вывести из собора, тем самым уничтожить влияние коммунистов на единство церкви, а то сейчас нам с ними бороться трудно, т.к. им обновленцам помогает Советская власть, она стоит за них горой, потому что они шпионы Советской власти и коммунистов, по их указанию она разваливают единство церкви, их нужно стереть с лица земли и это от бога не будет грехом...¹⁶²
(Выделено мною. – А. К.)

Обновленцами «не рождались». Обновленцами *оказывались*, они были разновидностью оборотней. С ними можно и нужно было практическим образом взаимодействовать: совершать символические акции – типа демонстративного выведения из собора, вразумлять, убеждать вернуться в православие. В конце концов – организовывать бойкот.¹⁶³ Логика борьбы сформировала когорту соратников, которую возглавили наиболее ортодоксальные клирики и самые активные миряне. Вероятно, именно в это время в ландшафте провинциальной

¹⁶⁰ Дополнительные показания обвиняемого Морсковатых Михаила Николаевича от 23 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 97-102.

¹⁶¹ См. Епископ Аркадий (в миру Александр Павлович Ершов). Режим доступа: <http://azbyka.ru/days/sv-arkadij-ershov>. Дата обращения: 09.08.2015.

¹⁶² Из меморандума по делу Тетюева А. П. Сообщение от 26.12.1927 г. ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29510. Л. 29-30.

¹⁶³ Так случилось со священником-обновленцем Э. С. Рукавишниковым, казус которого будет рассмотрен далее.

повседневности на основе традиционного православного странничества сложился круг бродячих проповедников, к которому впоследствии принадлежали Фотий Петров, Михаил Морсковатых и Григорий Соколов.

Летом 1923 года в Кунгуре собрался епархиальный совет «не приемлющих обновления», который возглавил протоиерей Александр Ершов. За этим последовал быстрый карьерный взлет – приняв монашество под именем Аркадия, в 1924 году Ершов стал епископом Кунгурским.

В данном случае не важно, под какими именно знаменами Аркадий (Ершов) сражался с обновленчеством. Его «твердость в канонических правилах» оказалась конгениальна ожиданиям людей типа И. И. Котельникова, «артели» бродячих проповедников, церковных активистов из мирян и, разумеется, – массе рядовых прихожан. Аркадию (Ершову) удалось стать «народным епископом», он был кем угодно, только не синодальным бюрократом. И еще годы спустя он поддерживал простые человеческие отношения с рядовыми деревенскими батюшками, например с Варлаамом (Зомаревым):

В прошлом до 1931 г. Варлам имел связь с епископом Кунгурским Аркадием, который часто ходил к Варламу в гости и Варлам к нему в Кунгуре. В 1929 г. при мне епископ Аркадий уехал из Кунгура служить в гор. Свердловск епископом, откуда приезжал к нам в Сапово и жил у нас с неделю. А потом в Свердловске был арестован и находился где-то в ссылке. По возвращении из ссылки в 1931 г. епископ Аркадий опять приезжал к нам в Сапово и жил у нас с неделю или больше, никак сейчас не вспомню.¹⁶⁴

Но в 1929 году в результате внутрицерковной интриги епископа Аркадия перевели сначала в Свердловск, а затем в Омск, буквально вырвав из среды питавшей и поддерживавшей его повседневности. Кунгурская епархия быстро пришла в упадок, превратилась в викариат (1930 г.), а в 1932 году на епископскую кафедру был назначен Иоанникий (Чанцев). Сведения о нем скудны – уроженец Смоленской губернии, окончил Московскую духовную академию, в 1922-23 гг. видный деятель обновленческого движения, активный участник

¹⁶⁴ Протокол допроса обвиняемой Новоселовой П. В. от 4 сентября 1937. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 110

церковной политики.¹⁶⁵ После покаяния, принесенного в 1924 году, формально порвал с обновленчеством, но, по-видимому, от «прогрессивных» взглядов избавиться не смог. Вероятнее всего, именно его портрет (пьяница, кощунник, табакур) и набросал в своей записке Иван Иванович Котельников после встречи, скорее всего имевшей место в Кунгуре осенью 1932 года.

На том можно было бы и закончить истолкование «записки Котельникова», но история, как говорится, имела продолжение. Почувствовав антипатию к высокомерному «назначенцу», ведущему себя несообразно, Котельников решил его испытать, и сообщил об известном ему проступке священника Овчинникова: «Алексеев мне высказывал недовольство на священника Овчинникова за неправильные религиозные обряды (Овчинников повенчал недостойную пару). Я, конечно, тоже осудил за это Овчинникова».¹⁶⁶ Но не нашел, видимо, у епископа поддержки в своей ортодоксии («чем больше разводов, тем больше доходов епархии») и решил взять дело в свои руки.

Едва ли Иван Иванович разбирался в каноническом праве лучше, чем «академик» Иоанний (Чанцев). Скорее всего, М. Морсковатых был абсолютно прав, когда указывал на закоснелый традиционализм, страстное желание восстановить «порядки, которые были при патриархе Тихоне», как на главную «заводящую пружину» его поступков. На основе прошлого опыта борьбы с обновленцами И. И. Котельников в кратчайшие сроки произвел мобилизацию «артели» бродячих проповедников, а те, в свою очередь, развернули работу по церковным приходам. И результаты не замедлили сказаться – во второй половине 1932 года в Кунгурской епархии произошло фактическое разделение священников на «благодатных» и «безблагодатных». Вот что рассказал позже на допросе священник Д. Г. Агафонов:

Котельников был протоиерей, его окружала группа священников и народа со старыми взглядами и идеологией, противоречащей новым установкам и новому духовенству, так называемому прогрессивному. С Котельниковым я первый раз познакомился в

¹⁶⁵ См. Иоанний, епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии. Режим доступа: <http://heritage.perm.ru/articles.php?lng=ru&pg=3139>. Дата обращения: 12.08. 2015 г.

¹⁶⁶ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1 Л. 11-12 об.

сторожке нашей церкви, и второй раз приходил к нему на покаяние за совершенные, по их мнению, безблагодатные дела, т.е. венчал разведенные прелюбодейные браки по словам Котельникова Иродовыми браками.

Котельников по своему чину и по своей территориальности никакого отношения ко мне не имел, а пошел я к нему исключительно под давлением этих проповедников и прихода, ибо они всех приверженцев Котельникова называли благодатными попами, а я попал в число не благодатных, грозили мне запрещением и увольнением с прихода, в силу чего я и вынужден был покаяться и стать на точку зрения Котельникова.¹⁶⁷ (Выделено мною. – А. К.)

В чем секрет этого феноменального могущества протоиерея И. И. Котельникова, не имевшего отношения к его рангу в церковной иерархии? Дело, по всей видимости, в том, что нормализующее воздействие Ивана Ивановича на провинциальное духовенство опиралось на глубоко укорененный в повседневной ментальности деревенских обывателей образ (эйдос?) «добротного пастыря». С наивной простотой эти народные представления озвучил Фотий Петров: «Говорил верующим, что сейчас большинство священников грешат, и к ним ходить не надо, ибо и водочку попивают и скоромное едят. Рекомендовал лишь священников Солина и Осетрова, каких я знаю как высоконравственных служителей культа».¹⁶⁸

Добрый пастырь не ест скоромного, не пьет водки, не курит, по-видимому – не читает газет и правильно совершает таинства: венчает, кого положено. Но если так, то епископ Иоанникий, который «водки – раз!», табакур и все время с газетой – не добрый пастырь: «Одно время Фотий был отлучен от церкви епископом Иоаникием, якобы за то, что обозвал епископа куклой. За что он его обозвал, мне неизвестно».¹⁶⁹ «Высокнравственный служитель культа» Осетров тоже не выказывал к новому епископу почтения: «С епископом Иоаникием Осетров был не в ладах, и на похоронах Иоаникия Осетров не был в числе духовен-

¹⁶⁷ Протокол допроса обвиняемого Агафонова Д. Г. от 2 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 140-143.

¹⁶⁸ Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф. М. от 22 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 125-128.

¹⁶⁹ Дополнительные показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 23 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 97-102.

ства, а стоял в сторонке. Почему эта неприязнь – я не знаю».¹⁷⁰ Трудно отделаться от мысли, что допрашиваемый в своих показаниях немножко лукавил – ведь он сам, как участник «летучего отряда» И. И. Котельникова, выступал медиумом крестьянских требований по отношению к руководству епархии.

Завершая дескрипцию скрытых смыслов, которые оформляли «теневую» (или «неуставную») систему отношений в церковной иерархии, следует указать на один вполне предсказуемый феномен. Если на повседневном уровне, буквально – на уровне образа жизни, – персонажи типа Иоанникия демонстрировали явную «неподлинность» (по-другому не скажешь), то в кругах рядовых приходских священников и мирян получила бытование компенсаторная мифология о тайных, скрытых, катакомбных – но *подлинных* иерархах:

В конце октября 1932 года в беседе со священником Иоанном Слюнкиным <rec. – Слюнковым – А. К.> – служит он в селе Подкаменное Плашкинского с<ельского>/совета Кунгурского района, последний мне рассказывал, что в Перми в подвале служит епископ Агафангел¹⁷¹, рукоположенный в епископы патриархом Иерусалимским, Слюнкин мне говорил, что этого Агафангела советская власть начала преследовать, и Агафангел скрылся, а вместо себя якобы оставил священника имя и фамилию которого он мне не сказал. Слюнкин мне говорил, что Агафангел скрывался в селе Балмошное, один пролет по линии железной дороги от Мотовилихи у священника церкви села Балмошное в доме отца Иоанникия отчество и фамилию не знаю. Иоанникий был келейником у епископа Аркадия Кунгурского, в молодости Иоанникий был монахом в Соликамском монастыре. Как мне говорил Слюнкин, в конце декабря, числа 25 или 27 32 г., что в квартиру Иоанникия приходили из ГПУ, искали Агафангела, но Иоанникий сказал, что у него никого нет, тогда как Агафан-

¹⁷⁰ Дополнительные показания обвиняемого Морсковых М. Н. от 23 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 97-102.

¹⁷¹ Прототипом героя этого прекрасного образчика *fake-lore* является реальный человек, митрополит Агафангел (Преображенский). В биографии Агафангела действительно есть эпизод, связанный с его пребыванием в Перми: так называемой «пермское послание». В 1925 году возвращавшийся из ссылки в Нарымский край Агафангел был задержан в Перми, где и содержался в тюрьме до весны 1926 года. В Пермь к нему лично прибыл начальник 6 отделения СО ГПУ – ОГПУ Е. А. Тучков, под влиянием которого Агафангел опубликовал послание к всероссийской пастве о своём вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего местоблюстителя. В октябре 1928 года Агафангел (Преображенский), бывший к тому моменту старейшим иерархом РПЦ, умер. См. например: Иерей Александр Мазырин. Митрополит Агафангел (Преображенский) и ярославская оппозиция // Александр Мазырин. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х — 1930-х годах. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2006.

гел простоял за дверью, а пришедшие сотрудники не обратили на это внимания, и так Агафангел остался в доме Иоанникия.¹⁷²

Эту историю чудесного спасения Агафангела от ГПУ, в которой упоминается Аркадий (Ершов) и его келейник Иоанникий (другой, не епископ, а бывший монах Соликамского монастыря), поп Иван Федорович Слюнков поведал тому самому Иосифу Арефьевичу Овчинникову, который «повенчал недостойную пару», за что и был осужден протоиереем И. И. Котельниковым.

Овчинников, в свою очередь, был приятелем Варлаама (Зомарева)¹⁷³, того самого, с которым дружил епископ Аркадий (Ершов). А сообщила об этой дружбе Пелагея Новоселова, сестра Варлаама, близко знавшая священника Василия Варлаамовича Мичкова, который очень хотел «подсидеть» благочинного Семена Аполлоновича Некрасова.¹⁷⁴ Того самого, который на первом же допросе назвал 44 (!) человека «лично знакомых ему людей».¹⁷⁵

В. В. Мичков был, заметим, в хороших отношениях с благочинным Тимофеем Филипповичем Долгановым (назвавшим 14 «лично знакомых ему людей»). Оба они были на короткой ноге с проживавшим в деревне Коновалюта Березовского района Григорием Ильичем Белозеровым, в прошлом – иеромонахом Соликамского монастыря. Того самого монастыря, в котором служил тот самый Иоанникий (не епископ), который был келейником того самого епископа Аркадия (Ершова) и по легенде прятал у себя того самого Агафангела...

Круг замкнулся – один из многих кругов. Перейдя на уровень «горизонтальных» связей, можно было бы и дальше плести это прихотливое кружево повседневных отношений: дружества и вражды, осуждения и одобрения, зависти и соперничества, симпатий и антипатий. Крепко прошитое, к тому же, деревенскими сплетнями. Даже формальный выход из «духовной корпорации» не

¹⁷² Протокол допроса обвиняемого Овчинникова И. А. от 3 января 1933 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 32-34.

¹⁷³ «Овчинникова Иосифа я знаю еще по Белогорскому монастырю, где он был в сане иеромонаха, с Овчинниковым мы дружим, бываем в гостях один у другого». Протокол допроса свидетеля Зомарева В. В. от 1 января 1933 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 23-24.

¹⁷⁴ «Самому Мичкову хочется попасть служить в Уинское на место Некрасова, очень ему хочется туда попасть, его манит туда Новоселова Пелагея Васильевна». Агентурное сообщение источника «Зеленый» от 9 декабря 1934 г. Спецконверт «Агентурные донесения и выписки из акта». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 2.

¹⁷⁵ См. протокол допроса обвиняемого Некрасова С. А. от 5 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 147 об.-149.

приводил к разрыву. Вот, например, упомянутый выше бывший иеромонах Белозеров «нам сказал однажды, что я теперь не Тихон, а Григорий Ильич, т.к. сан священника и монашества снял. Но почему снял, не сказал. Затем женился и теперь вот уже женат третий раз».¹⁷⁶ Ну что же, Григорий Ильич – так Григорий Ильич. В новом качестве, с новым именем и будучи трижды женатым он все равно оставался частью корпоративного «мы»: бывшие коллеги не прерывали с ним общения, не теряли из виду, а спустя более чем десять лет после снятия сана он «в течении шести месяцев выполнял нелегально должность псаломщика и служил совместно со мной в церкви».¹⁷⁷

Подлинный разрыв происходил только в единственном случае, о котором упомянул, в частности, в своих показаниях священник Э. С. Рукавишников: «...В пределах Коми-Пермяцкого округа из служителей культа мне знакомых не было, хотя я и знал священников пешнигортской и самковской церкви, Немчанинова и второго, фамилию не знаю, где между нами связи не было, т.к. они считались староцерковнические (тихоновские), а я в которой работал – считается церковь обновленческая»¹⁷⁸. Странное сочетание «мне знакомых не было» и «я знал» объясняется легко – Рукавишников был «оборотнем»-обновленцем, поэтому и сидел как сыч в селе Верх-Иньва. Никто из священников-соседей (о которых он знал) с ним не общался.

Сказанного достаточно для того, чтобы понять – единой корпорацией эти люди были не только номинально, подобно другим профессиональным группам. Они действительно знали друг друга, и даже если не были знакомы лично, то слышали друг о друге наверняка. Впоследствии именно частая, плотная сеть личных связей круга «церковных людей» будет предельно цинично использована карательными органами СССР в период массовых операций 1937 года. Она окажется незаменимым средством превращения аморфной массы арестованных в систему взаимосвязанных «повстанческих подразделений».

¹⁷⁶ Протокол допроса обвиняемого Мичкова В. В. от 28 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 72.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Протокол допроса Рукавишникова Э. С. от 15 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 31214. Л. 84.

Это корпоративное единство вновь и вновь воспроизводилось регулярными взаимными визитами – иногда довольно продолжительными, ночевками друг у друга «на квартирах». Находясь в пределах одного хронотопа, наши герои с монотонной периодичностью из года в год встречались в одно и то же время в одних и тех же местах – по церковным праздникам. Накануне праздника в дом священника собирались люди со всей округи: «...в доме Калашникова¹⁷⁹ неоднократно собирался народ перед различными праздниками с целью ночевки. Тут собирались главным образом монашки, затем женщины, приходившие в церковь из бывшего онановского прихода, а также я видал и мужчин, в частности отца Калашникова, церковного старосту села Онанова, псаломщика того же села Котова».¹⁸⁰

За этим следовала торжественная служба, в которой принимали участие все прибывшие, а за ней – непременно чаепитие, а иногда и обед, который считался чем-то вроде роскоши. За чаем или обедом велись беседы, обсуждались новости – домашние и не только:

1937 года февраля 24 дня в селе Шляпниках был престольный праздник, куда были для торжественного служения служители следующих церквей: Усановской церкви Мичков Василий и дьякон Бердников Иван, Старопосадской церкви Ординского района Бердников Александр, Ключиковской церкви Ординского района Татауров Иван. Служение было произведено Бердниковым Владимиром как настоятелем Шляпниковской церкви, в котором приняли участие выше означенные лица. После служения, когда все было окончено, означенные служители священником Бердниковым Владимиром как хозяином были приглашены на стакан чаю и пообедать. Во время этого происходила беседа, сначала на семейную тему, а потом было перейдено на политическую тему.¹⁸¹

Разговоры в гостях за обязательным «стаканом чаю» были не только механизмом циркуляции деревенских сплетен «на семейную тему». В них производилась действительная «синхронизация» жизненных миров. В совместных неспешных «беседах» вербально оформлялся коллективный опыт и вырабаты-

¹⁷⁹ Иосиф Федорович Калашников – благочинный, священник церкви в Чернушке, арестован в 1937 г.

¹⁸⁰ Показания Заборских Н.К. от 5 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 83.

¹⁸¹ Сообщение источника «Черемухин» от 5 марта 1937 г. Спецконверт «Агентурные донесения и выписки из акта». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 2.

вались коллективные мнения, шлифовался язык для оценки происходящего (колхозной жизни, политических процессов, фашизма, войны в Испании, новой конституции, грядущих выборов, ожидаемой «перемены жизни» и т.п.). Одним словом – устанавливалась настоящая близость, метко подмеченная одним из осведомителей: «очень близкая связь, гостят один к другому».¹⁸²

Часто предметом обсуждения становились повседневные жизненные невзгоды, в отношении которых тоже пытались выработать единую позицию:

...В квартире Мичкова 13 и 14 января 1936 г. мы обсуждали вопросы: об обложении служителей культа налогами и поставками, в частности мясоналогом, молокопоставками, подоходным и культурными налогами, самообложением и др. а также и о том, какие предпринимать меры в случае появления слухов о закрытии церквей.¹⁸³

Ощущение давления извне нарастало, неизбежно вызывая рост корпоративной солидарности. Пострадавшие от преследований клирики могли рассчитывать на поддержку «своих», причем не только в институционализированной форме, но и в виде спонтанного персонального жеста:

В 1936 году ко мне в квартиру явился ссыльный (фамилии его я не знаю) священник, рассказал мне, что он едет из ссылки, осужден был советской властью, после чего он меня попросил оказать ему материальную помощь как нуждающемуся. Я ему тут же дал денег сколько сейчас не помню примерно от 3-х до 5 рублей.¹⁸⁴

Наиболее грамотные «члены духовной корпорации» обменивались письмами, информируя одних своих знакомых о других, о которых узнали от третьих. Письма эти (в протоколах обыска и ареста неоднократно значилось «изъято переписки разной...») чаще всего не сохранились, тем интереснее и ценнее сохранившиеся свидетельства:

Многоуважаемый О. Симеон Аполлонович!

Письмо Ваше получено. В Богородске церковь закрыта по случаю ремонта. В теплом храме ремонт производится, но кроме ремонта велено убрать колокольню, на это церковный совет не согласился, что из этого будет – покажет будущее. В холодном храме

¹⁸² Сообщение источника «Зеленый» от 9 декабря 1934 г. Спецконверт «Агентурные донесения и выписки из акта». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 2.

¹⁸³ Протокол допроса обвиняемого Некрасова С. А. 21 октября 1937 г. ПермГАНИ. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 152.

¹⁸⁴ Протокол допроса обвиняемого Козьмина М. А. от 26 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1, Оп. 1. Д. 12024. Л. 19 об.

служить разрешили, но вновь запретили. Фамилия диакона Дульцов Василий Федорович. О. Ник. Заборских нет. Все это сообщил О. Ник. Гостюхин. Он в субботу 24 ч. проезжал с семейством и багажом через Телес на место службы в с. Большой Есаул Чернушинского района. В Чернушку поступил какой-то священник, фамилии не знаю. Епископ Петр здоров. Григорий и Сергей изолированы. В пятницу 23 ч. причты района вызывали в Уинск для заполнения анкеты. Вызывали ли Вас?

Сена наши колхозы наставили много, вчера начали жать рожь, нажали 25 суслонов, но когда начали молотить машиной, зерно изжамкалось, к размолу не годится. Погода стоит такая же, какая, наверное, и у Вас, расстояние-то верст невелико.

Церковный наш староста Н. Л. Герасимов оказался почище Семена Андреевича (известного Вам). При том доходы были малы, а налоги большие, а при этом, благодаря закрытию соседних церквей, доходы церковные должны были увеличиться, а у него уменьшаются, даже не на что купить муки для просфор. С Пасхи публице просфоры не даются, хотя при подаче помянников берет за просфору по 15 коп. В алтарь подается 5-7 просфор. На днях заявил, что можно печь просфоры из ржаной муки, так-де было раньше при Семене, но вот о себе заботится: положил себе за труды окладное жалование 25 руб. в месяц, купил лошадь будто бы для возки церковных дров, а сам на ней работает, а дрова, как вчера заявил, в лесу сгорели. Хлебушко тоже покупает, якобы для церкви и содержания причта, но ни церкви ни причту он не даст, так я с нового года получил 7 ½ фунтов вместо 10.¹⁸⁵

Из письма видно, как распространяются новости в своем кругу. Священник Николай Гостюхин, меняя место службы (что случалось довольно часто), с «семейством и багажом» проезжает через село, в котором проживает Н. А. Славин, и сообщает ему последние известия обо всей округе, а тот, в свою очередь, передает их С. А. Некрасову. А дальше, поделившись соображениями о видах на урожай и о погоде, Н. А. Славин вводит в повествование двух новых персонажей: церковного старосту Н. Л. Герасимова и Семена Андреевича, по контексту – предшественника Герасимова («так-де было раньше при Семене»). Перед нами вырисовывается еще одна категория «бывших людей», *своих* – активных прихожан, непосредственно связанных с «духовной корпорацией».

¹⁸⁵ Письмо Славина Н. А. к Некрасову С. А. от 26 июля 1937 г. ПермГАНИ. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л.140-140 об.

«Церковный наш староста...» и «синдром кошки»

Ключевой персонаж так называемого «церковного актива» из мирян – староста (или председатель церковного совета) – сразу предстает в совершенно особенной дискурсивной перспективе. Он дан в модальности обиды, недоверия, в общем – явного недоброжелательства: прошлый церковный староста был плох, а новый – еще «почище». Интенциональным же объектом этих lamentаций являются обычные мелкие мужицкие плутни: оборотистый хозяйчик завел за церковный счет лошадь «а сам на ней работает», установил себе немалый ежемесячный оклад (которого односельчане – рядовые колхозники вовсе не имели), обирает прихожан, не возит дров и не дает хлеба и т.д.

Как сказал когда-то поэт: «Как обаятельны (для тех, кто понимает) все наши глупости и мелкие злодеяния...». И то, и другое имело место в непростых отношениях сельского батюшки и церковного актива. Иногда мелкие злодеяния оборачивались большой глупостью. Вот что рассказал на допросе староста Камасинской церкви Прокопий Иванович Махнутин (сохранена орфография и пунктуация оригинала): «Также я не отрицаю в том что доставлял для церковников антисоветскую литературу и частично эту литературу продавал в шибановский магазин, а оставшуюся часть распространял среди верующих Камасинской церкви». ¹⁸⁶ Смысл этого не совсем ясного признания дополняют лаконично-безграмотные строки обвинительного заключения: «Церковный архив продавал в магазины для оберток, чем старался распространять среди покупателей в целях привлечения внимания к церкви и укрепления религии...». ¹⁸⁷ Казалось бы, дело простое и совершенно житейское: в условиях жесточайшего дефицита бумаги ловкий церковный староста решил поднажиться, распродавая церковный архив. Из проданных в магазины архивных документов сворачивали фунтики для сахара-песка. В них, натурально, «наряжали селедку». ¹⁸⁸ Сколько денег ему

¹⁸⁶ Протокол допроса Махнутина П. И. от 14 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 29337. Л. 10.

¹⁸⁷ Обвинительное заключение по следственному делу № 9161 по обвинению Махнутина П. И. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 29337. Л. 11.

¹⁸⁸ «At Volusi annales Paduam morientur ad ipsam et laxas scombris saepe dabunt tunicas» (В Падуе же «Лета» Волюсия кончатся скоро, и селедку в них будут не раз наряжать». Гай Валерий Катулл. Избранная лирика / Г. В. Катулл «Алетей», Санкт-Петербург, 1999. С. 188.

удалось выручить в этой сделке – неизвестно, но за свою жадность он был наказан чрезмерно жестоко – тройка при УНКВД Свердловской области приговорила его к расстрелу с конфискацией «лично принадлежащего имущества».

Серийность подобных поступков подтверждает упомянутый ранее слух об изъятии Михаилом Морозовым «церковных денег» на баснословную сумму, и показания свидетеля П. С. Латышева: «Был у них <церковников> такой случай в 1928 г.: они произвели хлебозаготовки, собрали подходяще муки, зерна и пр. и оставили на хранение у одного им сочувствующих, приходящих к ним на моления для запаса на всякий случай возникновения войны. Этот мужичек не будь глуп, взял да и продал эту муку»¹⁸⁹. Очевидно, что симпатии свидетеля – на стороне «неглупого мужичка», в его действиях усматривается некоторый вид доблести. Обобрать попа (*своего* среди *своих*) для его ближайшего окружения из мирян не только не стыдно, но и, пожалуй, почетно. Ряд этих далеко разнесенных во времени и пространстве эпизодов указывает, вероятно, на укорененность в повседневности подобного рода жульничества в отношении клириков. Следовательно, эти практики опирались на определенные «привычки мышления», которые можно попытаться обнаружить.

Прежде всего, это определенный фольклорный троп: «жадный поп – умный (или хитрый) мужик», хорошо нам известный на примере пушкинского Балды. Однако свести все к нему было бы явным упрощением. Случившийся в марте 1937 г. казус А. И. Слоцова позволяет вскрыть иной смысловой горизонт, гораздо более насыщенный. На допросе 2 мая 1937 г. между оперуполномоченным НКВД и священником Городищенской церкви Ворошиловского района Слоцовым состоялся следующий диалог:

Вопрос: 31 марта сего года Вы вызывались благочинным Лузяниным в г. Соликамск?

Ответ: Да, вызвался.

Вопрос: В связи с чем Вы Лузяниным вызывались?

¹⁸⁹ Протокол допроса свидетеля Латышева П.С. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 30-30об.

Ответ: 31 марта Лузянин вызвал меня в г. Соликамск по двум вопросам: о священнике Самарине и по жалобе председателя церковного совета Городищенской церкви Мельникова Василия Павловича, в которой он, Мельников, просил благочинного Лузянина назначить взамен меня в Городищенскую церковь другого священника...¹⁹⁰

Жалоба В. П. Мельникова сохранилась. Из нее и из агентурных сведений можно понять мотивы поступка церковного старосты. А. И. Словцов выступал с проповедями и подчеркивал, что «он, как священник, считает своим долгом вести такую к/р <контрреволюционную> пропаганду, т.к. кроме его население в религиозном духе никто не воспитывает»¹⁹¹. Из записки В. П. Мельникова мы узнаем, что содержание проповедей бывало иногда довольно экстравагантным: священник «дискредитировал» Ленина, сравнивая его с Христом и «опошлял» Сталина, призывая за него молиться «чтоб дал хорошую жизнь».¹⁹² Судя по всему, пастырское слово имело широкий резонанс, пошли слухи. Священник и сам признавал, что прихожане его просили впредь проповедей отнюдь не читать:

Да, Новиков А. М. действительно 19 января сего года во время богослужения мне говорил, чтобы я с проповедями не выступал. На антисоветское содержание проповедей он – Новиков – мне не указывал, а предупреждая говорил о том, что «получена бумажка, чтобы с проповедями не выступать».¹⁹³

Но батюшка не сдавался, утверждая, что «Согласно новой конституции¹⁹⁴ нам предоставлено право свободы слова и религиозных проповедей»¹⁹⁵, прихожанам «...публично читал нотации, а в отдельных случаях играя на чувствах верующих применял методы «угроз», такого порядка: «Верующие должны воспитывать своих детей в христианском вероучении, иначе я буду отказывать в причащении их».¹⁹⁶

¹⁹⁰ Протокол допроса Словцова А. И. от 2 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29333. Л. 9-11.

¹⁹¹ Спец-сообщение о контрреволюционных проявлениях со стороны духовенства Ворошиловского района. ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 104-106.

¹⁹² Жалоба В. П. Мельникова благочинному И. М. Лузянину. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29333. Л. 33.

¹⁹³ Дополнительные показания Словцова А. И. от 16 июня 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29333. Л. 17.

¹⁹⁴ Имеется в виду так называемая «сталинская конституция» СССР, принятая в 1936 г.

¹⁹⁵ Спец-сообщение о контрреволюционных проявлениях со стороны духовенства Ворошиловского района. ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 104-106.

¹⁹⁶ Спец-сообщение о контрреволюционных проявлениях со стороны духовенства Ворошиловского района. ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302. Л. 104-106.

Чрезмерная активность А. И. Словцова явно тревожила Ворошиловский районный отдел НКВД (в конце концов, он будет арестован). Но почему она беспокоила прихожан и церковный актив – настолько, что священнику открытым текстом предлагалось «замолчать», а затем последовала просьба о его замене? В данном случае мы имеем дело с любопытным феноменом повседневной ментальности, который можно обозначить как «синдром кошки»: «Собаки привыкают к хозяину, а кошки – к дому». Что остается неизменным при замене одного священника другим? Разумеется, храм, в котором они служат. Церковь в том единственном, *вещном* смысле, которым было наделено это слово в провинциальной повседневности Западного Урала. Из всех возможных пониманий церкви – как огромной иерархизированной организации, как общины верующих (*ἐκκλησία*) или как культового здания, домика с крестом колоколенкой – обыденная ментальность знала лишь последнее.

Священник – человек пришлый, сегодня один, завтра другой – после массового закрытия церквей в период коллективизации появилось множество «безместных» попов, в то время как храм буквально «укоренен» в почве, он часть обжитого и привычного топоса. Именно по отношению к нему, а не к священнику, демонстрировал лояльность церковный актив «из местных». И если деятельность «служителя культа» хотя бы отдаленно, призрачно угрожала закрытием храма – от него следовало избавиться немедленно: «назначить взамен меня в Городищенскую церковь другого священника». А то и прямо направить донос в карательные органы:

В Чернушинский отдел НКВД

В деревне Нижняя-Кига Таушинского с/с<сельсовета> живет священник без определенных занятий, т.е. раньше служил в церкви вышеуказанного селения, а сейчас такая прикрыта. Который ведет религиозную пропаганду. А именно весной 1937 г. был пропущен слух, что где-то шли люди и нашли на дороге ведро крови и мешок пшеницы. Объясняют тем, что будет война, много будет крови. Пшеницы урожай будет хороший, убирать будет некому, потому что народ будет на войне.

Потом была около этого же времени пропущена через учеников школы записка прошла через бывшего председателя церковного совета и, очевидно, через ево <священ-

ника», где упоминалась ставайте и молитесь богу и читайте «Отче наш» и будете спасены, что это был слышен глас от бога в гор. Иерусалиме, каковая <записка> мне была передана учительницей Котовой, и данную записку я передал вам в НКВД. Все эти слухи я думаю идут от данного попа и через его приспешников...

К сему <подпись>

21/VII. 37 г.

Фамилию попа не помню.

Председатель церковного совета Касьянов Василий

дер. Слудка Таушинского с/с<сельсовета>.¹⁹⁷

Вот так действующий председатель церковного совета «разоблачает» своего предшественника и «священника без определенных занятий». Перед нами вновь слухи, прекрасный образчик *fake-lore* о «ведре крови и мешке пшеницы», «святые письма». Никакой анонимности – честная подпись с указанием должности и места жительства. Это не стыдно.

Трудно отделаться от впечатления, что понимание церкви как здания с колокольной было присуще не только «активным церковникам» из мирян. Обратимся еще раз к признанию Э. С. Рукавишникова относительно причины его фактического бойкота священниками соседних сел: «между нами связи не было, т.к. *они считались староцерковнические (тихоновские) <церкви?>, а я в которой работал – считается церковь обновленческая*».¹⁹⁸ (Выделено мною. – А. К.) Несколько упрощая достаточно сложную внутрицерковную ситуацию 30-х годов XX века, можно признать одновременное существование двух церквей – как социальных институтов и иерархий, – тихоновской и обновленческой. Если предположить, что Рукавишников имеет в виду различия церквей в этом смысле, то почему о «староцерковнической (тихоновской)» он говорит во множественном числе «они считались»? Вероятно, Э. С. Рукавишников, говоря о церкви, невольно воспроизвел устойчивый ментальный стереотип, представляющий ее чувственно-наглядно, как культовые здания – храмы сел Пешнигорт и Самково.

¹⁹⁷ Записка Касьянова В. в Чернушинский РО НКВД от 21 июля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 12.

¹⁹⁸ Протокол допроса Рукавишникова Э. С. от 15 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 31214. Л. 84.

Приходского священника могли уважать (как, например, уважали протоирея И. Котельникова). Им могли восхищаться (как это было с Нифонтом (Агафоновым)). Но на него могли оказывать давление – как это случилось с «безблагодатными пастырями», а дьякона Михаила Кукшинова (как будет показано далее) церковный актив даже вынудил жениться на «согласованной кандидатуре»; с попом допускались плутни и жульничество, за счет него не грех было поживиться; его фигура могла стать разменной монетой, если речь шла о закрытии храма. А вот за сам храм «активные церковники» из местных готовы были сражаться до конца. Вспомним строки из письма Н. А. Славина:

В Богородске церковь закрыта по случаю ремонта. В теплом храме ремонт производится, но кроме ремонта велено убрать колокольню, *на это церковный совет не согласился, что из этого будет – покажет будущее.* В холодном храме служить разрешили, но вновь запретили. *Фамилия диакона Дульцов Василий Федорович.* (Выделено мною. – А. К.)

Будущее действительно *показало*. Когда «был поднят вопрос» о закрытии церкви в Богородске, церковный актив во главе с дьяконом В. Ф. Дульцовым организовал «знамения божии» - не более и не менее. Случай попал в газеты, о нем знала вся округа, включая начальника Щучье-Озерского районного отдела НКВД сержанта государственной безопасности Зайчикова. Поэтому на допросе 4 октября 1937 года он так Дульцова прямо и спросил:

Вопрос: Расскажите, как Вы организовали провокацию на религиозной почве со стеклом в квартире Кардашина?¹⁹⁹

Ответ: О данной провокации с рисунком на стекле в окне квартиры Кардашина, который Кардашин назвал «знамением божиим», я слышал, но никакого участия в организации этой провокации я не принимал, и главным виновником ее является сам Кардашин.²⁰⁰

В ответе дьякона примечательны два обстоятельства: прежде всего, какое-то «знамение», представлявшее собой рисунок на оконном стекле, обсуж-

¹⁹⁹ Из «Обвинительного заключения следственного дела № 10735 по обвинению Дульцова Василия Федоровича и др.»: «Кардашин Т. А., бывший твердозаданец, антисоветски настроенный, систематически собатировавший государственные обязательства, в 1932 году раскулачивался и лишился права голоса, затем восстановлен, в 1937 году организовал провокацию на почве религиозных предрассудков населения, вследствие которой было сорвано собрание с вопросом о закрытии церкви». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 66.

²⁰⁰ Протокол допроса Дульцова В. Ф. от 4 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 33.

далось населением Богородского сельсовета. В. Ф. Дульцов утверждает, что он о нем «слышал», но не признается в том, что он его *видел*. Второе – стоит обратить внимание на то, с какой легкостью он принимает предлагаемое номинирование произошедшего в квартире Кардашина – раз сказано «провокация» – значит так это и называется.

Но на этом допрос не закончился. Хорошо информированный сержант Зайцев спросил дьякона Богородской церкви про монашку «...Змееву Клавдию, которая рядилась под вид так называемого «чорта» и пугала население, а затем опять называла это «знамением?»»²⁰¹ (Сохранена орфография оригинала. – А. К.) Если в истории с рисунком на оконном стекле масса неясностей – включая вопрос «А был ли рисунок?», то случай с «чертом в огороде» предельно прозрачен. В сентябре 1937 г. на страницах районной многотиражки «Вперед» появилась статья неизвестного доброжелателя, скрывшегося под псевдонимом «Богородский». Она представляет собой заурядную кляззу на местное духовенство и церковный актив. В длинной череде их прегрешений значилось и такое:

«В августе нынешнего года монашка Змеева Клавдия нарядившись «чортом», вылезла в огород, возле которого играли дети колхозников, напугала их. А потом убежала из огорода, переоделась, пришла к перепуганным детишкам, стала их агитировать, что вот, мол, хотят закрыть церковь, так появился «нечистый», «сатана». Велела передать это родителям».²⁰²

Предъявление «чорта» в качестве аргумента против закрытия храма – жест, разумеется, нетривиальный, но его неординарность не стоит преувеличивать: в фольклоре и обрядах, присущих повседневной деревенской жизни – это персонаж вполне заурядный. Но следует признать, что подобные экстремальные формы борьбы за сохранение «церкви» свидетельствуют о фанатичной, поистине «кошачьей» привязанности «активных церковников» к культовому зданию. Не будет лишним напомнить и то, что все участники этих наивных инсценировок расплатились за них своей жизнью.

²⁰¹ Протокол допроса Дульцова В. Ф. от 4 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 34.

²⁰² «Враждебная деятельность церковников в Богородске». Вырезка из районной газеты «Вперед» № 93 (604) за 29.09.1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 75.

Клавдия Никитична Змеева, уроженка села Богродска, которой к моменту описываемых событий исполнилось 46 лет²⁰³, часто именуется «монашкой». И только изредка, например – в «Обвинительном заключении» уточняется, что монашка она «бывшая». Иначе и быть не могло – кампания по закрытию монастырей прошла в 1921-22 гг., и все их насельники разлетелись кто куда. Именно тогда К. Н. Змеева утратила свой прежний статус «монашки» – будучи 30 лет отроду и проведя всю молодость за монастырскими стенами. Нового же она приобрести не смогла – не вышла замуж, не завела хозяйство. Так и оставалась до конца жизни – «бывшей». И церковь, храм стал для нее, как не трудно догадаться, и местом жительства, и источником дохода, и смыслом жизни. Как метко подметил (при всей своей ангажированности) анонимный автор газетного пасквиля:

«Богородские церковники крепко держаться за церковь, как очаг и прикрытие своей враждебной деятельности, как место, где путем «божественных сказок» можно собирать с трудящихся деньги, хлеб, масло и яйца и вести сытую и нетрудовую жизнь»²⁰⁴.

Добавим – хотя бы какую-то жизнь. К. Н. Змеева является по-своему типичным – если можно говорить о типизации в этой среде – представителем разношерстного племени маргиналов, естественным и единственным местом обитания которых была церковная паперть.

²⁰³ См. «Обвинительное заключения следственного дела № 10735 по обвинению Дульцова Василия Федоровича и др.». ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 66.

²⁰⁴ «Враждебная деятельность церковников в Богородске». Вырезка из районной газеты «Вперед» № 93 (604) за 29.09.1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 27468. Л. 75.

Обитатели церковной паперти

В июле 1937 г. репрессивная машина Управления НКВД по Свердловской области, действовавшая не то чтобы эффективно – правильнее было бы сказать «неостановимо», дала очевидный сбой. Из рук картельных органов ускользнул Петр Севастьянов, проходивший по делу «чернушинских террористов», тому самому делу, о котором в апреле 1937 г. первый секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б) И. Д. Кабаков счел нужным проинформировать все городские и районные комитеты партии на Урале:

В Чернушинском районе возвратившийся из концлагеря поп Калашников, совместно с двумя другими попами, организовал группу бродячего монашества из семи человек, перед которой поставили целью совершать железнодорожные крушения, особенно с поездами, в которых будут ехать члены советского правительства.²⁰⁵

И опять фантазия не поспевает за скупыми строками документа... Мнится автору могучий локомотив, весь в клубках пара, рассекающий ночь лучом прожектора. В середине состава (чтоб меньше качало) – салон-вагон. Постукивают рельсы на стыках, спешит к избирателям города, предположим, Омска, допустим, – член советского правительства К. Е. Ворошилов.

От печки в тамбуре тонко угольным дымком тянет. В купе декабрьским сугробом – крахмальное белье, ласковым уютным блеском – тончайший шерстяной плед. Хрустально искрит пробкой графин с «Боржомом», а сам запотел – ледяной. Балычок слезой истекает, икра паюсная антрацитной крошкой отсвечивает. Булочка французская с масленкой – как друзья-подружки неразлучные. Но не выпивает маршал, не закусывает. Раскрыл конспект речи товарища Сталина, думает о том, как омичам и омичкам плановые задания пятилетки разъяснить. Красавица-проводница Катенька в белоснежном фартучке и наколке подает народному комиссару крепчайший чай с лимоном в серебряном подстаканнике, – ложечка в такт движенью поезда позвякивает.

А во тьме, неподалеку от райцентра Чернушка, раздувает бикфордов шнур террорист Петр Савостьянов – попом И. Ф. Калашниковым науськанный,

²⁰⁵ Директивное письмо И. Д. Кабакова от 24 апреля 1937 г. ПермГАНИ Ф. 970. Оп. 3. Д. 118. Л. 76-80.

щеки адовым пламенем снизу подсвечены. Вспышка. Грохот. Стон искореженного металла. Крики боли, отчаяния – и нет могучего локомотива, нет «первого красного офицера», да и белокурой красавицы-проводницы Катеньки тоже нет... Только всего этого не случилось, да и случиться не могло.

Основных фигурантов дела арестовали еще в середине апреля. Постановление об избрании меры пресечения в отношении Перта Васильевича Севастьянова было выдано 7 мая 1937 года – по уважительной причине и с характерной отметкой прокурора: «Арест санкционирую, с немедленным направлением к эксперту специалисту и испытанием»²⁰⁶. Складывается впечатление, что все прекрасно понимали, с кем именно придется общаться: «Севастьянов Петр Васильевич находился в б/це <больнице> с 13/IV по 3/V – 37 г. с обморожением пальцев обеих нижних конечностей. Наблюдение над больным показали, что больной действительно слабоумен»²⁰⁷ - указал в справке врач Н. Кузнецов, работавший в больнице села Рябково Чернушинского района.

Картинка начинает складываться. Отмороженные пальцы ног – это оттого, что Петр Севастьянов ходил босиком – круглый год. А про слабоумие свое он на первом же допросе честно показал: «В детстве, как мне рассказывала мать, что мой отец будучи пьяный во время ее избиения выбросил, якобы, меня из качалки на улицу через окно, с того времени у меня получается некоторая ограниченность»²⁰⁸. Составленный впоследствии акт освидетельствования позволяет взглянуть на нашего героя глазами клинициста:

Мы нижеподписавшиеся освидетельствовали 8/VII-37 г. в Судебном отделении Пермской психбольницы Севастьянова Петра Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР и направленного Свердловской тюрьмой по постановлению Чернушкинского РО НКВД от 14/VI-37 г. При объективном обследовании оказалось: Диспластическое телосложение²⁰⁹, умеренное питание, живот вздут, значительное выступание на черепе

²⁰⁶ Постановление об избрании меры пресечения в отношении Севастьянова П. В. от 7 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 48.

²⁰⁷ Справка из Рябковской больницы Чернушинского района от 9 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 50.

²⁰⁸ Показания обвиняемого Севастьянова П. В. от 8 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 53.

²⁰⁹ Телосложение диспластическое (греч. приставка *dys-*, означающая расстройство, нарушение, + греч. *plastikos* – лепной, скульптурный) – диспропорция размеров отдельных частей и всего тела в целом, иногда наличие физических признаков другого пола (евнухоидизм или феминизация у мужчин или маскули-

лобных бугров. Внутренние органы без особых уклонений. Зрачки неравномерны – правый больше левого, левый зрачок измененной формы, реакция на свет, аккомодацию и конвергенцию живая, кожные брюшные и кремастера²¹⁰ также живые, патологических – не обнаружено. Дермографизм²¹¹ розовый нестойкий, мышечный валик выражен, носогубные складки сглажены. Речь плохо развита. Со стороны психики: сознание ясное, ориентирован в месте и окружающем, во времени не разбирается, не знает числа и месяца, счисления даже в пределах первых 10 натуральных чисел не знает, запас представлений крайне ограничен. В поведении спокоен, добродушно улыбается при разговоре. На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что: Севастьянов П. В. обнаруживает врожденное умственное недоразвитие (слабоумие в глубокой степени) и за свои действия не ответственен...²¹²

Так что «некоторая ограниченность» - это еще мягко сказано. Чернушинский районный отдел НКВД арестовал и пытался представить террористом «деревенского дурачка», юродивого. На последнее указывает его повседневный промысел:

Мне известно, что Калашников использует для антисоветской агитации среди населения бродячих церковников, об этом мне рассказал церковник Луканин Степан, который будучи в с. Ананьино 15/І. 36 г. говорил, что «был у Калашникова, он меня накормил и сказал, что молись, но этого мало, делай так, как делает Петр Савостьянов – ругает коммунистов, тебе как слабоумному ничего не будет». У Луканина слабоумия почти совсем нет и он об этом рассказывал здраво, но он временами от испуга говорить совершенно не может...²¹³

Юродивый был обязан «ругаться миру», вот П. Севастьянов и ругал коммунистов. А слабоумие выступало своего рода «охранной грамотой». Заметим, что поведал об этом его «коллега» Степан Луканин, относившийся, по-

низм у женщин). Большой медицинский словарь. 2000 г. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/46315>. Дата обращения - 01.08.2016 г.

²¹⁰ Кремастера рефлекс, или яичковый рефлекс, вызывается штриховым, довольно глубоким раздражением кожи внутренней поверхности бедра посредством проведения по ней рукояткой молоточка сверху вниз на большом протяжении. Пациент может при этом лежать с раздвинутыми ногами или же стоять. Рефлекс выражается сокращением *m. cremasteri* и подтягиванием соответствующего яичка кверху. Большая медицинская энциклопедия. http://bigmeden.ru/article/Кремастера_Рефлекс. Дата обращения 01.08.2016 г.

²¹¹ Дермографизм (греч. *derma* кожа + *graphein* писать, изображать) — местное изменение окраски кожи при ее механическом раздражении. Медицинская энциклопедия. <http://www.medical-enc.ru/5/dermographism.shtml>. Дата обращения 01.08.2016 г.

²¹² Копия акта от 7 июля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 54.

²¹³ Показания свидетеля Заборских В. Н. от 19 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 31-31 об.

видимому, к тому же антропологическому типу, «от испуга говорить совершенно не может».

Персонажи, подобные Севастьянову и Луканину, были самой мобильной частью уходящего в прошлое мира «церковных людей». В его своеобразной экосистеме они собирали скудные излишки пищи, которые и излишками-то можно назвать с большим трудом. Занимаясь «собираательством» в буквальном смысле слова, эти номады провинциальной повседневности меняли локацию по мере истощения «кормовой базы», перемещаясь в пределах определенного района на дистанцию «пешего перехода». Не удивительно, что они быстро примелькались, и через какое-то время любой местный житель мог назвать их наперечет, например так:

Из такой категории мне хорошо известны следующие лица:

1) Московатых Михаил Николаевич – бродячий проповедник, 2) Соколов Григорий Иванович – бродячий проповедник, 3) Петров Фотей – бродячий проповедник, 4) Федор Игнатьевич (фамилию не знаю) из деревни Заборье – бродячий проповедник, 5) Василий (фамилию не знаю) из деревни Кучат – тоже вроде бродячего, с этой компанией знается – и еще какая-то женщина Лиза, нищая, приходит из местечка Торговища Красноуфимского района, и Ольга, тоже нищая, постоянно проживает в Перми, а в наших местах бывает с наезда – обе они страдают припадками.²¹⁴

«Обе они страдают припадками» - весьма характерное замечание. В действительности, церковная паперть еще в 30-х годах XX века продолжала оставаться коллектором для людей, отмеченных явным ментальным или физическим нездоровьем. Любой вид стигматизации, ненормальности становился «входным билетом» в этот мир – и поводом просить подаяние:

Котельникова Мария Григорьевна приехала из г. Перми в с. Морозково и проживает она у меня в сторожке при церкви, вместе со сторожихой Фанной, урод, горбатая, ходит на костылях.²¹⁵

²¹⁴ Показания обвиняемого Максимова В. Е. от 23 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 146-150.

²¹⁵ Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11-12 об.

Странника Гавриила я сам не видел ни разу, но слышал, что он ходил по Усть-Кишертскому району в 1932 г. и проповедовал из божественных книг. Сам он молодой и слепой – лицо завязано, якобы больной раком и пил-ел только из чайника²¹⁶.

В бывшем Кунгурском монастыре жила послушница Анисья (имя-отчество не знаю, лет 40). Затем она жила в Кунгуре посещая церковь, где я ее и узнал. Года 4 тому назад она переехала в Пермь и работает сейчас в поликлинике, но где живет не знаю. В 1933 г. и в 1934 г. в июне м-це я ее видел в церкви. В эти же разы я ей привозил травы – адонис (она припадочная)...²¹⁷

Судьба припадочной «послушницы Анисьи», которая «работает сейчас в поликлинике» словно указывает общую тенденцию эволюции этой группы. Основная масса обитателей церковной паперти будет либо подвергнута медикализации, либо подвергнется криминализации. Но до поры эти люди продолжали оставаться важным элементом повседневной жизни, поскольку именно они распространяли слухи, «проповедовали из божественных книг», учили о приходе антихриста. Одним словом – формировали общественное мнение в своем кругу, производили периодическую идейную мобилизацию «бывших людей»:

Моя антисоветская деятельность по этому вопросу сводилась к тому, что бывая в церкви в период между службами, я собирал вокруг себя верующих и внушал им, что необходимо держаться за веру в бога, что необходимо правильно совершать крестное знамение, кто этого не делает, тот угождает сатане. Жизнь теперь идет по писанию, люди отходят от церкви и бога, они не творят крестного знамения, чем сами отдаются в руки дьяволу, внушая этим самым то, чтоб верующие колхозники и единоличники не шли на разные мероприятия социалистического строя, на мероприятия безбожные и не губили своей души²¹⁸.

Так рассказывал о своей «общественной работе» Ф. Петров, человек пожилой и малограмотный. Другой бродячий проповедник, М. Морсковатых, приобрел известность, напротив, как знаток священного писания, о чем с заметной гордостью рассказал на допросе:

²¹⁶ Показания Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об.-50.

²¹⁷ Показания Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об.-50.

²¹⁸ Показания Петрова Ф. М. от 8 июня 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 119-121.

Находясь в церквях и населенных пунктах с марта месяца 1932 года, я среди населения, как человек набожный и грамотный, приобрел большую известность – верующее население питало ко мне значительный авторитет в связи с чем, куда бы я ни пришел, я везде был желанным человеком – население всегда обращалось ко мне с различными вопросами на тему о существующей власти, о колхозах и возможности в них вступления, о неизбежности войны, о вопросах антихриста и кончине мира и т.д.²¹⁹

Делали они все это без всякого принуждения, что называется – по зову сердца. Это был их образ жизни, и другого они не знали – и, по-видимому, и знать не хотели. Где-то «в другом мире» выполнялся пятилетний план, строились заводы по производству авиадвигателей и химические комбинаты, развивалось колхозное строительство, жить становилось лучше и даже веселее – а по Чернушинскому району по-прежнему бродили, ругая коммунистов, юродивые Петр Савостьянов и Степан Луканин; в Богородске бывшая монашка Клавдия Змеева наряжалась «чортом»; Фотий Петров взывал к христианской совести в Кунгурском районе, в Усть-Кишерти появлялся «странник Гавриил», который «пил-ел только из чайника»; в округе села Беркутово грамотей Михаил Морсковатых отвечал на «вопросы населения»; по Коми-Пермяцкому округу и Кировской области путешествовал в поисках заработка «поп-передвижка» Владимир Тудвасев; в тайной пещере-келье проживал уединенно бывший иеромонах-скитник Иосафат (Белоусов) и т.д.

Это был действительно другой мир, доживавший, правда, свои последние дни. Но, поскольку это был еще *живой мир*, он неизбежно должен был воспроизводить себя в системе повседневных практик – труда, еды, питья, купли и продажи, обращения с деньгами – чему и будет посвящен следующий раздел.

²¹⁹ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 4 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 82-87.

Труд, хлеб, водка

Уполномоченный секретно-политического отдела Пермского оперативно-го сектора ОГПУ Николаев был моралистом. Об этом начинаешь догадываться, заметив на странице протокола (составленного им собственноручно) восклицательный знак в обращении к обвиняемому. Следователь явно был исполнен пафоса, он негодовал, и хотел, чтобы текст зафиксировал это:

Обвиняемый Осетров! Признайтесь, что Вы даете ложные показания в части Ваших намерений и причин, побудивших идти в скит. Спасаться в уединении вместе с женой – это совсем не угодное дело богу, которому Вы служите. Бросать верующую паству, оставить ее без слова просвещения, как это <вы> называете, – так же не богоугодное дело. Ведь Вы знаете, что просвещать паству – это богоугоднее, чем бросать ее и молиться только одному.²²⁰ (Выделено мною. – А. К.)

Вся эта риторика не имеет никакого отношения к *corpus delicti*. Он, собственно, заключался в оборудовании нелегальной пещерной церкви и служению в ней. Поскольку все культовые здания подлежали учету, функционировали на основании разрешения местных органов власти, а каждый «штатный» священник обязан был зарегистрироваться в исполкоме совета соответствующего уровня, действия Осетрова можно было квалифицировать пускай не как преступление, но как проступок – точно. Однако Николаеву этого было явно недостаточно: он требует оценки *богоугодности* деяний «обвиняемого Осетрова» от него самого (что несколько странно для уполномоченного ОГПУ), и, выступая от имени «осиротевшей» паствы (!), вынуждает пожилого батюшку признать, что он поступил *дурно и эгоистично*:

Ответ: И все же я решил сделать так, считая, что на мое место заступит другой.

Вопрос: Почему же Вы через два месяца ушли из скита, что же это за спасение себя, почему такое непостоянство – то решаете идти спасаться, а через два месяца убежали опять в мир, где, как Вы же сами показали, много соблазнов?

²²⁰ Дополнительные показания обвиняемого Осетрова И.И. от 20 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 176-181.

Ответ: Как я в миру был слабым, так оказался и слабым в уединении. Жена, кроме того, не захотела там жить, ну а я по слабовольности уступил ей.²²¹

Здесь обвиняемого упрекают еще и в *непостоянстве*. В итоге он признает – да, мол, слаб оказался. Да и жена вот...

Судя по тому, насколько протоколы допросов, составленные Николаевым, отличаются от продукции его «коллег по цеху», желание вести беседы на нравственно-этические темы не оставляло его никогда – хотя осуществление «позитивной реморализации» подследственных не входило в его должностные обязанности. Благодаря этому до нас дошли свидетельства, при иных обстоятельствах невозможные.²²²

Вот, например, диалог о трудовой этике (не более и не менее), происходивший на допросе странника Г. И. Соколова 16 сентября 1934 года:

Вопрос: Какие побуждения толкнули Вас в 1923 г. отойти от всего мирского, отказаться от своего хозяйства, бросить занятия общественно-полезным трудом и перейти на положение странствующего, живущего на чужой счет человека?

Ответ: До революции я под влиянием тетки-келейницы пристрастился к путешествиям по монастырям, посетил Киево-Печерскую лавру, Соловецкие острова, Белогорский, Верхотурский и ряд других. Возвратившись в 1921 г. из армии, я решил окончательно отдать себя на служение богу, и с этой целью передал свое хозяйство снохам – делая этим самым акт помощи самарянину, т.е. ближнему своему – а сам решил продолжить свои путешествия и моления богу.

Вопрос: Но ведь Вы указываете, что Вы ходили только по двум районам – это уже не любовь к неизведанным местам. По отношению своих снох Вы, как говорите, совершили акт помощи, а сами живете за счет других. Кроме того, моление богу можно было проводить и при занятии каким-либо трудом. До революции Вы ездили по монастырям и, однако, это не мешало Вам торговать и заниматься с<ельским>/хозяйством?

²²¹ Дополнительные показания обвиняемого Осетрова И. И. от 20 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 176-181.

²²² В другом протоколе допроса Николаев затронет проблему «руководства совестью» в столь деликатном деле, как гомосексуальные отношения.

Ответ: Признаю, что в нашем религиозном учении даже трактуется обязанность занятия трудом, но причину, толкнувшую меня после революции бросить какое-либо занятие, я объяснить не знаю чем.²²³

Прежде всего, это именно диалог, поскольку (что случается довольно редко) вопросы «инквизитора» не менее интересны, чем ответы обвиняемого. Трудно отделаться от мысли, что в Николаев и Соколов, словно сговорившись, на два голоса пересказывают основное содержание главы «Средневековые представления о богатстве и труде» из монографии А. Я. Гуревича²²⁴, которая будет написана спустя лет 30 – на основании европейских, заметим, источников. И благодаря «воспитательному зуду» уполномоченного ОГПУ перед нами разворачивается повседневное отношение к труду обитателей глухой провинции в первой трети XX в., которое прямо отсылает нас к практикам полутысячелетней давности.

Прежде всего, оно чуждо всякой рациональности. Когда Николаев побуждает обвиняемого к рефлексии над мотивами его поступка, следует характерный ответ: «причину, толкнувшую меня после революции бросить какое-либо занятие, я объяснить не знаю чем». Резонно предположить, что в данном случае ответ дается в *модальности традиционного, цельного христианского ценностного сознания*: аскеза – это благо («передал свое хозяйство снохам – делая этим самым акт помощи самарянину, т.е. ближнему своему»). Ведь сказано в Писании: «Не накапливайте сокровищ на земле, где тлен и ржавчина разрушают их, и воры врываются и крадут»²²⁵. Молитвенная праздность – это благо («решил продолжить свои путешествия и моления богу»). Труд – обязанность и наказание, он лишь одно – и далеко не лучшее – средство спасения. Выбирая между трудом и молитвой, Г. И. Соколов, не колеблясь, предпочитает второе.

Раздав все свое имущество снохам, наш новоявленный «король Лир Усть-Кишертского района», в отличие от шекспировского персонажа, ни разу об этом

²²³ Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 16 сентября 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 43-47.

²²⁴ См. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры/А. Я. Гуревич. Москва, «Искусство», 1984.

²²⁵ Матф. 6:19.

не пожалел. Став обитателем церковной паперти, он снискал себе почет и уважение. Г. И. Соколов даже не протягивал руку за подаванием. Он его *требовал*:

Сбор пожертвований я действительно веду, но при этом мною никому не говорится, что это для пострадавших от соввласти, и что кто не будет жертвовать, тот будет наказан. Делаю я это так: захожу в ту или иную деревню и обращаюсь к ряду знакомых мне религиозных крестьян и *требую* жертвовать заключенным служителям бога. В первую очередь указываю, чтоб мне несли что-либо из съестных продуктов – *сдобного и сахарного*, затем *белья* и лично для меня *на разъезды или пересылку посылок денег*.²²⁶ (Выделено мною. – А. К.)

Дополнительным обстоятельством, позволяющим «страннику» вести себя подобным образом (помимо несомненной личной харизмы), является добровольно и бескорыстно принятый им *подвиг*: он материально поддерживал священнослужителей, содержащихся в местах заключения, оставляя себе только необходимое «на разъезды и пересылку посылок».

На сотрудников ОГПУ этот человек произвел настолько сильное впечатление, что в анкету арестованного были внесены «особые внешние приметы». Они удивляют именно тем, что ничего «особого», как легко убедиться, в них нет: «Среднего роста, волосы рыжие, стрижен под кружок, борода окладистая»²²⁷. Авторитет Г. И. Соколова признавали даже его откровенные недоброжелатели:

...Человек он представительный, очень вразумительный, имеет большую силу воли, пользуется громадным авторитетом как среди странников своей антисоветской организации в лице Морсковатых и Фотия, так и среди населения, очень тверд в своих действиях, по отзывам Морсковатых и Фотия, так же и местного населения – что Григорий Иванович скажет – то закон, раз Григорий Иванович сказал, то так тому и быть.²²⁸

Если слово человека – «закон», если с ним считаются и друзья и враги, если даже сотрудники карательных органов готовы признать его «особенным,

²²⁶ Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 16 сентября 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 43-47.

²²⁷ Анкета арестованного Соколова Г. И. от 11 сентября 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 74.

²²⁸ Бродячие проповедники под руководством Г. И. Соколова нанесли ущерб репутации священника Д. Г. Агафонова, вынудив его принести покаяние протоиерею И. И. Котельникову, с которым Агафонов не был связан служебными (иерархическими) отношениями. Тем не менее, Д. Г. Агафонов отзывался о Г. И. Сокольникове с пиететом. Показания обвиняемого Агафонова Д. Г. от 22 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 135-139.

но без особенностей», то перед нами культурный герой определенного жизненного мира, укорененный в его структурах нормативно-ценностный эталон, нравственная мерка для своих современников.

Поэтому нравоучительный диалог о труде призван послужить чем-то вроде камертона в дальнейшем истолковании *работы* и *службы* – именно в этих терминах говорили о своих повседневных практиках, связанных с добыванием хлеба насущного, большинство «церковных людей». Иногда эти термины чередовались в пределах одного нарратива:

Вопрос: Расскажите, когда и где Вы работали?

Ответ: Я с 1902 года по 1906 год был послушником Белогорского монастыря. С 1906 по 1909 год *служил* в старой армии, демобилизовался ефрейтором. С 1910 года по 1914 был странствующим фотографом. И одновременно с этим слушал миссионерские курсы при Пермской часовне и при Белогорском монастыре. С 1914 по 1917 г. *служил* в царской армии в чине ефрейтора и был на германском фронте. В 1918 *работал* фотографом в Усолье. С 1919 года по 1921 г. *служил* в Кунгуре младшим и участковым милиционером. С 1921 по 1923 год учился в Кунгурской художественной студии. С 1924 по 1934 год занимался фотографией. С 1926 по 1930 г. имел фотостудию в гор. Кунгуре. С 1930 по 1932 г. в фотоколлективе в гор. Перми и в Кишерти. 1933-34 гг. *работал* в Кунгурском фотоколлективе. И с 1934 г. по настоящее время священник Усановской церкви. С 1924 по 1926 год был странствующим фотографом.²²⁹ (Выделено мною. – А. К.)

А вот, к примеру, священник Д. Г. Агафонов *не работал* ни дня, он *прослужил* всю свою самостоятельную жизнь:

На 15 году отроду я уехал в Казань и поступил в подготовительный класс учительской семинарии. Проучившись четыре года и окончив семинарию, меня *назначили* учителем в село Козьмодемьянское Соликамского уезда Пермской губернии – где я проучительствовал 5 лет. После этого меня перевели в село Юсьву того же уезда, где я *прослужил* 3 года, затем меня перевели в завод Пожву, там я *прослужил* 2 ½ года. В 1899 году я переехал в гор. Пермь, где рукоположился в сан дьякона, *прослужил* около года и рукоположился в сан священника. В 1901 году получив сан священника, меня назначили в дер.

²²⁹ Протокол допроса обвиняемого Мичкова В. В. от 9 августа 1937г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 57-63.

Красоту Кунгурского района, тут я *прослужил* около 3-х лет, затем переехал в село Спас-Барду того же района.

В Спас-Барде я прослужил 6 ½ лет и переехал в село Осинцово, где непрерывно *служил* в течение 22 лет, в 1932 году переехал в село Усть-Кишерть, где и *служу* по настоящее время.²³⁰(Выделено мною. – А. К.)

«Работа» и «служба» явно имели различный смысл – это не вызывает ни малейших сомнений. В армии, школе, церкви, милиции *служат*. Фотографом *работают*. Иногда эти занятия прямо противопоставляются: «Он *прослужил* в церкви недолго, а потом отрекся от бога, стал его всячески ругать, ушел в Чернушку и *поступил на работу*».²³¹ (Выделено мною. – А. К.) Но схватить повседневный практический смысл этого различия не так просто. Прежде всего, следует отбросить представление о том, что за различием «службы» и «работы» скрывается банальная разница между умственным и физическим трудом. *Служба* солдата требует несравненно больших физических усилий, чем *работа* фотографа – тот, кто хоть раз отрыл окоп полного профиля, совершил марш-бросок или оборудовал артиллерийскую позицию, согласится с данным тезисом без дискуссий.

А вот на то, что школа, церковь, отделение милиции, солдатская казарма – *mutatis mutandis* – казенные учреждения, стоит обратить внимание. На службу *ходят*, ходят в «присутствие». Далее, у всякого *служащего* есть *начальник*, он встроен в конкретную, осязаемую иерархическую структуру – поскольку слуга (услужающий) всегда определен по отношению к господину. У солдата есть взводный или отделенный, у унтера – ротный, у ротного – батальонный. У старорежимного учителя – директор и попечитель, инспектор и т.д. На службу *назначают*, всякий служащий «состоит в штате» и получает «оклад жалования» от начальства.

Работа же начальства не требует. И присутственного места тоже. Это иногда рутинное, а иногда (как в случае с фотографированием) – довольно хит-

²³⁰ Протокол допроса обвиняемого Агафонова Д.Г. от 16 мая 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 129-134.

²³¹ Из показаний свидетеля Белоноговой М.Н. от 27 июля 1958 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л.194-195

рое делание, связанное с воздействием на некоторый объект подручными инструментами: химическими реактивами – на фотопластинку, лопатой – на грядку, дратвой – на валенок, плугом – на пашню и т.д. Это отношение, связывающее не начальника с подчиненным, а человека с универсумом знакомых вещей. Работу работают – эту конструктивную тавтологию можно обнаружить в следующем высказывании: «...с тех пор я частично сею и занимаюсь с<ельским>/хозяйством и частично *работаю* на разных побочных *хозяйственных работах*». ²³² (Выделено мною. – А. К.)

По-видимому, «работа в сельском хозяйстве», упоминаемая практически в каждой биографии взрослого мужчины, и являлась образом-протагонистом, эйдосом всей и всяческой работы. Примечательно, что о труде крестьян, состоящих в «еретитском», «антихристовом учреждении» – колхозе, никогда и нигде не говорится как о «службе»: «Теперь с голоду заморят, вот колхозники в колхозе работают день и ночь, а есть нечего» ²³³; «Люди работают день и ночь не знают никакого покоя, в колхозах нет им дней отдыха, замучили на работе...» ²³⁴. Труд на земле, будь то труд единоличника или колхозника – это одна и та же работа, это хорошо видно, например, в уже упоминавшемся «видении бригадира»: «...единоличники работают на поле в чистых одеждах, а колхозники работают в кипящей смоле». ²³⁵ Да, в кипящей смоле, но все же работают, «робят», совершают те же самые привычные, с детства затверженные манипуляции, что и единоличники.

Последнюю точку в истолковании разницы между работой и службой ставит эпизод из трудовой биографии одного из наших героев – бродячего проповедника М. Морсковатых, рассказанный им самим. Сменив множество занятий, он дважды оказывался на железной дороге, а после сообщил об этом так:

²³² Протокол допроса обвиняемого Устюгова Н. М. от 11 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 13-14 об.

²³³ Меморандум на Котова И. Н. Мамаеву А. Л. и Мамаеву Ф. Л. ПермГАНИ. Ф. 643 Оп. 2. Д. 29544. Л. 3-4.

²³⁴ Источник «Зеленый» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области Малютину от 06.10.1934 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

²³⁵ Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф.М. от 22 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1.Л. 125-128.

В конце 1919 года меня призвали в Красную Армию, в которой я служил до июня месяца 1921 года. В 1921 году меня из армии демобилизовали, после чего, проработав около 3-х месяцев в с/х <сельском хозяйстве> на родине, я поступил на службу в ж/д <железнодорожный> транспорт, станция Кунгур, откуда через 3 месяца меня уволили по сокращению штата.

В 1931 поступил работать на ж/д <железнодорожный> транспорт, РЗД<разъезд> 56, вначале сторожем, а затем стрелочником, где и работал по март 1932 года, а с марта м-ца по день моего ареста я нигде не работаю и живу без определенных занятий.²³⁶

Мы видим знакомое чередование: в армии – служил, в сельском хозяйстве – работал, на железной дороге – служил. Но второй раз на железной дороге – почему-то работал. Ключ к пониманию разницы дает замечание «меня уволили по сокращению штата». В первый раз М. Морсковатых – на излете военного коммунизма, – устроился «в штат», то есть был *назначен* мелким чиновником в аппарате станционного управления, именно служащим в точном повседневном смысле, и, разумеется, «ходил в контору» получая «оклад жалования». В результате периодически проводившихся административных чисток его «сократили».

Но вот сказать «служит» о стрелочнике положительно невозможно. У него на разъезде есть небольшая, но своя собственная, крытая полусгнившим тесом будка с единственным никогда не мытым оконцем, летом – белесая от солнца, утопающая в зарослях лебеды и чертополоха, в непогоду – черная от сырости. Он сам управляется с большими железными механизмами, подчиняющимися вовсе не начальственным указаниям, а логике самих вещей. Его руки черны от смазки и покрыты мозолями – он зарабатывает на жизнь, а не получает оклад «от начальства». Его нельзя «уволить по сокращению штата» – а кто же стрелки переводить будет?

Завершив истолкование этих двух повседневных ипостасей труда – службы и работы, мы сталкиваемся с непростой задачей: к какому роду практик отнести занятия «членов духовной корпорации»?

²³⁶ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 4 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 82-87.

На первый взгляд все просто – род деятельности священника, дьякона, псаломщика всегда назывался службой. В церкви «служат». Но на самом деле в этом обыденном представлении можно различить два нередко смешиваемых смысла. В первом «поп служит» означает – отправляет общие службы в храме, которые далее, во избежание тавтологий («служит службу»), будут именоваться литургиями. Кроме этого, он еще совершает требы²³⁷:

Хотя я и действительно *служил* попом и ходил по колхозникам, которые звали по ихней просьбе или освежать <гес., по контексту – «освящать»> колодец или кто помрет, к этим ходил, они мне за это давали – кто сколько жертвовал, так я сам не просил, а они сами давали.²³⁸ (Выделено мною. – А. К.)

Служение литургий и совершение треб – это и есть тот феноменально явленный, публичный «труд» духовенства, который придирчиво оценивался и как-то вознаграждался в повседневной жизни. В этом смысле они чем-то напоминают сегодняшних доцентов, чей труд – как всем известно, - «проведение лекций и семинаров» (литургий) и «осуществление консультаций и экзаменов» (треб).

Критерием оценки «качества» литургий являлись красота, благолепие, традиционность, а способом оценки (как и у современных доцентов) – посещаемость. Артистизм служения котировался очень высоко, попадались и настоящие виртуозы. В конце 20-х годов XX века в Чусовском районе блистал иеромонах Нифонт (Агафонов). Его мастерство отмечали даже «нелегалы», проникавшие на церковные службы в Городищенскую церковь якобы только «из общественного интереса». Стоит прислушаться к свидетельству человека, вовсе Нифонту не симпатизировавшего:

Говорит он вообще красиво, хорошо, голос его позволяет, так что он донимает до слез присутствующих молельщиков, благодаря чему считается в их глазах великим, святым человеком, и они ему слепо верят.²³⁹

²³⁷ Трѣбы – священнодействия и молитвословия, совершаемые священником по нужде (церк.-слав. «требованию») отдельных лиц. К ним относятся таинства (крещение, исповедь, причастие на дому, елеосвящение, венчание), церковные обряды (отпевание, погребение, освящение квартиры, дома, колодца, садового участка, машины и пр.) и другие молитвенные чины и последования, имеющие частный характер. Православная энциклопедия «Азбука веры». Режим доступа: <http://azbyka.ru/treby>. Дата обращения 15.08.2016 г.

²³⁸ Протокол допроса обвиняемого Сальникова С. Ф. от 17 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1. Д. 29412. Л. 18.

²³⁹ Протокол допроса Блинова П. И. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 45 – 54.

Голос, действительно, «позволял». Подобно многим профессиональным актерам, Нифонт любил окутывать свою биографию флером таинственности, мистифицируя все, включая место рождения и данное при крещении имя:

Личность он весьма темная, есть слухи, что он в 1900-1917 г. был членом социал-демократической партии меньшевиков, до третьего съезда партии работал вместе с Лениным, после которого ушел при расколе к правым, два раза сидел в царское время в тюрьме. После Октябрьской революции скрывался от красных и приехал в Городище во время белых банд. До февральской революции был в г. Москве, служил артистом в одном из императорских театров. Происхождение его весьма темное: некоторым он говорит, что родиной из г. Петрограда, и настоящее имя его Савелий, а другим говорит Николай.

Об этом он якобы по секрету говорил «своим» людям, имеющим с ним связь в Городище, которые так же по секрету сказали своим друзьям, так теперь об этом знают многие из местных жителей, прихожан Городищенской церкви.²⁴⁰

Доверять здесь ничему нельзя, за исключением сведений о театральном прошлом. В анкете арестованного, когда рисоваться уже не было смысла, Нифонт (Агафонов) честно сообщил о себе, что родом он не из Петрограда, а из Пашийского завода Чусовского района Пермской округа; зовут его не Савелий, и не Николай, а действительно Нифонт Павлович, что его мать Ариадна проживает в Старых Лядах – просфорщица. И продолжил: «С 1910 по 1917 жил в Москве, служил в Московском драматическом театре, певцом»²⁴¹. На допросе он уточнил, что с 1905 по 1908 г. состоял в РСДРП, с 1908 по 1910 служил артистом в Санкт-Петербургском Народном доме, с 1910 г. в Московском драматическом театре.²⁴² О профессии сказано так: «Актер, певец».

На службах, особенно праздничных, у него всегда случались аншлаги. Наблюдательный «нелегал» С. В. Третьяков очень точно передал атмосферу, царившую в храме:

Живут они очень хорошо, хлеба у них вдоволь, т.к. им тащат не только кулачье Чусовского района, но и других, кроме того их церковный доход является по своей величине

²⁴⁰ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 4.

²⁴¹ Анкета арестованного Нифонта (Агафопова). ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 24 – 24 об.

²⁴² См. Протокол допроса обвиняемого Агафопова (Нифонта) от 20 ноября 1929 г. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 67. Не вполне ясно, какой из московских драматических театров он имел в виду.

наверно наилучшим, чем это в других приходах. Весь порядок богослужения у них сохранил свои былые обычаи, так от всего и несет своего рода патриархальностью.

Проповеди Нифонта, которые он произносит очень часто (судя по собравшейся публике) носят чисто контрреволюционный характер и насыщены явным монархизмом. Помню мне, как местному общественному работнику и интересующемуся их жизнью пришлось вместе с др. проникнуть незаметно в великий пост – в апреле месяце с/г<сего года>. на службу Городищенской церкви, и недавно 5 ноября в празднование «Казанской божьей матери», где было народа до 200 человек. «Нифонт» во время службы в полном своем величии, могучим, в то же время душезахватывающим голосом произносил трогательные проповеди, донимающие до слез молящихся.²⁴³

Свидетель Третьяков тонко подметил связь между «патриархальным» блеском служб, актерским даром проповедника и прозаической величиной церковного дохода. Нифонт не только говорил глубоким, грудным баритоном, хорошо поставленным в «императорских театрах». Он говорил «красиво» еще и в том смысле, что это была не обычная, повседневная речь. В лучших традициях церковной гомилетики он говорил «по-книжному». В протоколах допросов сохранилась (как ни странно – правленая) стенограмма его выступления:

Верующие! Трудное время выпало на нашу долю – переживать с вами период гонений, преследования христианства со стороны безбожия. Иисус Христос и его пророки писали, что настанет время, когда вселенная опутается цепями, люди возненавидят друг друга и со скрежетом зубовным, будут ненавидеть отец - сына, брат – брата, тогда придет на землю антихрист, наложит свою печать проклятия на каждого и будет конец света. Это господь посылает за наши прежние грехи. Надо нам быть твердыми, сильными душой и сердцем, больше прилепиться к нашей святой церкви, объединиться дружным кольцом круг наших храмов и не дать их на поругание еретикам. В лице советской власти и коммунистов теперь на землю пришел антихрист или предтечи его, скоро должен быть конец света, мы своим единением можем искупить свою вину и наши тяжелые грехи. Для того чтобы спастись, надо с великим терпением перенести выпавший на нашу долю тяжелый крест, поднять его высоко над своими головами, чтобы ни одна нечисть не могла прилечь к нашим страданиям – нашей вере во Христа. Пусть этот обман, насилие и произвол над нашими христианскими чувствами схоронится в глубине души каждого верующе-

²⁴³ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 13 – 14 об.

го, нам надо не опускаться, не падать духом, быть твердыми, мужественными и тем крепче объединяться круг нашей святой веры и ее проводника – церкви. Мы, староцерковники, крепко убеждены в том, что правда должна восторжествовать – вера во Христа еще теплится в народных массах, рано или поздно они сотрут с себя антихристово клеймо и начнут праведную жизнь своих отцов. Пусть нас ссылают в ссылки, сажают в тюрьмы, заставляют нести непосильный труд, издеваются над нами в деревнях и селах, мы до известного момента перетерпим, а потом скажем свое решительное христианское слово этому безбожию. Мужайтесь, братья! Не будет возможности жить среди еретиков, бросайте свой кров и идите в монашество, забирайтесь в леса, горы, как можно дальше от мирской суеты, и к вам придут все обиженные, угнетенные, страждущие и жаждущие, так сказал Христос.

Я чувствую и верю, что народная злоба клокочет в Вашей груди, разразится в сильный огонь, который воспламенит сердца на всей земле, превратится в ураган, много погибнет в нем чистых, верным своим идеалам душ, но на их трупах мы, как странствующие пловцы моря житейского, достигнем тихой пристани. Темен и тернист наш путь, но наша вера пусть светит ярким маяком, а церковь будет путеводной звездой к нашему светлому будущему, куда все стекутся заблудшие души, где мы начнем снова праведную жизнь наших отцов, (и вернется) (вставлено позднее – А. К.) наше старое время. На пьедестале наших страданий у алтаря любви и веры (мы) (еще одна вставка – А. К.) отдадимся служению Христу.²⁴⁴

Придирчивые критики могли бы сказать, что некоторые образы Нифонта отдают совершеннейшим дурновкусием, наподобие «погибших душ, на трупах которых странствующие пловцы моря житейского достигнут тихой пристани». Но на слушателей это действовало завораживающе – несколько свидетелей, не ведя, разумеется, никаких записей, смогли воспроизвести эту проповедь с незначительными различиями. А один из них, читая протокол, даже сумел «поправить» текст.

«И вернется наше старое время» - как дивно это звучало, как вселяло надежду... Наше время не приходит к концу, оно начнется вновь и будет длиться – в это хотелось верить, и здесь Нифонт, скорее всего, неосознанно попадал в

²⁴⁴ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 13 – 15.

такт живому и интенсивному ощущению «последних времен». Прихожане, слушая его «душезахватывающий» голос, плакали, видя себя мученикам христовыми, переживали катарсис (хотя и слова такого не знали) – и «тащили хлеба».

В благодатные, сытые (и относительно либеральные) годы новой экономической политики, имея малую толику фантазии, можно было *заработать* и поболее:

Раньше они проводили хлебозаготовки и других видов продуктов немного другим способом: ездили в Пермь, брали там какую-либо икону, называли ее святой, и когда она должна прибыть, они шли навстречу и объявляли, что есть новая икона и для нее нужно что-либо пожертвовать и на обратном пути, идя с церковным шествием, набирали все, что только ни попало им под руку, а серебра и меди набирали пудами.²⁴⁵

Или, например, организовать чудо:

Брали икону какую-то Казанскую чудотворную Богоматерь или Николая Чудотворца (который как-то убегал и улетучивался из Лысьвенской церкви к ним в Городищенскую) и с ними с чудотворными шли по деревням и объявляли о их каком-то чуде, но темное крестьянство, идя им навстречу, сыпали им все что только что может: муку, масло, яйца и прочее.²⁴⁶

Свидетель П. С. Латышев, разумеется, по отношению к ситуации чуда располагал себя «снаружи»: для него бегство образа Св. Николая из одной церкви в другую – выдумка церковников для «темного крестьянства». Между тем, в том повседневном мире, куда Латышев, Третьяков и другие «оборотни» приходили чужаками, время чудес еще отнюдь не кончилось:

Скульптуру Св. Николая (*по оп. № 180*), находившуюся в часовне д. Крохово Калининского района Пермского округа, по рассказам жителей этой деревни, не один раз уносили в приходскую церковь в с. Нижние Муллы, но она неизменно оттуда приходила обратно в часовню в деревню. О «Сидящем Спасителе», (*по оп. № 144*), находившемся в часовне Пермского Петропавловского собора, раньше ходили легенды. Говорили, что он по ночам путешествует по городу, посещая бедняков и т.д., а так как в своих путешествиях он изнашивает обувь, то верующим полагалось четыре раза в год приносить Христу новую. И

²⁴⁵ Протокол допроса свидетеля Латышева П. С. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 30 об.

²⁴⁶ Протокол допроса свидетеля Латышева П. С. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 43.

всегда, когда ее приносили, на ногах у сидящего Христа оказывалась старая изношенная обувь».²⁴⁷

Н. Н. Серебрянников, основатель собрания деревянной скульптуры Пермской художественной галереи, путешествовал по Пермскому округу в середине 20-х годов XX века и записал эти истории в своих экспедициях. Но, по видимому, предания о «сбегающих» или «путешествующих» образах бытовали и позднее.

Требы тоже всегда приносили немало, хотя упомянутая ниже в показаниях сумма все-таки является, скорее всего, редкой удачей:

Персонально крестил в моем доме пять детей... За крещение ребенка бродячий поп брал деньги по три рубля за каждого.²⁴⁸

Чаще встречался иной характер вознаграждения. Вот свидетельство очевидца о том же священнике:

А священник крестил и отпевал и совершал другие обряды у разных граждан в Грязновском и Езжинском с<сель>/советах на домах, у кого лично я не знаю звать и фамилию граждан, но знаю, что он эти три дня все время в разных домах крестил ребят и отпевал умерших за хлеб. Кто даст ему ржи 2-3 килограмма или ерушник²⁴⁹ хлеба.²⁵⁰

Заметим, что по этой таксе работал безместный «бродячий» поп В. Г. Тудвасев, у которого не было своего храма, а таинство происходило без особого блеска и пышности, с использованием «подручных средств»:

В доме Быданцева Михаила Михайловича было поставлено ведро с водой, в котором крестил детей поп, все присутствующие за исключением моей дочери Чероновой Анастасии Егоровны, она пионерка, ходили под руководством попа вокруг ведра, стоявшего в середине пола.²⁵¹

Возможно, «штатные» приходские священники брали еще больше. Единственным обязательным условием при осуществлении треб была, как уже гово-

²⁴⁷ Серебрянников Н. Н. Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись/ Н. Н. Серебрянников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Художник и книга, 2008. С. 56.

²⁴⁸ Протокол допроса свидетеля Воробьева В.А. от 7 июля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1 д. 16248. Л. 10.

²⁴⁹ Ерушник/ярушник – каравай хлеба. Чаще так называют каравай продолговатой овальной формы из ячменной или пшеничной муки. См. Бакланова И. И. Сохранение патриархального уклада в образе жизни и языке сельских жителей Пермского края (на материале русских говоров Коми-Пермяцкого округа)/ И. И. Бакланова. – Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 9. Пермь, 2014. С. 131.

²⁵⁰ Протокол допроса обвиняемого Савина С. М. от 11 апреля 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1 д. 16248. Л. 6.

²⁵¹ Показания свидетеля Черонова Е. Н. от 28 июня 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1 д. 16248. Л. 9 об.

рилось ранее, безусловная трезвость священника. В противном случае с ним поступали строго и не взирая на лица:

В сентябре в день именин Кувшинова <гес., правильно «Кукшинов»²⁵²> поп Холмогоров <гес., правильно «Колмогоров»> до того напился у дьякона, что пришел в церковь до бессознания пьяный и полез в алтарь, заявляя, что я буду крестить детей. Я его в алтарь не пустила, т.к. там уже крестил Пастухов Александр, и он сел на тубаретку (так в тексте – А. К.) и грозил Пастухову, я его насильно вывела в дверь и он упал с церковного крыльца и там остался лежать, кто его оттуда увел я не знаю.²⁵³

Раскроем маленький секрет: председатель церковного совета Мария Александровна Лыхина, буквально вышвырнувшая пьяного попа на улицу, была еще и родной сестрой Александра Александровича Пастухова, того самого, который «уже крестил» в алтаре. Так что возможно, здесь не обошлось без конкурентной борьбы.

Все эти действия (литургии, требы) всегда номинировались как «служение». Но при этом в приземленном, прозаическом повседневном смысле они скорее напоминали *работу*.

Прежде всего, служба священника не совершалась «по отношению к начальству» – если не считать таковым Отца Небесного, который, по понятным причинам, в подобном качестве рассматриваться не может. Настоящими потребителями церковного служения в описанных выше формах были реальные люди – обитатели сел, деревень и заводов нынешнего Пермского края. Далее, эта деятельность, как правило, была направлена на какой-то чувственно данный объект – ребенок, покойник, колодец и т.п., и была связана с наблюдаемым оперированием подручными средствами – ведром, кадиллом, святой водой, освященным елеем и т.д. – если оставаться в пределах феноменально явленного и отбросить всякую мистику.

В официальном лексиконе эпохи существовал громоздкий термин, обозначающий занятия духовенства – «удовлетворение религиозных потребностей

²⁵² Допрашивавший М. А. Лыхину помощник областного прокурора Пруссак не был знаком с обвиняемыми, и, по-видимому, не имел на руках материалов следствия. Поэтому фамилии он писал так, как услышал: дьякон М.И. Кукшинов превратился в «Кувшинова», а священник Я. С. Колмогоров – в «Холмогорова».

²⁵³ Протокол допроса обвиняемой Лыхиной М. А. от 26 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 16996. Л. 66 об.

граждан». Термин «религиозные потребности» тогда и позднее не имел четкого теоретического смысла²⁵⁴, но эмпирически он что-то схватывал: культовые практики, являвшиеся частью повседневных рутин, порождали потребность в их воспроизводстве вновь и вновь. Детей крестили всегда, следовательно, нужно крестить детей, колодцы освящали всегда, следовательно, нужно освятить колодец и т.д. Спрос на эти услуги существовал, потребители были готовы их оплачивать – и в этом второе очевидное отличие церковных литургий и треб от «службы». Деятельность по удовлетворению «религиозных потребностей граждан» не предполагала должностного оклада.

Однако следует заметить, что поступить на работу в этот своеобразный сегмент сферы услуг мог далеко не каждый, в связи с чем следует рассмотреть второй аспект практического смысла служения в церкви – на этот раз как функционирование внутри сложной, иерархизированной институции. Зачисление в штат было обязательным, производилось только епископом (он же мог наложить запрет на служение и «вывести за штат») и носило *параноменклатурный* характер. Епископ совмещал два списка (номенклатуры) – перечень вакантных храмов, в которых разрешалось служение («праздных мест»); и перечень лиц, которые, по его мнению, соответствовали каноническим требованиям и могли в этих храмах служить.

Иногда назначение осуществлялось в порядке «самовыдвижения»:

После отбытия срока ссылки я переехал в завод Майкор, откуда подал заявление Пермскому епископу Покровскому Глебу *об определении меня куда-либо на службу* в качестве священника. Примерно недели через две получаю ответ от Пермского епископа о *назначении меня* на должность священника Пешнигортской церкви, и таким образом я из завода Майкор выехал в Коми-Пермяцкий округ в село Пешнигорт, где и находился по настоящее время.²⁵⁵ (Выделено мною. – А. К.)

²⁵⁴ Атеистический словарь 1986 г. определяет его так: «Потребности религиозные – потребности в иллюзорном восполнении практического бессилия людей. П.р. необходимо рождаются у масс в докоммунистических общественных формациях, в которых над людьми господствуют стихийные природные и социальные силы. < > Формирование П.р. происходит на основе и в процессе участия индивида в религиозных культовых действиях. Многократное повторение культовых действий вырабатывает у верующего потребность в них. < > Атеистический словарь/ Москва: Политиздат. Под общ. ред. М. П. Новикова. 1986.

²⁵⁵ Протокол допроса обвиняемого Шелепина Н. Д. от 17 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 122.

Чаще подобные вопросы решались через благочинного:

Третий раз был у епископа Савельева 25 февраля 1936 года за назначением, где епископ дал мне указ на право служения попом Асовской церкви Березовского района.²⁵⁶

Хорошими местами служения дорожили, их униженно выпрашивали «у начальства» – в первую очередь своего непосредственного:

...я решился обратиться к Вашему Преосвященству с просьбой, не найдете ли возможным меня переместить в пределы Свердловской Епархии. Предварительно уведомите меня о имеющихся праздных местах и дайте мне командировку, а потом, условясь с церковным Советом, я буду просить Вашего указа на перемещение.²⁵⁷

Но если свой епископ не спешил перевести священника на более доходное место, можно было попытаться проникнуть «не в свою епархию» в буквальном смысле этого слова, т.е. попасть в чужую номенклатуру:

...я решил обратиться к своему Архипастырю Петру – Епископу Свердловскому, просил перевести меня на лучшее место, но все лучшие места заняты и, наконец, я решился обратиться к Вам, Ваше Преосвященство и почтительнейше прошу: соблаговолите принять меня в Вашу Епархию и определите на священническую вакансию если не городской, то хотя к сельской церкви.²⁵⁸

Город, как место служения, явно предпочтительней села. Но и село селу рознь – можно попасть в маленький и бедный приход:

При закрытии церкви в селе Уинское в 1935 году, где Некрасов был благочинным, и при переводе его в Каменку на маленький приход он выражал свое недовольство по этому поводу, говоря, что вот попал в какую трущобу.²⁵⁹

Попытаемся истолковать смысл подобных практик. Прежде всего, при назначении священника на службу епископ не распоряжался никакими материальными объектами и ценностями. Храмы и молитвенные дома принадлежали не ему. Замещение «праздного места» не сопровождалось назначением должностного оклада, а лишь давало *право* кормиться за счет прихожан. Предпола-

²⁵⁶ Показания обвиняемого Долганова Т. Ф. от 26 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 2. Л. 5-6.

²⁵⁷ Письмо протоиерея Бояршинова Ф. Г. епископу Свердловскому Петру от 10.07.1936 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 168 – 168 об.

²⁵⁸ Письмо протоиерея Бояршинова Ф. Г. к Серафиму епископу Томскому, ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 177-178 об.

²⁵⁹ Протокол допроса обвиняемого Бояршинова Ф. Г. от 9 октября 1937 г. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 205 об.

гавшее, кстати, *обязанность* кормить иерарха, произведшего назначение. Вот короткая, но выразительная записка епископа Петра (Савельева) священнику В. В. Мичкову:

Христос Воскресе! Посылаю вам награждение скуфьей²⁶⁰
Во 1-х на светлой седмице жду от вас по почте за второе полугодие:
от церкви – 60
от причта – 20
итого – 80
Во 2-х как просохнет – прошу возвратить мне негативы.
Е. П.²⁶¹

Обратим внимание на то, что глава епархии, помимо напоминания об очередном взносе за полугодие (сумма которого точно указана – 80 руб.), настаивает на возвращении ему негативов – В. В. Мичков был не только священником, но и практикующим фотографом. Требование это едва ли можно считать случайной прихотью: по-видимому, епископ предъявлял в данном случае некое *исключительное право* на собственный образ.

Понятие исключительного права вновь адресует нас к атрибутам традиционного общества, а именно к иммунитету, но не в медицинском, а в феодальном смысле. Обладая иммунитетом в пределах своей епархии, епископ имел монопольное право «ставить» священников на приходы. Те же, в свою очередь, вынужденно оказывались в положении *откупщиков*. Выплачивая регулярные взносы «на содержание иерархии», они тем самым практическим образом выкупали право оказывать услуги по удовлетворению «религиозных потребностей граждан», а часть оплаты за них класть себе в карман. Иногда жадничали, впрочем, но скорее от бедности:

Кроме того, мне, как члену церковного совета известно, что поп Грамолин обирал верующих, брал с верующих за оправление службы (крещение, отпеть умершего) большие деньги, ложил (так в тексте – А. К.) их себе в карман, а в пользу церкви ничего не давал.²⁶²

²⁶⁰ Скуфья – принадлежность повседневного внебогослужебного облачения духовенства и монашества – головной убор в виде небольшой пирамидальной шапочки черного или фиолетового цвета. Скуфьи архиереев имеют крест. Священникам из белого духовенства фиолетовая скуфья дается в качестве награждения. Скуфьи схимников обычно имеют вышивки (кресты, распятия, лобное место, серафимы, молитвословия). Православная энциклопедия «Азбука веры». Режим доступа: <http://azbyka.ru/skufiya>. Дата обращения 16.08.2016 г.

²⁶¹ Записка от епископа Петра (Савельева) священнику Мичкову В. В. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 11.

²⁶² Протокол допроса свидетеля Исакова С. В., не датирован. ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 34 об.

Никакого оммажа не требовалось, никакого фьефа приходской священник не получал, и никакой службы епископу не служил – он приобретал за деньги право «работать». Реальное содержание повседневных трудовых практик в низшем эшелоне «духовной корпорации» лучше всего передает оксюморон «они служили в церкви, но не служили в церкви».

Существуют даже свидетельства того, что парадоксальность описанной выше ситуации каким-то образом воспринималась современниками. Речь идет о доморощенном замысле глобальной реформы церковной жизни, составленном бойцом 9 отдельного строительного батальона РККА, трудившегося в г. Перми на возведении завода № 19, Н. С. Лебедевым. Сын священника, в прошлом – лишенец и трудополченец Николай Лебедев был не понаслышке знаком с жизнью деревенских батюшек. Где-то около 1936 г., уже на военной службе, буквально в казарме в его голове родился проект «Общества трудового духовенства». Название трудно признать удачным, поскольку Лебедев хотел решительно покончить с двусмысленностью положения священников, окончательно превратив их повседневные практики *именно в настоящую службу*, с жалованием. Они «...должны были бы получать деньги от доходов церкви не таким образом, как это делается сейчас, а по плану, т.е. чтоб каждый служитель культа мог получать деньги в виде зарплаты».²⁶³

До поры эта «служборабота» или «работослужба» провинциального духовенства позволяла если не благоденствовать, то, по крайней мере – не бедствовать: «Живут они очень хорошо, хлеба у них вдоволь»²⁶⁴. Эта реплика в концентрированном виде представляет и повседневное понимание смысла любой *работы*, и формулирует вполне определенный, вполне аскетический *идеал благосостояния*, бытовавший в среде «бывших людей» – «быть с хлебом».

Ситуация резко изменилась в начале 30-х годов – в стране началась кампания по сплошной коллективизации сельского хозяйства. Кампания сопровождалась закрытием церквей, но дело было не только в этом. В массовом по-

²⁶³ Протокол допроса обвиняемого Лебедева Н. С. от 11 мая 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12396. Т. 2. Л. 199.

²⁶⁴ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 13 – 14 об.

рядке исчезали потребители услуг по «удовлетворению религиозных потребностей». «Работа» переставала кормить, а практику «откупных платежей» главам епархий никто отменять не собирался. Протоиерей Ф. Г. Бояршинов описал складывающееся положение так:

Теперь у нас образовалась эмиграция. Лучшие мои прихожане были раскулачены и повиселены, а остальные теперь разъезжаются кто в Сибирь, кто на Кубань, кто в Малороссию, кто куда может. Оставляют свои жилища и таким образом мой приход до того уменьшился, что мне не кем и не чем стало содержаться, ни хлеба, ни денег, правительственной помощи тоже нет.²⁶⁵

Случалось, раскулачивали и самих «церковников». В деле М. И. Котова осталась выписка из протокола Особой комиссии по выселению кулачества, благодаря которой можно представить уровень его доходов в 1932 г.: «... Служил псаломщиком, в данное время служит дьяконом в с. Ананьино Чрнушинского р-на доход 1500 в год».²⁶⁶ В месяц, следовательно, дьякон «выслуживал» в среднем 125 рублей. К сведениям подобного рода следует относиться с изрядной долей сомнения – Особая комиссия, принимая решение о выселении кулака, должна была показать, что доходы выселяемого соответствуют этой номинации. Скорее всего, цифра завышена, но вот на сколько? Можно было бы попытаться сопоставить ее с оплатой труда колхозника в том же 1932 г., но она, помимо денежной, включала и натуральную составляющую: «Трудодни оплачивались как в натуральном виде, так и в денежной форме. В 1932 г. рядовой колхозник получал за один трудодень 2,3 кг зерна, в 1937 г. – 4 кг; в 1932 г. за год колхозник в среднем получал 108 руб., в 1937 г. – 376 руб. (трудодень оплачивался от 50 коп. до 1 руб.)».²⁶⁷

А вот сведения современника – Л. Д. Троцкого:

«Средняя» годовая заработная плата, если объединять директора треста и подметальщицу, составляла в 1935 году 2300 рублей, а в 1936 году должна составить 2500 руб-

²⁶⁵ Письмо Ф. Г. Бояршинова к Серафиму епископу Томскому, ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 177-178 об.

²⁶⁶ Выписка из протокола заседания Бардымской Районной Особой Комиссии по выселению кулаков. 28 апреля 1932 года. Председательствует: Юлдашев. При секретаре: Мухитдинове.

²⁶⁷ Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 29-30-е годы XX века/ С. А. Головин. - Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, № 66. 2008. С. 182.

лей. ... Но главное, 2500 рублей в год, то есть 208 рублей в месяц, представляют, как сказано, среднюю плату, т.е. арифметическую фикцию, которая призвана маскировать реальность - жестокое неравенство в оплате труда. <...> Действительно: в течение нескольких месяцев успел выдвинуться целый слой рабочих, которых называют "тысячниками", так как их заработок превышает тысячу рублей в месяц; есть такие, которые зарабатывают даже свыше 2000 рублей, тогда как рабочие низших категорий получают нередко в месяц менее 100 рублей.²⁶⁸

Если верить данным Льва Давидовича, труд дьякона М. И. Котова оплачивался примерно так же, как работа «подметальщицы». Но следует учесть два обстоятельства: во-первых, возможный рост доходов с 1932 по 1935 год, и, во-вторых, то, что Троцкий редко утруждал себя ссылками на источники информации, а интересующие нас сведения сообщал уже из эмиграции.

Повседневные трудовые практики приобретали все более абсурдный характер. Теперь уже не крестьянин содержал попа, а поп подкармливал уцелевших крестьян-единоличников. Вот что рассказал на допросе Ф. М. Швецов:

В 1936 году я был единоличником, в колхоз я вступил два месяца тому назад. Но будучи единоличником и я как единоличник не имел совершенно хлеба, жил плохо имел продовольственные затруднения. Мичков это знал и в 1936 г. неоднократно приглашал меня к себе на квартиру под предлогом, что «даст хлеба». Я приходил, и он действительно мне хлеба давал, давал собранные им куски от верующих. Но одновременно с этим использовал мои религиозные чувства, в момент, когда я приходил к Мичкову за хлебом, он читал мне и давал читать контрреволюционные книги. Были случаи, что он читал, а я слушал. Какие книги и о чем читал, я сейчас не помню.²⁶⁹

Почему свидетель ничего не помнил, догадаться нетрудно. К священнику Федор Швецов приходил, скорее всего, по вечерам – после трудового дня, уработавшийся и голодный. «На квартире» попа горела керосиновая лампа, на столе стояла укрытая холщовым полотенцем миска с *кусками*. Их обычно подавали нищим, но по нынешним временам – несли в виде пожертвований в церковь. Чем уж богаты... По приглашению Мичкова Швецов садился к столу, они вместе молились и крестьянин начинал есть – не спеша, обстоятельно, как полага-

²⁶⁸ Троцкий Л. Преданная революция/ Л. Троцкий – Москва: НИИ культуры, 1991. С.105, 106.

²⁶⁹ Протокол допроса свидетеля Ф. М. Швецова ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 97 об.

лось – будто бы вообще нехотя. Согреваясь и соловая от наступающей сытости, Федор постепенно погружался в дремоту, а сидящий рядом поп все бубнил что-то «из божественных книг», и слова на малопонятном церковно-славянском языке сливались в ровный гул и едва долетали сквозь сон... Конечно, он не запомнил ничего. А через год Ф. М. Швецов сделал свой выбор – вступил в колхоз.

В аналогичной ситуации – «Что делать дальше?» – рано или поздно оказывался каждый из церковных людей, и тоже делал выбор, зависевший от множества обстоятельств: возраста, жизненного опыта, имеющихся навыков, ментальных стереотипов, удачи, наконец. Но шансы на удачу были ничтожно малы.

Можно было вовсе бросить церковное служение, и примеров тому достаточно:

Лет 5 тому назад ее <Евдокию> с разрешения епископа Хрисанфа постриг тайно б<ывший>/иеромонах монастыря Анфим (отчества и фамилию не знаю), года три-четыре тому назад служил на приходе в с. Анненском Кунгурского р., а затем бросивший службу служ<ителя>. культа и сейчас где-то работает на пароходах.²⁷⁰

Вопрос: Знаете ли Вы Шипунова Константина?

Ответ: Да, знаю. Это б<ывший>/дьякон Усановской церкви, затем где-то служил священником. В настоящее время живет на разъезде Палкино около Свердловска, занимается кустарным изготовлением мочальных щеток. Я с Шипуновым познакомился в 1934 г., он приезжал в с. Усановку скупая мочало и мочальные щетки, которые увозил куда-то и тоже продавал.²⁷¹

Вопрос: Кто в (неразборчиво) церкви руководит церковным хором?

Ответ: Зыков Федор, б<ывший>/священник, в настоящее время занимается охотой.²⁷²

После Калашникова в с. Ананьино в церкви стал служить Заборских Вениамин, отчества не помню, молодой священник. Он прослужил в церкви недолго, а потом отрекся

²⁷⁰ Дополнительные показания обвиняемого Белоусова Н. В. от 25 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 24-28.

²⁷¹ Дополнительные показания обвиняемого В. В. Мичкова от 16.08.37 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 68.

²⁷² Дополнительные показания обвиняемого В. В. Мичкова от 16.08.37 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 69 об.

от бога, стал его всячески ругать, ушел в Чернушку и поступил на работу. После этого церковь в с. Ананьино закрыли.²⁷³

И после снова стал служить попом в Сапово, но ему оттуда предложили НКВД выехать, и он выехал. В настоящее время живет около города Челябинска, имеет землянку, которую выкопал сам и в ней живет. Имеет паспорт и прописан в адресном столе города. Работает на библиотеку – переплетает книги. А сейчас сенокосит.²⁷⁴

Белозеров Григорий Ильич является бывшим иеромонахом Соликамского монастыря и попом Успенской церкви в дер. Заборья Березовского района. Сан попа Белозеров снял с 1923-24 гг. Но после этого сразу же пошел служить псаломщиком в дер. Сосновка Березовского района. Белозеров живет в дер. Коновалята, Кленовского с<сель>/совета Усть-Березовского района. Занимается плетением корзин. Имеет фотоаппарат и занимается фотографированием. Фотографированием Белозеров занимается с 1925 года. С 1927 по 1930 г. Белозеров жил в селе Асово Березовского района, где исключительно занимался фотографированием. С 1930 по 1932 год примерно, жил в Коновалятах Березовского района, тоже занимался фотографированием и плел корзины. С 1932 по 1936 год жил в гор. Вятка, куда уезжал учиться плести корзины. В 1936 г. Белозеров по возвращении из Вятки жил в с. Усановка у Марии Максимовны – фамилию последней не знаю. В Усановке Белозеров когда жил, то занимался корзиноплетением, подшивал валенки, в течении шести месяцев выполнял нелегально должность псаломщика и служил совместно со мной в церкви.²⁷⁵

В этих свидетельствах вырисовываются два направления исхода из круга церковных людей, которые очень условно можно обозначить как перспективное и ретроградное.

Первое устремлено к практикам эпохи модерна – устроиться, как тогда говорили, «на строительство» или «работать в Чернушку», «на пароходы», на железнодорожный транспорт, «заниматься фотографированием». Подобные практики в стране, переживающей третий цикл индустриализации, казалось бы, давали хороший жизненный шанс. Если бы не одно «но»: во-первых, для этого

²⁷³ Из показаний свидетеля Белоноговой М. Н. от 27 июля 1958 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л.194-195.

²⁷⁴ Протокол допроса Новоселовой П. В. от 4 сентября 1937. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 110.

²⁷⁵ Протокол допроса обвиняемого В. Мичкова от 28.08.1937. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 72-72 об.

был необходим паспорт, а он был не у всех. Во-вторых, в каждой конторе любого пароходства, в каждом заводууправлении, на шахте и т.д. с 1934 г. обязательно был «Отдел найма и увольнений» (ОНУ), являвшийся филиалом местного отдела НКВД. Заполняя анкету при найме на работу, приходилось указывать социальное происхождение и род занятий – до 1917 года и после. Назвавшись «бывшим служителем культа», монахом, дьяконом и т.п., человек становился первоочередным кандидатом на увольнение. Можно было, конечно, сказать неправду, но это означало рисковать вдвойне – в случае разоблачения простым увольнением уже не отделаешься. Тех, кто пытался вводить в заблуждение карательные органы, с высокой долей вероятности ждал арест. В конечном счете, он, правда ждал их всех – не следует забывать о том, что *абсолютное большинство наших информантов* оставило свои свидетельства в качестве обвиняемых.

Ретроградный исход означал либо возврат к дремучей архаике («занимается охотой»), либо актуализацию навыков надомных крестьянских промыслов. Выше уже были названы: ремесло переплетчика, изготовление мочальных щеток, «корзиноплетение», подшивка валенок, сенокос. Перечень можно продолжить:

...Мичкова Екатерина может писать иконы и в настоящее время занимается на посуде, чайных стаканах и бутылках пишут цветы обе с монашкой Акулиной.²⁷⁶

После этого я приехал на родину – родителей живых уже не было – я построил себе небольшую избенку и стал в ней жить. Источником моего существования было стекольное и печное ремесло.²⁷⁷

3/XII – 30 г. Киселев Потап Осиевич в настоящее время работает рамы для Шагиртской школы, 22/II с.г. ездил на родину в д. Трун Чернушинского района, для поминовения своей сестры, из дома выходил редко, ушел в себя.²⁷⁸

Они, кажется, умели все – построить избу, сделать рамы для окон, застеклить их, сложить печь. Сохранилась история постройки пещерной церкви в 40 км от деревни Колпашниковой по осинскому тракту:

²⁷⁶ Источник «Зеленый» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Малютину от 09.12.1934 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

²⁷⁷ Протокол допроса Петрова Ф. М. от 13 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 117-118.

²⁷⁸ Меморандум на Киселева П. О. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Спецконверт

Придя на место в середине крутой горы, почти обрыва, обросшего лесом, у него находится эта пещера, пещера не очень большая, сажень она будет в ширину, сажени полторы длины и в рост человек высоты.

В ней была сложена из камня печка, имелся топор, пила, стружек и несколько священных книг. Пещера эта нам стала мала, и мы принялись ее расширять, т.е. рядом с ней стали рыть вторую. Проработав тут около месяца, жене моей не понравилось эта жизнь, и мы с ней решили отсюда уйти, в конце февраля месяца. Эту пещеру оставили, не закончив работы по оборудованию второй пещеры.²⁷⁹

За месяц, имея топор, пилу, «стружек» (рубанок) и «несколько священных книг», священник Иван Иванович Осетров, семидесяти одного года отроду, вместе со странником Герасимом сумели выкопать в промерзшем грунте новую пещеру и установить в ней деревянный сруб. Но об этом мы узнаем от другого человека, монаха-скитника Иосафата (Белоусова):

Придя туда, я увидел одну келью готовую, в земле деревянный сруб, и вторую келью недостроенную: сруб тоже был поставлен, но не покрыт. Я с помощью Евдокии закончил его, и в этой келье поселилась Евдокия, а в другой я. Но так как она большинство времени находилась в странствовании по деревням за продуктами, то я одну келью приспособил под жилье, а другую под церковь, устроив иконостас, аналой с лампадой, крестом, Евангелием и пр. церк. принадлежностями, и тут же нары для спанья и русскую печь.²⁸⁰

К этому моменту Иосафату исполнилось полных 62 года, Евдокии – примерно столько же: ее возраст он определял «на глазок». Остается только восхищаться их ремесленной умелостью и потрясающей витальностью. Даже просто выжить вдвоем или втроем вдали от людей в лесу, да еще и уральской зимой, едва ли сумел бы любой из наших современников. Все это, несомненно, указывает на вполне определенные условия первичной социализации – представители этой генерации церковных людей были крестьянскими детьми, а не выходцами из «духовного сословия», как это было еще в середине XIX века. Они сформировались в пределах деревенской повседневной жизни, и никогда не утрачивали с ней связь. Им было легко «повернуть вспять».

²⁷⁹ Показания обвиняемого Осетрова И. И. от 10 июня 1934 года. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 173-175.

²⁸⁰ Дополнительные показания обвиняемого Белоусова Н. В. от 25 июня 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 24-28.

Можно было не порывать с церковным служением, но искать какой-то дополнительный источник доходов. Правда, тогда трудно определить, какая именно работа является основной, а какая - приработком. Вот что вспоминал о своем односельчанине, «бродячем попе» В. Г. Тудвасеве, А. А. Сюткин тридцать лет спустя:

Как священник, Тудвасев совершал разные религиозные обряды – крещения детей в домах родителей, т.к. церкви у нас в деревне не было. Кроме того, Тудвасев занимался сапожным делом – шил обувь по просьбе местных жителей, а также изготовлял трубы для населения из материала заказчика. Материально был обеспечен сравнительно плохо. Мы, колхозники, жили лучше его. Своего дома он не имел, а жил на квартире у одного тоже бедного старичка Овчинникова Ивана Ионовича (умер лет 25 тому назад). Иногда Тудвасев вместе с женой помогал колхозу в уборке урожая. Одним словом, без дела он не сидел.²⁸¹

Судя по всему, в Коми-Пермяцком округе царила совершеннейшая бедность, и доходы, приносимые прихожанами, не позволяли сводить концы с концами. Служивший неподалеку от Тудвасева священник П. А. Нечаев (в деревне которого *была церковь*), тоже постоянно подрабатывал:

Мой муж помимо службы в церкви, часто работал на дорожном строительстве. Вместе с ним работала и я. Кроме того, мне много приходилось работать в колхозе и на лесозаготовках.²⁸²

Перед нами даже уже не ремесло, а тяжелый, неквалифицированный физический труд – помощь колхозникам в страду, дорожные работы, лесоповал. О том, что это своеобразное «дно» среди всех возможных видов трудоустройства, свидетельствует тот факт, что на подобных работах обычно использовали спецпоселенцев – ссыльных. Это каторга, и ни как иначе, но они соглашались и на каторгу. А фраза «Мы, колхозники, жили лучше его» всякому, кто хотя бы отдаленно представляет жизнь колхозника в 30-е годы XX века, скажет все.

На фоне традиционных ремесел фотографирование, которому в XX веке суждено стать повальным, доступным каждому увлечением, в 30-х годах еще

²⁸¹ Протокол допроса свидетеля Сюткина А. А. от 14 января 1966 г. ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 251 об.

²⁸² Протокол допроса свидетеля Нечаевой Л. В. от 20 января 1966 г. ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 256 об.

продолжало оставаться уделом преимущественно профессионалов и довольно прибыльным занятием. Вот что сообщал с нескрываемой завистью осведомитель «Зеленый» о священнике В. В. Мичкове:

У самого Мичкова связь через фотографию со всем духовенством, окружающим его. Я спрашивал у Мичкова о доходах, он сказал – неважный доход, плохо люди здесь сознают, а между тем у Мичкова бывают частые обеды, а из этого видно, что есть другой побочный заработок.²⁸³

Возможно, стоит уточнить, что агентурный источник имел в виду не просто тот факт, что в доме попа часто ели в обед, обедали. Нет, говоря «бывают частые обеды» он сообщал о том, что у В. В. Мичкова регулярно принимали гостей, угощали. По тем временам это – признак несомненного достатка и благосостояния. Что касается «побочного заработка», то осведомитель был абсолютно прав. Об этом свидетельствует протокол обыска (и повторного обыска):

Обнаружено: разной церковной и а/с <антисоветской> литературы 67 шт., крестов оловянных и медных 421 шт., фотографических карточек 135 шт., альбомов с фотографиями 1. Негативов 33 шт., фотоаппаратов: 6х9 один исправный «Турист», камера фотоаппарата без объектива – дорожная 18х24 одна сломанная с 3-мя кассетами, фотобумага 13 пакетов по 10 листов в пакете 9х12 и 2 пакета 13х18. Всего 15 пакетов 150 листов. Фотопластинок 12х16,5 = 24 шт. и 6х9 = 24 шт.» Помимо этого, изъяты фотореактивы.²⁸⁴

- 1) разной контрреволюционной литературы 112 экземпляров;
- 2) негативов фотографических 37 штук;
- 3) фотокарточек под стеклом 27 штук;
- 4) походная темная фотографическая лаборатория 1 шт.²⁸⁵

Заниматься фотографией в провинциальной глуши было делом нелегким. Простого наличия фотоаппарата, уже считавшегося предметом роскоши, было недостаточно. Нужны были еще реактивы, бумага, фотопластинки («кассеты») и т.д. Сам В. В. Мичков на допросе объяснял:

Вопрос: Знаете ли Вы Швецова Дмитрия Тимофеевича?

²⁸³ Источник «Зеленый» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Малютину от 09.12.1934 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

²⁸⁴ Протокол обыска у Мичкова В. В. от 6 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 2.

²⁸⁵ Протокол повторного обыска у Мичкова В. В. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 5.

Ответ: Да, знаю. Это сын Швецова Тимофея Матвеевича. Последний пишет вывески, пытался заниматься фотографией, но за отсутствием материалов забросил. Я с Дмитрием знаком через отца Тимофея. Давал советы по фотографии и продал ему фотоаппарат. Отдал без определенной цены и отдал так: заплатит – ладно, не заплатит – так же.²⁸⁶ (Выделено мною. – А.К.)

Тем не менее, при обысках у священников (в том числе и бывших) фотоаппараты – а иногда и не один, – время от времени встречаются:

При обыске обнаружено:

Перепись с контрреволюционной книги «Протоколы сионских мудрецов» 2 тома.

Перепись с контрреволюционной книги «Шествие разрушителя» один том.

Шесть переписей с других контрреволюционных книг.

Контрреволюционная церковная книга под названием «Начало и конец века».

Личные документы на 7 листах.

Контрреволюционная книга «Апокалипсис».

Фотоаппарат «Фотокор» размером 9х12.²⁸⁷

При обыске обнаружено: Церковные книги, фотокарточки, церковные дела и переписка. Личная переписка. 2 фотоаппарата.²⁸⁸

Фотография была не просто престижным занятием, сулящим при известном навыке и сноровке неплохой «побочный заработок». В самом процессе съемки, проявления и печати было что-то завораживающее, сродственное духовному служению. В биографии епископа Варнавы (Беляева), чей стаж фотографа-любителя насчитывал более полувека, П. Г. Проценко приводит аутентичное свидетельство на этот счет:

Странное занятие для лица, облаченного в монашескую рясу. В кругу знакомого духовенства по этому поводу насмешничали. Сосед по келье, сам уже преподававший в академии, иеромонах (и будущий архиепископ) Варфоломей (Ремов), смеялся над товарищем: «Иже во святых отец наш Варнаво, светописец». «Это ядовито, остроумно и точно, - заметил как-то, вспомнив данный случай в своих записках наш необычный фотограф, -

²⁸⁶ Дополнительные показания обвиняемого Мичкова В. В. от 16 августа 1937 года. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 69.

²⁸⁷ Протокол обыска в квартире Белозерова Г. И. от 15 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 1. Л. 85.

²⁸⁸ Протокол обыска в квартире Зернина И. П. от 30 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16925. Т. 1. Л. 87.

ибо фотография в переводе с греческого на русский и значит буквально «свето-пись». Сам же он считал, что «фотография благословлена Самим Богом, так как на Туринской плащанице мы имеем не условный портрет Христа, а фотографический».²⁸⁹

В стремительно нищающей колхозной деревне фотография позволяла – до поры, – поесть досыта и даже угостить обедом друзей и знакомых. Остальные промыслы позволяли лишь кое-как сводить концы с концами.

Оценить в целом уровень жизни «церковных людей» очень непросто, скорее всего, он варьировался в весьма широком диапазоне. Составленные в момент ареста (всегда сопровождавшегося обыском) неперенные описи «лично принадлежащего имущества» заполнялись произвольным образом, и поэтому чаще всего оказываются несравнимыми.

Почему-то при их чтении живо представляется оперуполномоченный НКВД в компании парочки понятых, расположившихся за столом «на квартире» арестованного. Плохо очиненным простым карандашом (не тащить же с собой перо и чернильницу), иногда – химическим, он выводит каракули на казенном бланке, изредка бросая взгляд в пространство беззащитно распахнутой перед ним чужой приватности. Вокруг – хаос, который бывает только во время обыска, ремонта или после квартирной кражи со взломом. Все перевернуто вверх дном, все предметы лишены привычных и осмысленных мест. В сторонке – женщина, пытающаяся как-то унять плачущих детей. Ей и будет вручена копия описи имущества, которую она – по неизбывной крестьянской привычке хранить любую «бумагу», – сбережет до 1957 года, до *реабилитации*. А пока женщина пребывает в состоянии шока, и в оцепенении боится к чему-либо прикоснуться. Она начнет прибираться в доме только после того, как непрошенные гости уйдут, уводя с собой близкого человека. Тем временем взгляд оперативника скользит – вправо, влево, вверх, вниз. Трудно отделаться от впечатления, что в список попадали именно те вещи, на которые в какой-то момент случайно упал этот блуждающий взгляд сотрудника карательных органов.

²⁸⁹ Проценко П. Г. В Небесный Иерусалим: История одного побега. (Биография епископа Варнанвы/Беляева)/П. Г. Проценко. – Нижний Новгород: Издательство «Христианская библиотека», 2010. С. 110.

Вот что оказалось, например, во вполне типичном списке вещей, принадлежавших благочинному С. А. Некрасову:

	Количество	Цена	Примечание
Самовар	1	40 р.	
Подрясник	1	30 р.	
Пальто стежонное	1	30 р.	
Плащ брезентов.	1	40 р.	
Валенки подшитые	1	50 р.	
Брюки суконные	1	10 р.	Ношенные
Часы стенные	1	10 р.	Старые
Подушка	1	5 р.	
Итого		215 р. 00 коп. ²⁹⁰	

Список выглядит абсурдно и вызывает массу вопросов, например: почему подушка есть, а одеяло отсутствует? Почему нет нательного белья? Он его не носил? Почему из домашней утвари в описи оказались только самовар и часы? Предположим, что зимой он ходил в «валенках подшитых», а что он носил летом? Если расположить рядом опись имущества священника Ф. Г. Бояршинова, картина будет выглядеть еще более странно:

Наименование предметов	Количество	Цена	Примечание
Дом пятистенный	1	300 р.	
Конюшня	1	30 р.	
Крыша	1	20 р.	
Баня	1	10 р.	
Корова	1	700 р.	
Итого		1060 р. ²⁹¹	

На первый взгляд, Ф. Г. Бояршинов примерно в пять раз богаче С. А. Некрасова. Но возникает ряд вопросов: а был ли у него самовар? Стеганое пальто? Подшитые валенки? Подушка (вот у Некрасова была)? Почему крыша считается отдельно, а дом – отдельно? А у С. А. Некрасова был дом? Конюшня? Баня? В описи имущества П. А. Шляпникова, например, первым пунктом

²⁹⁰ Опись имущества, принадлежавшего Некрасову С. А. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. л. 135.

²⁹¹ Опись имущества, принадлежавшего Бояршинову Ф. Г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 160.

значится «коза Манька», а последним – 10 пудов²⁹² картошки.²⁹³ А у Некрасова и Бояршинова была картошка? Неужели не было? А коза была? Иногда в списке вещей появляются «сарай-угол» с пометкой «два звена» (что это?), «ворота тесовые», «шушун» (почему-то в описи имущества мужчины – И. П. Бердникова).

Общее впечатление, которое оставляет чтение этих описей, можно сформулировать так – жили очень просто. Скромный личный гардероб, в котором все вещи основательно ношены. Необходимые предметы обихода – самовар, настенные часы. Усадьба с надворными постройками. Коза или корова – в лучшем случае. Небольшой запас продуктов – сахар, мука, картофель.

Но если трудно сравнивать «пальто стежонное» с «пальто шубным», кепку с валенками, то рубль одного человека всегда равен рублю другого, и о повседневной практике обращения с деньгами можно отыскать некоторые сведения. Дело в том, что все изымаемые документы, денежные суммы, сберегательные книжки, облигации подлежали обязательной и первоочередной фиксации в специальном протоколе, и тут никакого произвола быть не могло.

Первое и совершенно очевидное наблюдение: в среде «церковных людей» деньги были не у всех. Пожалуй, правильнее было бы сказать – не везде. Разумеется, обитателей церковной паперти, живущих подаянием, можно исключить сразу. Но факты изъятия значительных сумм (исчисляемых трехзначными цифрами) у духовенства удалось обнаружить только в пяти районах: Березовском, Кишертском, Ординском, Уинском, Чернушинском. Арестованные в разное время, проходившие по разным делам, проживавшие в разных деревнях состоятельные батюшки служили в регионе, компактно расположенном непрерывной полосой на крайнем юго-востоке Пермского края:

Паспорт ДДД № 078908 – годичный. Один негатив фотокарточки и 2 фотокарточки. *Залоговая квитанция № 2738 на облигации в сумме 400 р., облигаций на сумму 600 рублей*, в том числе внутренний 1932 года – 100 руб. – 1935 года – 100 руб. и второй пятилетки – 400 руб. *Сберегательная книжка № 3223 на сумму 121 руб. 27 коп.*

²⁹² 10 пудов картошки – это около 160 кг. Средняя емкость мешка картошки – от 32 до 34 кг. У Шляпникова обнаружено 5 мешков картошки.

²⁹³ См. опись имущества, принадлежащего Шляпникову П. А. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 251.

Свидетельство о рождении № 397101, разной переписки на 207 п/л и к-р литературы 60 экземпляров²⁹⁴. (Выделено мною. – А. К.)

...Обнаруженным оказалось: 1) Паспорт на Некрасова Сем. Аполл. серия ДО № 07889, 2) К-р литературы 15 шт. 3) Разная переписка на 5 лист. 4) Дело разной переписки благочинного 1 шт. на 45 лист. 5) Альбом с фотокарточками 88 шт. 6) *Облигаций гос. займа на сумму 315 руб.*²⁹⁵ (Выделено мною. – А. К.)

При обыске было обнаружено: 45 религиозных книжек, Конституция т. Сталина (так в тексте – А.К.), переписка на 51 листах, *облигация выпуска четвертого года второй пятилетки в сумме 100 руб.* Серия № 02852, обл. № 01.²⁹⁶ (Выделено мною. – А. К.)

Протокол обыска, обнаружено: паспорт ДДП № 568405, *облигации второй пятилетки выпуск 4 года на 10 руб., залоговых квитанций Уинской Райсберкассы №2223, 2285.* Фотокарточка 1 шт. Переписки на 93 листах, 3 книги.²⁹⁷ (Выделено мною. – А.К.)

1. Паспорт книж. ДС 646170 выд. Чернушинским РОИ Савинцеву В. Е.
2. *Залоговая квитанция № 288 выд. сберкассой № 1668.*
3. Нагрудный священнический крест с цепью.
4. Рюмка белая металлическая.
5. Дарохранильница
6. Бархатная камилавка
7. Крест. сетка с дутым крестом
8. Звонкой старинной монеты 2 р. 45 коп. и 50 коп. советского, всего два руб. 95 коп.
9. Разной переписки на 490 стран.
10. Фотокарточек и открыток тридцать две (32) шт.
11. Литон
12. Книг разных на славянском языке 42 (сорок две) шт.
13. Резиновый шрифт – 1 шт.²⁹⁸ (Выделено мною. – А. К.)

²⁹⁴ Протокол обыска и ареста Бояршинова Ф. Г. от 3 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 160.

²⁹⁵ Протокол обыска и ареста Некрасова С. А. от 4 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 134.

²⁹⁶ Протокол обыска и ареста Пермякова Г. И. от 2 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 237.

²⁹⁷ Протокол обыска и ареста Шляпникова П. А. от 2 октября 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 250.

При обыске обнаружена разного рода переписка, крест серебряный 84 пробы с цепочкой в футляре, сахару 5 кг, песок 2 кг, конфет 2 кг, фотокарточки, принадлежащие Котельникову, других личностей, переписка, принадлежащая Котельникову, денег бумажных, принадлежащих Котельникову, двести четыре рубля, серебром советским шесть руб. 65 коп., меди 4 коп.²⁹⁹ (Выделено мною. – А. К.)

Юго-восток Пермского края – территория издревле обжитая, самая густонаселенная, с наилучшими условиями для существования крестьянских хозяйств. Поэтому нетрудно понять, почему именно там духовенство имело возможность скопить довольно крупные суммы денег. Несколько сложнее истолковать то, как они этими деньгами распорядились.

Обратим внимание на то, что только арестованный в конце 1932 года протоиерей И. И. Котельников хранил дома наличные. У всех остальных священников, подвергшихся аресту весной, летом или осенью 1937 г., обнаружены облигации внутренних займов, залоговые квитанции сберегательных касс и сберегательные книжки – не считая разменной монеты в незначительном количестве.

Выбор И. И. Котельникова в объяснении не нуждается. В начале первой пятилетки, когда практика принудительного распространения займов была относительно свежа, сами облигации и способ их распространения «по подписке» сразу вызывали недовольство в среде духовенства. Вот что говорил еще в 1929 году нетрезвый монах городищенской церкви Паисий свидетелю И. И. Неустроеву:

Советская власть нас и так обдергивает, вот сейчас на 3-й заем нас заставляют Ваши правители подписываться по 50 рублей, а где же мы их взяли, да и на что нам эти антихристовы знаки, мы считаем в руки брать их великим грехом.³⁰⁰ (Выделено мною. – А. К.)

Значимым обстоятельством являлось и острое ощущение прихода «последних времен», свойственное (как было показано ранее) самому И. И. Ко-

²⁹⁸ Протокол обыска у Савинцева В. Е. от 7 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 34:

²⁹⁹ Протокол обыска от 30 декабря 1932 г. в квартире Котельникова И. И. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д. 8768. Т. 1. Л. 8.

³⁰⁰ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 8об-9.

тельникову и разделяемое его окружением. Иногда оно провоцировало довольно экстравагантные финансовые практики:

Организацией попа КОТЕЛЬНИКОВА за последнее время был выкинут программный лозунг: «Не подчиняться Советской власти, отказаться от уплаты госплатежей и повинностей, верующие должны нашить белые одежды (как отличительный знак от антихриста) и уходить спасаться к церкви православной». <...> Член к-р <контрреволюционной> организации СОЛИНА Ф.Д., *уплатив за государственный заем деньги – от облигации отказалась*, заявляя, что ей они больше не нужны, т.к. скоро будет конец мира.³⁰¹

(Выделено мною. – А. К.)

Поступок Феклы Солиной восхищает своим абсолютным безумием – с точки зрения банального здравого смысла, но точно укладывается в логику традиционной ментальности – если учесть его эсхатологический масштаб. Прежде всего, если грядет светопреставление, то деньги – вдвойне мерзость и скверна, ими можно и должно пренебречь ради красивого жеста. Тем, что оплатив заем, Ф. Д. Солина отказалась взять облигацию, она, без всякого сомнения, унизила «антихристову власть»: принеся деньги фактически в дар, внятно заявила о том, что ответного дарения не примет. Женщина просто демонстративно швырнула их в физиономию государству.

Но в этой истории проглядывает еще один важный практический смысл. Глубоко верующую – или, по крайней мере, – очень набожную женщину (других в «контрреволюционной организации» И. И. Котельникова быть не могло) *вынудили подписаться на государственный заем*. Едва ли возможно будет узнать точно, какие именно «способы убеждения» применялись к подобным людям. Но только те, кто твердо знал, что мир приходит к концу, отказывались если не от оплаты займа, то хотя бы от «антихристовых знаков».

Конформисты облигации брали, вовсе не желая их брать. На это нежелание ясно указывают *залоговые квитанции сберегательных касс*, встречающиеся в протоколах обыска и ареста. Дело в том, что 20 июля 1936 года появилось по-

³⁰¹ Выписка из обвинительного заключения по делу № 11141 по обвинению Котельникова И. И., Овчинникова И. А., Алексева Н. Я. Наумова Ф. А. и других в количестве 27-ми человек. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 60-71.

становление ЦИК и СНК СССР «О порядке выдачи ссуд сберегательными кассами под залог облигации государственных внутренних займов». В преамбуле постановления указывалось:

Достигнутые успехи в развитии внутренних государственных займов и задачи дальнейшего улучшения всего дела обслуживания держателей государственных займов позволяют уже в настоящее время отменить существующий стеснительный для держателей государственных займов порядок выдачи ссуд под залог облигаций лишь по разрешениям в каждом отдельном случае комиссий содействия государственному кредиту.³⁰²

Иными словами, государство в очень ограниченных пределах и вовсе не бескорыстно позволило держателям облигаций получить наличные деньги, заложив их в ближайшей сберегательной кассе: «ссуды под залог облигаций выдаются на сумму не свыше 30% стоимости облигации, на срок не свыше 6 месяцев со взиманием $\frac{1}{2}$ % в месяц»³⁰³. Полпроцента в месяц – это 6% годовых, что сопоставимо с доходностью самой облигации, а в случае просрочки ссуды процент по ней увеличивался и достигал 1% в месяц (12% годовых).

Новый, упрощенный порядок выдачи ссуд вводился с 1 марта 1937 года. И несмотря на кабальные условия, к моменту ареста (октябрь 1937 г.) большинство священников – держателей государственных облигаций, как не трудно убедиться, попытались эту ссуду получить.

Но и вернув себе часть когда-то изъятых государственными займами наличных денег, те, кого официальный язык именовал «служителями культа», сталкивались со специфической проблемой – их нужно было еще суметь потратить.

Вот, например, у священника Ф. Г. Бояршинова была обнаружена «залоговая квитанция № 2738 на облигации в сумме 400 р.» и «сберегательная книжка № 3223 на сумму 121 руб. 27 коп.»³⁰⁴ Обнаруженный при аресте вклад точно соответствует той сумме (за вычетом комиссионных и процентов), которую он получил под залог своих облигаций. Едва ли это случайное совпадение – хотя

³⁰² «О порядке выдачи ссуд сберегательными кассами под залог облигации государственных внутренних займов». Пост. ЦИК и СНК 20 июля 1936 г. (СЗ СССР, 1936 г. №38, ст. 330). Режим доступа: http://accountology.ucoz.ru/load/ehkonomika/o_porjadke_vydachi_ssud_sberegatelnyimi_kassami_pod_zalog_obligacij_gosudarstvennykh_vnutrennikh_zajmov_ot_20_07_1936_g/18-1-0-4594. Дата обращения 02.09.2016.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ См. сноску № 75.

бы потому, что для оформления залога и вклада *отдельно* необходимо было дважды посетить районный центр. Ф. Г. Бояршинов получил ссуду... и не потратил ни рубля, хотя в письме к епископу Томскому Серафиму он сообщал о том, что находится на грани голодной смерти.³⁰⁵ Более того, у него на руках оставались облигации, заложив которые он мог получить еще 200 рублей. Он почему-то так не поступил – именно в то время, когда были написаны следующие строки: «И таким образом вынуждены питаться горьким травянистым суррогатом, с которого здоровье и силы слабеют страшно».³⁰⁶

Внешняя абсурдность той или иной исторической коллизии – надежный индикатор присутствия в ней некоего само собой разумеющегося (для всех действующих лиц) повседневного смысла. И Ф. Г. Бояршинов будто нарочно снабдил нас всеми необходимыми уликами, позволяющими этот смысл раскрыть. Сначала он вынуждено приобрел облигации – на целую тысячу рублей. Потом сумел получить наличные, заложив часть из них в сберкассе. Далее, он целиком вернул их сберкассе – но уже в виде вклада, оставив ряд свидетельств о своем бедственном положении. В данном случае невозможно предложить никакого иного объяснения, кроме следующего: наличные, *cash*, были так же бесполезны в повседневной деревенской жизни, как и навязанные властью ценные бумаги. И наш «богатый бедняк» объяснил, почему так: «Лишь в 10 километрах в районе есть только ларек, но и там такая давка, что совершенно нет возможности добраться до какой-либо буханки хлеба».³⁰⁷

Хлеб в данном случае является просто метафорой всего того, что можно купить за деньги. Но, допустим, Ф. Г. Бояршинов умышленно сгущал краски. В конце концов, письмо епископу он сочинил, добиваясь именно перевода «на более хлебное место». Но вот другое свидетельство:

Встретившись дня через два около церкви с Павловским в присутствии ряда лиц, разговаривая о проведении 1 мая, Павловский высказал ту же самую антисоветскую мысль: <...> Раньше было плохое житье рабочими и крестьянам, теперь спасибо Сталину,

³⁰⁵ См. Письмо Бояршинова к Серафиму епископу Томскому, ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 177-178 об.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Письмо Бояршинова к Серафиму епископу Томскому, ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702, Т. 1. Л. 177-178 об.

жить хорошо и весело, становись в очередь и получай гнилую рыбу, за другими стоят в очереди, друг друга давят.³⁰⁸

Очередь, давка, скученность, отсутствие обычных, необходимых в повседневной жизни вещей – это типичный образ деревенских лавок («ларьков»). А исчезновение товаров и появление практики принудительного распространения государственных облигаций – явления синхронные. Обратимся к показаниям, данным в конце 1929 года:

Вчера 17 ноября с/г. <сего года> в саламатовской лавке общества потребителей в присутствии до 20 человек дьякон – Михаил говорил: «Ничего не стало, как-то раньше все было, за чем ты ни пришел в лавку, того и нет. Вот как надо мануфактуру и сахару, а нам не дают, если и есть что у них, так такая дрянь, что носить нечего».³⁰⁹

Пустующие полки ларьков превращали наличные деньги в разновидность лотерейных билетов – приобретение чего-либо, даже банальной буханки хлеба, становилось редкой удачей – выигрышем при одном шансе на миллион. Это же обстоятельство делало проблематичным приобретение хлеба у крестьян – те тоже часто предпочитали купюрам *вещи*. Ездивший за продуктами из Коми-Пермяцкого округа, где было очень голодно, в более хлебную Кировскую область предусмотрительный мужичок сообщал: «Дальше мы поехали в с. Езжу, я намерен был купить пуд хлеба или картофеля, *или сменять на мануфактуру, имеющуюся при мне: 4 метра и платков 3 шт.* (Выделено мною. – А. К.)».³¹⁰

Жизнь складывалась так, что «церковным людям» деньги были регулярно нужны только для откупа места служения (взносов «на иерархию») и удовлетворения фискальных интересов государства. Настоящим же предметом одержимости к середине 30-х годов стала еда, а если точнее – именно хлеб. Он упоминается в самых разнообразных контекстах. Вот, например, церковная прислуга жалуется на нехватку хлеба:

³⁰⁸ Показания свидетеля Дубровского-Андреева Михаила Андреевича, не датированы. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29510. Л. 21.

³⁰⁹ Протокол допроса свидетеля Неустроева И.И. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 9–9 об.

³¹⁰ Протокол допроса обвиняемого Савина С. М. от 11 апреля 1934 г. ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 6.

...в свободное время я еще ходила пособить гражданам Новой деревни, чтобы подзаработать хлеба, которого мне не хватало – что я получала от церкви.³¹¹

Ее коллега, безграмотная незамужняя сирота Елена Лоскутова, пытается получить заработанные нелегким трудом деньги – чтобы купить хлеба (по-видимому, в Александровском заводе в лавках он был):

В круг моих обязанностей входило: принесение воды и дров в церковь и выполнение различных поручений по церкви, которые мне давала проживающая вместе со мной в церковной сторожке Лыхина Мария Александровна. По договоренности с которой мне за труд должны были выплачивать ежемесячно 40 рублей, однако в течение лета я зарплаты совершенно не получала, и лишь начали выплачивать только с наступлением зимы. Полностью полагающиеся 40 руб. я никогда не получала, а Лыхина изредка давала мне на хлеб 50 копеек и только два раза я получала от Лыхиной по 10 рублей.³¹²

Вот фрагмент сцены сексуальных домогательств заместителя председателя колхоза «Новая жизнь», что в деревне Агеево Верещагинского района, к воспитательнице детских яслей, ключевым моментом в которой является именно вопрос о хлебе:

Демид опять начал приставать ко мне. Он сначала спросил: «Как ты живешь, как у тебя насчет хлеба?» Я ответила: «Тебе ведь известно, что с хлебом трудно».³¹³

Активный прихожанин Чернушкинской церкви Иван Игнатьевич Костин, будучи железнодорожным служащим (в описи имущества упомянута даже «фетровая шляпа»³¹⁴), имел право на разовый бесплатный билет. Он использовал его для поездки в *хлебный город* Казань:

Кроме того, я заезжал в гор. Казань, где купил 10 буханок печеного хлеба. Ездил я по разовому билету, который не был ранее использован.³¹⁵

Потребность в хлебе объясняла и оправдывала все:

Ездить и совершать религиозные обряды на домах гр-н меня заставляет необходимость, т.к. нет хлеба и денег, семья сидит голодом.³¹⁶

³¹¹ Показания свидетеля Блиновой А. Т. от 22 мая 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 123-124 об.

³¹² Протокол допроса свидетельницы Лоскутовой Е. Д. от 28 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16996 Л. 96-99 об.

³¹³ Протокол допроса Агеевой И. Л. от 9 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1. Д. 27754. Л. 32-32 об.

³¹⁴ Копия описи «арестованного имущества» Костырева И. И. ПермГАНИЛ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 277.

³¹⁵ Протокол допроса обвиняемого Костырева И. И. от 10 мая 1937 г. ПермГАНИЛ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 2. Л. 68 об.

³¹⁶ Протокол допроса обвиняемого Тудвасева В. Г. от 11 апреля 1934 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248. Л. 8.

Голод был повседневной реальностью, и в подслушанной осведомителем беседе перспектива голодной смерти обсуждается не для красного словца, а в связи с «планами воспитательной работы» в крестьянской среде – обсуждать вторую пятилетку не нужно, вряд ли мы до нее доживем:

Нам с крестьянами о 2-ой 5-летке говорить не приходится, мы не проживем и 5 лет при такой плохой жизни, можно через год умереть с голоду. Советская власть хлеб от крестьян отбирает, не оставляет ни посеять, ни поесть.³¹⁷

Гнетущее ощущение отсутствия каких-либо жизненных перспектив периодически вызывало потребность искать утешения в алкоголе – «вине», как его обычно именовали: «принесли им вина ½ литра по свадебному обычаю».³¹⁸ Поскольку пьянство периодически упоминается в свидетельствах очевидцев, обойти вниманием эту повседневную практику мы не в праве.

Прежде всего, следует отметить, что любое упоминание о пристрастии к алкоголю в среде «духовной корпорации» имеет ярко выраженный негативный контекст. Достаточно упомянуть рассмотренный ранее эпизод с «безблагодатными священниками», которые водку пьют и скоромное едят, или вспомнить едкое замечание И. И. Котельникова в адрес епископа, который «водки – раз». Но, в то же время, пьянство (чаще всего дополняемое распутством) входит в фольклорный троп о монахах и органически вписывается в их образ. Вот что говорили про обитателей нелегального монастыря при Городищенской церкви в Чусовском районе:

Дьякон – Овчинников Михаил и монах – Паисий являются горькими пьяницами, почти ежедневно их видят шляющимися по деревне в «веселом» виде.

9 июля в праздник Тихвинской божьей матери они вместе с иеромонахом Нифонтом были в гостях у лишенца кулака д. Заозерье Шулихина Ивана Максимовича, где так напились, что дьякон и монах тут же за столом уснули и все перегадили.³¹⁹

Особенно колоритен был дьякон:

³¹⁷ Сообщение агентурного источника «Чернов» от 05.03.33. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Спецконверт.

³¹⁸ Показания обвиняемой Лыхиной М. А. от 26 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 16996. Л. 66.

³¹⁹ Протокол допроса свидетеля Третьякова С. В. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 19 об.

Дьякон – Овчинников Михаил человек первостепенный алкоголик, который кажется и дня не может прожить без вина, сколько бы нам не приходилось с ним рыбачить, у него всегда с собой был живительный напиток (как он его называет) с красной головкой, и вечно он пьяный, при этом особенно любит разговаривать про «баб», говоря: «Вот отслужу службу, бутылку вина в карман, удочки на плечо и к реке. Сидишь это попиваешь, а тут кралячка подкатывается, толстая, пышная такая, ну и время с ней проходит незаметно, посмотришь – надо бы спать, а там опять к заутренней звонят. Трудно вот только служить, когда голова с похмелья трещит».³²⁰

Если монах – то непременно выпивоха и бабник, как говорится «*noblesse oblige*». А вот глава небольшой Городищенской общины – иеромонах Нифонт (Агафонов) пил как полагалось:

По праздникам они ходили и сшибали рюмки, ни один праздник не пройдет, чтобы они не выпили. Дьякон, когда выпьет, начинает говорить: «Ходят к нам с батей бабы-то, верно, любят нас. А мягкая же та баба, и уж больно она хорошая (Парасковья), так бы с ней ночку и ночевал». Сам же Нифонт по многу не пьет, пьет только по праздникам.³²¹

Употребленная свидетелем идиома «они ходили и сшибали рюмки» прямо отсылает к картине стандартной «праздничной» выпивки, изображенной когда-то В. Г. Перовым на полотне «Крестьянский крестный ход на Пасхе»: процессия духовных особ и мирян перемещается от дома к дому, в каждом получая непременно «угощение».

Во второй половине 30-х годов появляются случаи беспробудного пьянства в среде самих священников. Особенно неприглядная картина наблюдалась в заводе Александровск. По-видимому, в шахтерском краю выпивали не только шахтеры. Нам уже известен рассказ М. Лыхиной о том, как она собственноручно вышвырнула нетрезвого священника Я.С. Колмогорова из церкви, после чего тот упал и уснул. Лыхина продолжает:

Лежал он под крыльцом в рясе и с нательным <рес. – наперсным> крестом, было светло, его видела посторонняя публика. Я говорила Механошиной, что надо донести на него митрополиту, на нас удержал священник Пастухов, говоря, что не надо выносить сор

³²⁰ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 10 об.

³²¹ Протокол допроса свидетеля Латышева П. С. от 20 ноября 1929 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 31-31об.

из избы. На свадьбе Механошиной Холмогоров был посаженным отцом и тоже при кресте напился пьяным.³²²

Особенно постыдным свидетельнице представляется то, что пьяного попа «видела посторонняя публика» и то, что он был «при кресте». Она же рассказала анекдотический случай с «чудесным исцелением» дьякона М. И. Кукшинова:

В старое рождество Холмогоров <гес. – Колмогоров> пошел приобщить дьякона Кувшинова <гес. – Кукшинова> который собирался умирать (у него на шее был нарыв) – вместо причастия оба напился до бессознания, пили до 12 часов ночи, так что даже нарыв у дьякона прорвался, домой поп Холмогоров пришел до бесчувствия пьяный. Дьякон Кувшинов пьет очень много. Я считаю, что нашим священникам так вести себя не годится – ведь оба имеют высшее образование, Холмогоров – бывший учитель, Пастухов – бывший академик.³²³

О том, как любил выпить проживавший в Коми-пермяцком округе священник В. Г. Тудвасев, свидетель А. А. Сюткин помнил даже тридцать лет спустя:

Более в близких отношениях Тудвасев находился с местным жителем Русаковым Петром Григорьевичем (погиб на фронте), вместе с которым обычно занимался распитием спиртных напитков, особенно самогона. Со слов Русакова мне было известно, что Тудвасев был плохим попом в том смысле, что он ругал по матерному попов, проклинал веру, что чаще всего разговоры вел не о вере, а о том, как бы побольше подзаработать денег.³²⁴

Самый вопиющий случай повального пьянства зафиксирован в материалах дела руководства колхоза «Новая жизнь»:

Используя момент, когда в октябре месяце 1936 года председатель колхоза был на курсах в городе Свердловске в течении месяца, а Демид остался за председателя, он окончательно начал разваливать колхоз. Он прежде всего сам занялся пьянством, по пьянке заболел и говорит, что я сделаю, я больной человек. По его примеру началась поголовная пьянка колхозников, все очередные работы приостановились окончательно.³²⁵

Пикантность ситуации заключается в том, что деревня Агеево Бородулинского сельсовета, в которой этот колхоз и находился, являлась старообряд-

³²² Показания обвиняемой Лыхиной М. А. от 26 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 16996. Л. 67.

³²³ Показания обвиняемой Лыхиной М. А. от 26 апреля 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 16996. Л. 67.

³²⁴ Протокол допроса свидетеля Сюткина А. А. от 14 января 1966 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16248.

³²⁵ Протокол допроса свидетеля председателя Бородулинского сельсовета от 9 августа 1937 г. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 35-35 об.

ческим поселением, а упомянутый в тексте «Демид» (Демид Абрамович Агеев) даже представлял свою общину на всероссийском съезде: «В июле месяце 1917 года был выбран на всероссийский съезд от старообрядцев».³²⁶ Негативное отношение к пьянству старообрядцев – этих «православных протестантов», - общеизвестно.

Пили, видимо, вовсе не от хорошей жизни. Подводя итог обзору основных повседневных практик, можно описать ситуацию так: в тридцатых годах XX столетия провинциальная повседневность выглядела как зона социального бедствия, что находило отражение в густо окрашенной в апокалипсические тона ментальности. Целый пласт культурной жизни, замкнутый и согласованный в деталях жизненный мир стремительно приходил в упадок, а его обитатели металась в поисках выхода, живя впроголодь и заливая горе вином. Они отчаянно пытались выжить, мобилизуя весь комплекс традиционных (домашнее ремесло) и недавно освоенных умений (фотографирование). Даже такие тривиальные социальные технологии, как товарно-денежные обмены превращались в непростую проблему. Окружающая действительность становилась все более непонятной и неуютной.

³²⁶ Автобиография Д. А. Агеева. ПермГАНИ. Ф. 643/2, Оп. 1, Д. 27754. Л. 20-21.

Эпилог

Едва ли стоит ждать от работы, ориентированной на дескрипцию, аналитических выводов. Автор действовал подобно археологу, извлекая на поверхность и демонстрируя всем, кто желает видеть, образ ушедшей повседневности. Поэтому и завершить ее хочется нарративом. Например, таким.

Начало августа 1937 года было жарким. Размытые июльскими грозами проселки потрескались, сперва усохли до бетонной твердости, а затем были перемолоты тележными колесами в летучую взвесь, густо оседавшую на придорожной траве. Деревенский дурак Петр Севастьянов неспешно приближался к деревне Капкан. Босые ноги юродивого утопали в горячей пыли, обмороженным прошлой весной пальцам было приятно. До ломкости просоленная потом ветхая рубаха стояла коробом. Солнце немилосердно жгло голову сквозь не отросшие еще после больничной стрижки волосы. Неделю назад его отпустили из следственного изолятора в Перми, официально признав слабоумным. В тюрьме почему-то вдруг стало ужасно тесно и многолюдно.

Он возвращался в родные места. Дальше дорога шла через Ананьино на Чернушку – привычный район его нехитрого промысла. Севастьянов смутно ощущал, что в окружающем мире что-то не так. На Преображенье Господне почему-то *нигде не служили*, хотя старушки привычно несли на могилки яблоки, которые *некому теперь было освящать*. Если бы он сумел додумать хотя бы эту единственную мысль до конца... но у него не получалось.

Расположившись на отдых в тени забора, юродивый смотрел в сторону горы Капкан. Туда, где когда-то стоял монастырь. Остатки монастырских построек скрывала буйно лезущая вверх крапива – она всегда почему-то охотно разрастается в местах, некогда обитаемых людьми.

Малоподвижное лицо Петра Севастьянова выражало обычную благодушную тупость. Все было *как всегда*. От подгнивших досок забора несло древесной прелью, а из расположенного поблизости хлева – навозом. Где-то топила печь (пекли хлеб?), и легкий ветерок доносил до него дым. Все эти запахи сме-

шивались с ароматом нагретой солнцем травы, свежескошенного сена и смолистых бревен. Пахло жизнью, обитаемым местом.

На горизонте маячила колоколенка с крестом, значит там церковь. К вечерней он будет на месте, и снова, как всегда, будет матерно ругать коммунистов-антихристов. Он сумел усвоить, что так больше подают. Соберет *кусков*, поужинает, заночует на сеновале у добрых людей. Это был его мир, хороший привычный мир.

Но этот мир умирал. И Петр Севастьянов был одним из последних чудом уцелевших его обитателей.

Научное издание

Александр Игоревич Казанков

ВРЕМЯ МЕСТНОЕ

ХРОНИКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Технический редактор: А. И. Россихина

Подписано в печать 19.12.2016. Номер заказа 36/2016

Формат А5. Гарнитура Times New Roman.

Усл. п.л. 9,53. Тираж 100 экз.

Пермский государственный институт культуры
614000, Пермь, ул. Советская, 102, оф. 101

Отпечатано в типографии «Новопринт»
Адрес: 614000, г. Пермь, ул. Пихтовая, 37